

Волкова Дарья

Такса

— Это книга о собаке? — спросите вы.

— Нет! — ответим мы.

— Тогда о хозяйке этой собаки?

— Нет!

— Тогда о чем же?

— О Большой собаке. О Большой любви. О Большой нежности.

Татьяна Соломатина. Большая собака.

Глава 1. Знакомство с резидентом. Отъезд резидента. Ошибка резидента

Пара ярких фар, увенчанная рыжим прямоугольником с черными квадратами, медленно ползла по темному двору. Зеленоглазое такси...

«Какое ж оно зеленоглазое», — усмехнулся про себя Олег, стоя у окна и допивая кофе. Желтоглазое, скорее. Зато приехало вовремя, что удивительно.

Последний глоток кофе. Отнес на кухню пустую чашку, ополоснул ее. В принципе не любил грязную посуду, а уж если уезжать на две недели... Грязи за собой оставлять никак нельзя, даже невымытой кружки из-под кофе.

Собранный чемодан стоял в прихожей. Шарф, пальто, ботинки. Олег придирчиво осмотрел себя в зеркале. Немного бледный, но вид имеет приличный, презентабельный. Что и требуется для командировки и переговоров с важными партнерами. Лететь бы надо было шефу, но...

Олег повесил сумку с ноутбуком на плечо, взял ручку чемодана. Размышлять можно и по дороге в аэропорт.

Такси стояло прямо у подъезда. Темный «Логан» с желтой надписью «Такси Бонжур» и стилизованным изображением Эйфелевой башни. В Париж нам, конечно, не надо, нам бы сначала в аэропорт, а потом — в Лондон. А Париж нам не по пути.

Щуплый паренек-таксист оперативно выскочил из машины, Олег протянул тому чемодан. Устроился на переднем пассажирском сиденье — категорически не выносил ездить сзади.

Водитель, упаковав его чемодан в багажник, вернулся на место. Назвав место назначения, Олег уставился в окно. Было о чем подумать, глядя на мелькающие за окном городские огни...

На переговоры в Лондон всегда летал шеф. Иногда брал его с собой, иногда один. Но не сейчас. Непосредственный начальник Олега, глава юридической службы «ТрансОйлКомпани», Дмитрий Иванович Тихомиров, категорически отказался лететь в Лондон на переговоры. Сказал, что Олег — давно большой мальчик, и сам в состоянии справиться. Лестно, конечно, кто б спорил, но основная причина была в другом. Причина отказа лететь в Лондон заключалась в том, что Дмитрий Иванович был... в положении.

Нет, вы не подумайте, он не польстился на миллион долларов, завещанный Чарли Чаплином первому родившему мужчине, нет. С точки зрения физиологии, в положении была супруга Дмитрия — Дарья. Но со всех остальных точек зрения... Тихомиров был в курсе всего. Тусовался на форумах для будущих мамочек. Бесконечно доставал супругу своей заботой. Требовал с нее регулярных осмотров у врача, сдачи всех мыслимых и немыслимых анализов и прохождения всех доступных и недоступных обследований. Регулярно был посылаем супругой «в дальние странствия с сексуальным уклоном», но от своего не отступался. Это было тем более забавно, что супруга Дмитрия была опытным акушером-гинекологом высочайшей квалификации. Но всегда лучше всех все знающего Тихомирова даже это не останавливало. По наблюдениям Олега, Даша была бы более чем счастлива, если б ее мегазаботливый супруг на пару недель избавил ее от своей удушающей опеки, но, увы, для нее и ах. Димон (не удивляйтесь, для Олега он был не только грозным шефом, но и бывшим однокашником и другом) уперся, как осел, и даже генеральный директор понял, что заставить главу юридической службы лететь на переговоры в Лондон невозможно.

Проще уволить. А этого Эдуард себе позволить, конечно же, не мог, поэтому, порывав для порядка, принял решение отправить на переговоры Олега Баженова. Тем более, «мальчик» действительно уже вырос, и в компетентном проведении переговоров ни генеральный директор компании Эдуард Державин, ни глава юридической службы Дмитрий Тихомиров не сомневались.

Вот так и получилось, что Олег летел в Лондон. Впервые — один на переговоры такого уровня. В себе был уверен, особо не волновался. Но некоторое напряжение пополам с охотничьим азартом все же ощущал.

Олег мысленно вернулся к последнему разговору с шефом, когда...

Он резко привалился плечом к дверце. Скользя шинами, машина веером вошла в поворот. Обочина с близкими деревьями пронеслась, казалось, у него перед лицом. От неожиданности у Олега вырвался целый пассаж речевых оборотов, услышанных от Руслана «Годзиллы» Тураева, главы их службы безопасности, который славился тем, что мог полчаса ругаться матом, ни разу не повторившись.

— Ты охренел!?! — заорал он. — Нас занесло! Чуть не перевернулись! Куда так летишь! Я не опаздываю, до самолета еще два часа.

— Чуть-чуть не считается, — усмехнувшись, ответил водила. — И потом, нас не занесло. Это было прохождение поворота в контролируемом заносе.

Помолчал и добавил:

— А можно первую фразочку повторить? Я под впечатлением. Запишу.

Олег не верил своим ушам. Ну и нахал. Вдохнул воздуха, чтобы поставить оборзевшего водилу на место, а вместо этого... Теперь он не верил и собственным глазам, разглядывая фигуру в водительском кресле.

Низко надвинутая на глаза кепка с узким козырьком. Из-под козырька — внимательный взгляд прищуренных глаз. Клетчатая рубашка, стеганный нейлоновый жилет. Руки в перчатках без пальцев, одна — на руле, другая — на рычаге коробки передач. Вся поза расслабленная и собранная одновременно — выдает человека, чувствующего себя за рулем как рыба в воде. В общем, типичный водила. И вместе с тем...

Невысокая хрупкая фигура. Из-под обрезанных краев перчаток видны изящные тонкие пальцы, уверенно сжимающие руль и рычаг коробки. В свете проносящихся мимо фонарей отчетливо видно высокие, дерзко очерченные скулы, маленький подбородок и пухлые губки. И еще — скользящую из-под кепки глубоко за спину, заплетенную в косу копну волос. Да как он мог не заметить! Не может быть...

— Ты — девушка?

— Не думаю, что у вас есть право задавать такие интимные вопросы, — это «чудо» еще и подкалывает его. При этом не отрывая внимательного взгляда от дороги. — Хотя... клиент всегда прав. Поэтому отвечаю. Нет, не девушка. Уже лет восемь. А что, вы доверяете извоз своей особы только храмовым девственницам?

Олег в немом изумлении изгибает бровь. Ну, надо же... Доморощенный юморист. А голос... Да уж, теперь ошибиться невозможно. Голос женский, довольно мелодичный. Как же он не заметил? Вот идиот... Объяснение только одно — голова у него занята предстоящей поездкой, да и не мог предположить он такого...

В машине, между тем, оживает рация.

— Девять-три, девять-три, ответьте диспетчеру.

Девушка берет рацию.

— Девять-три — диспетчеру. На связи.

— Девять-три, клиента взяли?

— Девять-три — диспетчеру. Да, клиент в машине. Работаю.

— Диспетчер — девять-три. Удачи. Отбой.

Олег не успевает сказать ничего, как рация оживает снова.

— Девять-три, ты букет-то выкинула? Который тебе тот лысый пижон подарил?

— Федюнчик, это ты? — от ее сладкого, елейного голоса Олега передергивает.

— Я, конфетка моя, я. Так что там с букетом? Или себе оставила? На долгую память?

— Феденька, а почему бы тебе...

Далее следует такое, что у Олега вырывается нервный смешок. Вот бы Годзилле такую ученицу. Она бы вскоре переплюнула наставника.

Рация взрывается раздраженным женским голосом.

— Диспетчер — Девять-три, Пять-семь, отставить левые разговоры в эфире.

— Девять три — диспетчеру. Слушаюсь. Отбой.

Олег, уже не таясь, в упор разглядывал свою... водительницу. Кажется, симпатичная девчонка. Что же она так, как сапожник...

— Что ж ты так неласково....

— С волками жить... — беспечно отозвался «Шумахер в юбке», бросая машину в очередной поворот. Олег лишь выдохнул сквозь зубы, когда обочина пронеслась опять умопомрачительно близко. Разговором ее отвлечь, что ли... Может, не будет тогда метелить так, как будто за ними погоня.

— Извини, что отдал тебе чемодан. Я не заметил, что ты... не парень. Я бы и сам его в багажник убрал.

— Да ладно, не впервой. Это моя работа, — она по-прежнему не смотрит на него, внимание — дороге. — И потом, не очень-то он и тяжелый. Что, большую часть косметички дома оставили?

— Чего? — Олег задохнулся от возмущения.

— Извините, — поспешно ответила она. — Непроизвольно вырвалось. С вашей-то внешностью...

— А что не так с моей внешностью? — Олег взбешен. Все-таки эта ситуация в целом его допекла, и он разозлился.

К тому же он знал ответ на свой вопрос. Что не так с его внешностью.

Высокий. Раньше можно было сказать — тонкий и звонкий. Теперь — просто стройный. Густые светло-русые, слегка вьющиеся волосы. Огромные голубые глаза в обрамлении длинных темных ресниц. Правильной формы нос и подбородок. Идеально очерченные крупные губы.

Все свое подростковое детство и студенческую юность Олег был почетным принцем. Предметом девичьих грез и мечтаний. Объектом первой любви как минимум половины одноклассниц. Бессменным рекордсменом по количеству получаемых валентинок и просто любовных записок на бумажках в лиловую клеточку. И как же он это все ненавидел!

Школьные друзья подкалывали и дразнили его, втайне завидуя такому вниманию со стороны девочек. А Олег тяготился этим. Смущался. Он не мог относиться к этому просто так. Чувствовал себя виноватым в том, что не мог ответить на все эти чувства. И как будто обязанным. И прозвище «Принц», намертво прилепившееся к нему еще в шестом классе, его страшно бесило.

На первом курсе, в качестве жеста отчаяния, он побрился наголо. Не помогло. Полегчало Олегу только на втором курсе, когда в их

группу перевелся сынок декана, черноглазый красавчик и потомственный дамский угодник Димка Тихомиров. С Димоном они подружились сразу, хотя очень отличались внешне, по характеру и темпераменту. Высокий тонкий голубоглазый блондин Олег и такой же высокий, но чуть более плотно сбитый темноглазый брюнет Дима на пару разбили не один десяток девичьих сердец. Олег — с чувством легкой вины и сожаления, Димка — просто получая от своих многочисленных романов колоссальное удовольствие. Да уж, кому удовольствие, а кому — головная боль.

Со временем Олег выработал своеобразную тактику. Он был безупречно вежлив. Галантен. И абсолютно холоден и равнодушен ко всем заигрываниям и намекам. Просто делал вид, что не понимает, о чем речь. Вследствие этого к концу обучения стали ходить смутные слухи, что Олег — «голубой». Те немногие девушки, которые имели счастье на своем опыте убедиться, что это не так, не спешили обрадовать общественность своими откровениями. Зато Димон был в ярости. Утверждал, что Олег — генетическая аномалия, альбинос, моногамный самец. И это было отчасти правдой.

Ибо Олег искал свою принцессу. Ту единственную, которая создана для него. Его прекрасный идеал. И когда он решал, что нашел его, Олег влюблялся. Горячо, бездумно, без памяти. Так было, когда он влюбился в первый раз в свою одноклассницу Лену. Любовался тонкими руками, распущенными каштановыми волосами, млел, когда проходил мимо, не решался открыть ей свои чувства. Отчасти — из-за юношеской робости, отчасти — из-за повышенного внимания к своей персоне со стороны других девочек. Так и ходил в нее влюбленный, пока не увидел однажды, как она прилепляет вытащенную изо рта жвачку к внутренней поверхности парты. И — как отрезало.

И так случалось каждый раз. Решение о том, что вот она — единственная. Его принцесса. Влюбленность. Романтика. Сказка. С возрастом, конечно, у сказки появилась не только платоническая подоплека. Но сути это не меняло. И каждый раз это было что-то новое. Уже не жвачка, конечно. Красные стринги, например. Или пристрастие к холодцу, который Олег на дух не выносил. Или привычка разговаривать во время секса. Всегда что-то находилось. И он понимал, что это — не принцесса. Ибо она не смогла почувствовать горошину через «двадцать тюфяков и двадцать перин из гусиного пуха».

— Приехали, — звонкий голос вывел его из состояния задумчивости. Еще б о чем-то дельном думал!

Но они действительно приехали. Олег вышел из машины, самолично вынул свой чемодан из открытого девушкой багажника. Достал бумажник. И кстати...

— Тебя зовут как?

— Женя.

— Евгения, можешь меня встретить, когда я обратно прилечу?

— Не вопрос, шеф! — белозубо улыбнулась она. Стоянка перед аэропортом была хорошо освещена, и Олег не мог не обратить внимание. Девушка была как минимум хорошенькая. — Назначайте время!

Из сумки с ноутбуком Олег достал визитку, ручку. На обороте написал дату и время обратного рейса. Протянул Жене вместе с деньгами.

— Там есть мой телефон. После прилета созвонимся.

— Есть! — отсалютовала Женька полученной визиткой. — Все, как обычно: цветы, красная дорожка, оркестр? Или будут особые пожелания?

— Машины вовремя будет достаточно, — буркнул Олег. Развернулся и направился к зданию аэровокзала, не попрощавшись.

Какого лешего он решил, что ему нужно, чтобы его встречала по возвращении эта клоунесса? Проблема трансфера не существовала в принципе, ибо весь зал прилета и подступы к нему вечно забиты голосящими «Такси до города» субъектами. Бери любого. Зачем ему именно она? Ответа не было. Разве что слабо грела в уголке сознания мысль, что его возвращения кто-то будет ждать. И встречать его. «Старею. И становлюсь сентиментальным», — мелькнула в голове мысль и была тут же вытеснена более насущными проблемами каждого авиапутешественника в наш век всеобщей паранойи на фоне единичного терроризма.

Глава 2. Женя разговаривает с собой. Виталий разговаривает с Олегом. Олег разговаривает с Женей

Евгения Миллер ехала из аэропорта по адресу очередного заказа и разговаривала сама с собой. Уже пару лет это числилось у нее среди стойких привычек. Молча она никогда не ездила. Разговоры с клиентами, в рацию, с ди-джеями радио или, как сейчас, с собой. Лишь бы занять свой беспокойный ум. Лучше быть шизофреником, разговаривающим с собою любимым, чем отдаться воспоминаниям. Готовым разорвать едва покрывшееся тонкой коркой сердце.

Поэтому Женя беседовала сама с собой. Точнее, устраивала себе выволочку. За такое крайне непочтительное отношение к весьма, как оказалось, щедрому клиенту. Какого х*ра она взъелась на него? Сначала с храмовыми девственницами, потом с косметичкой. Женька хмыкнула и призналась себе. Она просто офигела, когда увидела этого греческого бога на крыльце подъезда. Повинуясь чистому инстинкту разглядеть такое совершенство поближе, выскочила ему навстречу из машины, а он... Он, не глядя на нее, сунул ей в руки чемодан и уселся в машину. Да еще и пялился половину дороги в окно, не обращая на нее внимания. Вот за это, скажем честно, и взъелась. И пижонский поворот с заносом отсюда же. Зато он обратил на нее внимание!

Стоит признаться, это было чистой воды ребячеством. Ибо внимание этой особы королевской крови было нужно Женьке просто «для галочки». Или из природного упрямства. В общем, собственная реакция на этого Аполлона в дорогушем пальто Женьку озадачила. Все равно они были представителями генетически разных видов. Один вид носит кашемировые пальто и приезжает в международный аэропорт как к себе домой, а другой...

Женя нахмурилась. Прибавила газу, не сводя глаз с тахометра. Выключила радио, прислушиваясь к звуку двигателя. Добавила еще газу. Так, Слава опять что-то намутил с мотором.

* * *

Олег шагал по залу прилета с видом триумфатора. Все прошло до неприличия гладко. Переговоры он провел идеально. Самолеты взлетали и приземлялись вовремя. Погода в Лондоне была сносная. И даже лондонские таксисты не хамили. И кстати о таксистах...

Как будто в ответ его мыслям в кармане завибрировал телефон. Номер незнакомый.

— Да?

— Олег Викторович?

— Это я.

— Это такси «Бонжур». Я вот стою у входа.

Какой, нафиг, «Бонжур»? Что это за глухой мужской голос? Где Женя?

— Вы у самого входа?

— Ага. Номер восемьсот восемнадцать. «Рено Логан».

— Через пару минут буду.

Олег вышел из здания аэровокзала, щурясь на яркое солнце. Легкий морозец и ветер заставили поднять воротник.

— Олег Викторович?

Он обернулся.

— Да?

Крепко сбитый молодой парень в кепке и кожанке.

— Такси. Мне напарница передала вас встретить.

Ловко выхватил у Олега ручку чемодана.

— Прошу. Вот машина, тут рядышком.

— А где Женя? — уже сидя в машине, спросил Олег.

— Так отдыхает она, — выруливая с парковки, ответил парень. — Сегодня моя смена. Мы на одной машине работаем. Я напарник ее, Виталий.

Олегу стало неожиданно грустно. Не то чтобы он думал ней. Так, вспоминал пару раз. Забавная. Симпатичная. Хотя он так толком и не рассмотрел ее. И рассчитывал это сделать сегодня.

— У вас же есть ее телефон? — неожиданно для самого себя спросил Олег.

— Есть, конечно. А в чем дело? — тон Виталия резко отличался от того, как он разговаривал с Олегом до этого. Вместо заискивающей предупредительности вопрос прозвучал серьезно и даже, как будто, с вызовом.

И вопрос, и ответ были неправильным. И Олег смутился. Действительно, зачем ему. Но, сказавши «А»...

— Мне кажется, я в предыдущий раз кое-что оставил в машине. Или потерял.

— Да мы не находили ничего... — Виталий, казалось, удовлетворился ответом.

— И все же я бы хотел уточнить у Евгении, — самым что ни на есть официальным тоном заявил Олег.

— Я Таксе передам, она вам перезвонит.

— Кому? — изумился Олег.

— Таксе, — невозмутимо ответил Виталий. Потом, сообразив, хохотнул и пояснил: — Женьке. Это прозвище у нее такое.

— Почему? — вырвалось у Олега.

— А как еще называть девчонку-таксистку? К тому же она рыжая. И вечно на всех гавкает. Натуральная такса, — несмотря на иронию, говорил Виталий явно по-доброму.

Рыжая? На цвет волос Олег не обратил внимания, да и спрятаны они были под кепкой. Да и какая, собственно, ему разница? Хоть лысая. Он закрыл глаза, откинувшись на подголовник. Триумфальное настроение испарилось, оставив после себя отупляющую усталость. Ну, ничего, оно того стоило. Он приедет домой, выспится, отдохнет, и все будет нормально.

* * *

Неожиданно, но она ему перезвонила. Женя глядела на возвращенную ей Виталиком визитку как на отвратительное насекомое. Какого дьявола ему надо? Вот этому Господину Заместителю Руководителя Правового Управления Баженову Олегу Викторовичу?

Женька почесала визиткой нос и поняла: она ему позвонит. Просто чтобы он не считал ее воровкой. Прикарманившей чужую вещь. Потому что ничего чужого в машине не было. Женька после смены всегда проверяла.

— Да? — короткий резкий ответ ошеломил Женю, и она не сразу среагировала.

— Олег Викторович?

— Да, это я. Слушаю вас.

— Это Женя, — она прокашлялась и добавила. — Такси «Бонжур».

— Здравствуй, Женя.

Ответил без паузы. Как будто сразу ее вспомнил. Как будто помнил о ней. Как будто... думал... о ней.

— Эммм, — от неожиданности Женька замялась. Даже забыла поздороваться в ответ. — Мне напарник передал... Виталий. Что вы что-то оставили у меня в машине.

— Да, — ответил Олег, ненавидя себя за ложь. А что ему еще оставалось? Но как же он рад был слышать ее голос. Он надеялся, что она позвонит. — Я потерял... запонку.

— Что потеряли?

— Запонку, — ответил Олег. Спохватился и добавил. — Это такая... застежка. Для манжет. На рубашке.

— Я знаю, что такое «запонка», — процедила сквозь зубы Женя.

— Она не то чтобы очень ценная, — удивленный ее резким тоном, Олег попытался исправить положение. — Просто... это подарок, — приходилось импровизировать.

Ага, подарок. От какой-нибудь холеной эффектной барышни.

— Не было ничего в машине. Я всегда проверяю после смены салон. Наверное, где-то в другом месте потеряли. Извините, — и, не попрощавшись, Женька нажала отбой. И медленно и методично разорвала на мелкие клочки визитку господина заместителя

Глава 3. Пьем коньяк. Потом курим. И немного хулиганим, но по поводу

Успешное проведение переговоров такого высокого уровня Олег отмечал у Тихомировых. Во-первых, так решил шеф. А во-вторых... Впрочем, при наличии такого «во-первых», «во-вторых» уже не требовалось. Хоть и был Дима Тихомиров Олегу ближайшим другом, однокашником и наперсником юных забав, но забывать о субординации Олег себе не позволял.

Впрочем, возражений у Олега не было. Готовила Даша Тихомирова — пальчики оближешь. А еще она, похоже, таки смогла вправить Димону мозги, и он стал почти вменяемым. И практически не доставал ее (и Олега заодно) своим параноидальным беспокойством по поводу течения беременности супруги и грядущих родов.

Они обсудили все детали проведенных Олегом переговоров. Димка указал ему на пару мелких просчетов, но в целом выразил восхищение вкупе с намерением и впредь делегировать Олега в Лондон. По какой-то причине Тихомиров прямо-таки ненавидел этот город. Возможно, дело было в том, что во время одной из их совместных командировок пару лет назад Димка перенес там очень тяжелый грипп, который свалил практически непробиваемого Тихомирова с ног на неделю. Или дело было в чем-то другом. Точно Олег не знал.

Они неспешно цедили коньяк, лениво обсуждали дела на понедельник, когда...

Олег сидел лицом к арке столовой и вошедшую Дашу увидел первым. И сразу понял: что-то не так. Дарья прижала палец к губам и подошла сзади к мужу. Обняла сидящего Тихомирова, чуть наклонившись, прижалась щекой к его макушке. С улыбкой блаженного Димон откинул голову назад и потерся затылком об огромный Дашкин живот. Притянул к губам ее руку.

— Дима...

— Что?

— Ты только не паникуй...

Тихомиров резко выпрямился на стуле. Повернул голову и посмотрел на жену снизу вверх.

— Что такое?

— С ума не сходи, ладно? У меня воды отошли.

И начался сумасшедший дом. Димка усадил жену в кресло и стал беспорядочно метаться по квартире. Даша с Олегом смотрели на этот спектакль, обмениваясь понимающими улыбками. Дав мужу пятнадцать минут на панику, Даша объявила не подлежащее обсуждению решение. «Тревожный чемоданчик» у нее давно собран, и Димка должен прекратить суетиться с охапками каких-то вещей. Сама она идет в ванную, а Тихомиров делегируется на подземный паркинг для прогрева машины. Олег остается в квартире на всякий случай. И затем помогает Даше спуститься вниз.

Димон, обрадованный наличием четкой программы действий, ломанулся в прихожую. Похоже, на это обратил внимание только Олег, но...

— Дим?

— Чего? — из прихожей отозвался Тихомиров.

— Ты сам собрался за руль?

— Конечно!

— А ты ничего не забыл?

— Чего тебе, зануда? — Тихомиров, уже в куртке, показался в столовой.

Олег указал взглядом на стол. Три пары глаз уставились на бутылку Камю, опустошенную на две трети. Дашка хлопнула себя по лбу.

— Ты не поедешь!

— Даш, да мне это как слону дробина! Я трезвый!

— Ничего не знаю про слонов, а ты за руль не сядешь!

— Но, Дашенька...

— Это не обсуждается! Я в ванную. Вызывай такси.

— Сейчас прям! Такси! Они все придурки сумасшедшие! Я не доверю тебя какому-то бешеному джигиту. «Скорую» вызову!

Дашка преувеличенно громко вздохнула и демонстративно закатила глаза.

— Дим, «Скорая» повезет в дежурный роддом. А мне надо в мой!

— Ничего, договорюсь!

— Да проще вызвать такси, осел упрямый! Нафига «Скорую» гонять?!

— Я сказал...

— Даш, ты иди... в ванную, — неожиданно вмешался Олег. — У тебя же времени не очень много? А мы с Димой сами все решим.

Дашка благодарно улыбнулась Олегу и вышла из столовой. Иногда с упрямым Тихомировым можно справиться только вдвоем. Да и то — не всегда.

— Дим, послушай меня, пожалуйста. У меня есть знакомый таксист. Спокойный водитель. Человек адекватный. Он меня последний раз в аэропорт отвозил. И забирал, — Олег говорил это и понимал, что врет практически каждым словом. Но продолжил: — Давай, я позвоню? Обещаю, все будет тип-топ.

— Звони, — неожиданно без борьбы согласился Дмитрий. Упал в кресло и закрыл лицо руками. И Олег увидел, как дрожат его пальцы.

Олег вышел на кухню, оставив Димку одного. Достал телефон. И стал звонить абоненту, занесенному в адресную книгу под весьма странным именем «Такса Женя».

— Да?

— Женя, добрый день. Это Олег Баженов.

— Кто?

— Олег Баженов. Пару недель назад ты меня отвозила в аэропорт. Я еще потом перезванивал, про потерянную запонку спрашивал.

— А, это вы... — Женька пристроила крышку термоса, в которой плескался только что налитый горячий крепкий кофе, на «торпеду», привалив к рычагу коробки передач. Термос поставила на пол, зажав между ног, обутых в кроссовки. — Я же говорила, что запонки не было. Вы где-то...

— Да при чем тут запонка! — резко перебил ее Олег. — Ты работаешь сегодня?

— Да, — слегка растерянно ответила она.

— Тогда приезжай, — Олег продиктовал адрес. — Скоро будешь? Женька посмотрела на крышку термоса. Кофе хотелось адски.

— Двадцать минут!

— Отлично, ждем.

Зайдя в гостиную, Олег отрапортовал:

— Машина будет через двадцать минут.

— Хорошо, — равнодушно ответил Дима.

Олег внимательно посмотрел на друга. Похоже, гиперактивность после стресса сменилась апатией. Подошел, положил руку на плечо.

— Дим, ты чего?

Тот промолчал, И лишь когда Олег уже собрался, было, повторить вопрос, сопровождая его какой-нибудь утешающей глупостью, тихо ответил:

— Я боюсь.

— Да ты чего? — Олег присел на корточки рядом с креслом. — Это ж Дашка. У нее все схвачено. Я так понимаю, там весь роддом будет по стойке «смирно» стоять. На всякий пожарный.

— Много ты знаешь! Это не дает никаких гарантий! — неожиданно резко ответил Дима. И, помолчав, добавил: — Ты просто не представляешь, как это страшно...

Олег разозлился.

— Эй, алле! Если кому и трудно и страшно сейчас, так это твоей жене. Ты что, хочешь, чтобы она отвлекалась на то, чтобы утешать тебя, несчастного? По-моему, у нее есть дела поважнее!

— Ты прав, — Димка глубоко вздохнул. — Ты прав, Олег. Спасибо. Я соберусь.

Щелкнул замок ванной.

Благоразумия Тихомирова хватило ненадолго. Увидев водителя, он словно взбесился.

— Олег, твою мать! Я не позволю безмозглой курице везти мою жену!

Первой отреагировала Даша. Пока Олег подбирал не нарушающий субординацию, но соответствующий неадекватному поведению Тихомирова ответ, а Женька — упавшую от изумления челюсть, Дарья открыла заднюю дверь такси.

— Не нравится — иди пешком. А я поеду.

Димон кинулся помогать жене усаживаться в машину, одарив Олега не обещающим ничего хорошего взглядом. Олег страдальчески закатил глаза и шумно выдохнул.

— Это как понимать? — вкрадчиво поинтересовалась Женя.

«Да что же это такое?», — подумалось Олегу. Что за день сегодня, если из всех окружающих его людей самый адекватный и вменяемый — это рожаящая женщина!

— Жень, поехали, а? — Олег открыл переднюю пассажирскую дверь. — Я потом все объясню. И деньгами компенсирую... моральный ущерб. А на этого... — Олег одарил ответным мрачным взглядом усаживающегося на заднее сиденье Тихомирова, — внимания не обращай. Он буйный, но не опасный.

Когда они подъехали к роддому, в котором работала Дашка, Олег был готов расцеловать Женьку и признаться ей в любви. Памятуя о поездке в аэропорт, уже сожалел о своем импульсивном решении вызвать ее и ожидал худшего. Но Женя, умница, правильно оценила ситуацию. Мало того, что ехала аккуратно, но при этом достаточно быстро, так еще и умудрялась игнорировать Димона, который всю дорогу непрерывно высказывался на тему того, что они не туда повернули, нефиг подрезать «Форд» и не надо проезжать перекресток на мигающий зеленый. Женя просто быстро и аккуратно доставила их к роддому. Молча. И это было сродни подвигу.

На крыльце санпропускника уже дежурила Клавдия Архиповна. Оттеснив Димона от Дашки (Олег только глаза округлил от изумления — вот уж не думал, что кто-то на это способен), подхватила ее под руку и аккуратно повела к дверям. Димка, забрав из машины сумку, потрусил следом. Олег, глядя им вслед, мысленно пожелал удачи.

— Кто этот клоун? — ехидные интонации плохо гармонировали с мелодичным голосом. Олег повернулся.

Женька смотрела на него, пряча улыбку. Кажется, не очень-то и злится. Ясный зимний день позволял рассмотреть ее во все красе, что Олег и сделал. Невысокая ладная фигурка была облачена в синие джинсы, красно-синюю клетчатую рубашку и ярко-красный дутый жилет на кнопках. Похоже, это у нее нечто вроде униформы. А вот кепки не было, и копна золотисто-рыжих локонов заставила Олега потерять дар речи. А ведь там еще прилагались высокие скулы, маленькие, но аппетитные и пухлые губки и лукавые серо-голубые глаза. Да уж, теперь за парня Женю мог принять только слепой.

— Евгения, извини, — Олег начал официально. — Это мой... друг. И он немного... нервничает, потому что у него, как видишь, жена рожает.

— Да? А, судя по его поведению, рожает он сам.

— Извини его, — повторил Олег. — Он просто очень волнуется, потому что... Внятных объяснений «почему» у Олега не было, но Женя его сама перебила.

— Да ладно, — махнула рукой она. — Он не первый и, увы, не последний придурок, который прокатился в моей машине. Работа такая.

Посмотрела на двери роддома, потом перевела взгляд на Олега.

— Ну, что? В моих услугах больше не нуждаются?

Действительно, ей же нужно работать. А Олег пока не мог оставить Димку одного. Нахмурился, придумывая причину, чтобы она осталась. Или предлог для следующей встречи. Идей не было. Олег полез во внутренний карман куртки за портмоне. Помощь пришла, откуда не ждали.

— Эй, ты! — раздался за спиной Олега зычный баритон Тихомирова.

— Я? — картинно распахнула глаза Женька.

— Да, ты, — игнорируя Женькино кривляние, ответил Димка. Продиктовал адрес. — Поедешь туда, привезешь двух человек.

— Слушаюсь, мой господин, — не унималась Женя. Тихомиров лишь рассеянно кивнул.

«Логан» рванул с места, пробуксовывая колесами. Видимо, Женька решила компенсировать себе аккуратную езду по дороге сюда. Двое мужчин остались во дворе роддома одни.

— Курить хочу, — тоскливо простонал Димка.

— Чего? — Олегу показалось, он ослышался.

— Хо-чу ку-рить, — по слогам повторил Дима.

— Эй, Димыч, ты что? Ты ж даже в студенчестве никогда не курил! Даже на пьянках!

— Я и отцом никогда не становился! Что теперь! У тебя есть?

— Дим, ты забыл? Я же бросил!

— Да тебя х*р поймешь! То ты куришь, то ты бросаешь!

— Я курю, когда бросаю! — в сердцах выпалил Олег.

Димка расхохотался.

— Железная логика...

А логика была в том, что когда Олег разочаровывался в очередной «принцессе» и бросал ее, он начинал курить, срывался в кратковременные, но интенсивные запой и вообще — всячески страдал.

— Так что — нет у тебя? Тогда пошли, купим.

— Пошли, — обреченно ответил Олег.

* * *

— Ну, а что там у Даши? Какие перспективы? — спросил Олег, когда они вышли из ворот роддома.

— Открытие четыре пальца. Тебе это о чем-то говорит?

— Нет, — усмехнулся Олег. — А тебе?

— Кое-что... — грустно усмехнулся в ответ Димка. — Дашка очень любит, знаешь ли, обсуждать со мной свои профессиональные дела.

— И что? Какие перспективы? — повторил вопрос Олег.

— Да какие угодно, — вздохнул Тихомиров. — Если все нормально пойдет — то часа два.

— Дим, а чего ты с ней не пошел? — глядя на мучения друга, решил спросить Олег. — Наверняка б разрешили.

— Дашка меня выгнала, — совсем уж уныло пробормотал Дима. Тряхнул головой и непоследовательно заявил: — Так, Баженов, хорош меня доставать! Купи лучше сигарет!

— Тебе вроде бы есть восемнадцать лет? — ехидно поинтересовался Олег.

— Да их тут столько! — Димка озадаченно смотрел на витрину табачного киоска. — Купи какие-нибудь легкие. Чтобы меня не стошнило.

— Димон, вот что ты со мной делаешь? — жаловался Олег, расплачиваясь за сигареты. — Я ж три месяца как бросил...

— В который раз? — в свою очередь подначил друга Димка. — И вообще, при чем тут ты? Сигареты — мне. А ты не хочешь — так не кури.

— Ага, сейчас! — Олег ловким движением отодрал с пачки целлофан. Смял и выбросил его в урну. Прикрываясь от легкого ветра, прикурил и с наслаждением затянулся. — Как же, упущу я такой повод...

— Хорошо, что меня не видит моя мама, — пробормотал с усмешкой Димон, поворачиваясь спиной к ветру и закуривая. Закашлялся с непривычки. — Ну и гадость эта ваша заливная рыба!

— Не любо — не кушай!

* * *

Дорога туда и обратно заняла у Женьки почти два часа. Ехать пришлось за город, и потом — пробки, пробки, пробки... Подъезжая к санпропускнику, увидела одиноко стоящую фигуру Олега. Ее пассажиры выскочили наружу, едва машина остановилась.

— Олег, Олежек... — растрепанная Анна Николаевна подбежала к Олегу первой. — Ну что, как там Дашенька? Где Дима?

— Здравствуйте, Анна Николаевна, Иван Михайлович. Даша в роддоме. Дима ушел узнавать. Пока не вернулся, — лаконично ответил Олег.

— Так... — Димкина мать принялась судорожно рыться в сумочке. — Ваня, надо ему позвонить. Сказать, что мы приехали и...

Из дверей санпропускника вышел Димка. Медленно начал спускаться по ступеням.

В этот момент должна была звучать какая-нибудь апокалипсическая музыка. Впрочем, возможно, в голове у Димона она и звучала. Олег внимательно всматривался в лицо друга, пытаясь идентифицировать выражение его лица. Безрезультатно. Таким Олег не видел его ни разу.

— Дима, ну что, что там? — теребила сына Анна Николаевна.

Вместо ответа Тихомиров-младший осел на ступеньки крыльца.

— Дима!.. — взвыла мать.

Димка поднял глаза на родителей и соизволил, наконец, ответить.

— У меня родилась Манька.

И на лице его расплзлась широченная идиотская улыбка.

— Как Манька? Ты что? Дима? Ты пьяный? — трясла за плечи Диму мать.

— Анна, подожди, — попытался урезонить жену Тихомиров-старший. — Что, родила Дарья? Дочь?

— Да, — счастливо выдохнул Димон и опрокинулся назад. Уперся затылком в ступеньку, устраиваясь поудобнее прямо на мокром крыльце. — Дочь у меня родилась. Манька.

— Какая Манька? — ужаснулась Анна Николаевна. — Мы же хотели Веру. Или Зою.

— Не знаю, кого вы там хотели... — лениво ответил Димон, глядя в темнеющее небо, — а у меня родилась Маруся.

— Дмитрий, немедленно вставай... — строго начала, было, мать, но Иван Михайлович привлек ее внимание к дверям, в которых стояла дородная медсестра, с улыбкой наблюдая за разыгрывающимся на ступеньках спектаклем. Мгновенно распознав в Клавдии Архиповне более ценного информатора, новоявленные бабушка с дедушкой рысью кинулись к ней, оставив невменяемого сына валяться на ступеньках.

Олег разглядывал лежащего на грязном крыльце шефа и не знал, что сказать. Наконец, в нарушение всякой субординации, пнул его в подошву ботинка и поинтересовался:

— Долго намерен тут лежать?

Димон ответить не соизволил, разглядывая что-то, видимое лишь ему одному, среди первых ранних звезд.

Олег вздохнул. Все это его уже порядком утомило. И вообще, он Тихомирову не нянька, взрослые люди — сами разберутся.

— Мои поздравления Даше, — сказал он и развернулся, направляясь к такси.

Женька стояла рядом с машиной, засунув руки в карманы жилета, и с веселым изумлением наблюдала за происходящим. Да уж, спектакль получился на славу!

— Жень, отвези меня домой, пожалуйста. Что-то устал я уже от господ Тихомировых.

— Золотые ваши слова, Олег Викторович! — с чувством ответила Женья. — Давно пора. Преклоняюсь перед твоим терпением. Поехали!

— Сколько я тебе должен? — такси стоит перед подъездом дома Олега.

— Ох, не рассчитывайся, Олег Викторович, — Женька поворачивается к Олегу лицом, облакачиваясь локтем о руль. — Слушай, а это его родители?

— Да.

— Пиз**ц! — выдыхает Женька. — Семья придурков.

— Что так? — морщится от ее слов Олег.

— Они мне весь мозг вынесли, пока я их везла. Что, да как, да почему... Как будто я знаю...

— Они просто тоже сильно волнуются. Уже и не чаяли дожидаться внуков... — пытается оправдать Олег эксцентричное поведение Димкиных родителей.

— Почему? Он больной, что ли? — бесцеремонно спросила Женька.

Олег фыркнул.

— Можно сказать и так... Есть такая болезнь — кобелизм.

— О-о-о-о, — ехидно протянула Женька. — Папочка, оказывается, кобель. Ну, с такой-то внешностью...

— А у него что не так с внешностью? — осведомился Олег, протягивая ей деньги.

— Самая что ни на есть кобелиная. Красавчик, — с чувством промурлыкала Женя.

— Считаешь Димона красивым? — ревниво спросил Олег. Странно, раньше ему было совершенно все равно, что Димку считают красивее, чем он. — Ты ж его придурком обзывала?

— Так одно другому не мешает.

— А я? — Олег не верил собственным ушам. Что он ТАКОЕ спрашивает! И, тем не менее... — Меня ты не считаешь красивым?

Женька внимательно оглядела его и вынесла вердикт:

— Моль бледная.

Против воли Олег расхохотался.

— Вот, значит, как... Жаль, что я не в твоём вкусе. А то я хотел...

— Чего? — быстро переспросила Женька замолчавшего Олега. Слишком быстро.

— Пригласить тебя куда-нибудь, — не сумев сдержать улыбку, ответил он. — В качестве компенсации. За моральные издержки.

— Пригласить меня?.. — его триумфальная улыбка разозлила Женьку. Еще бы! — Не думаю, что это хорошая идея.

— Почему?

— Потому что по пятницам я пью пиво с парнями в гараже, а ты тусуешься в модных клубах. Такой ответ тебя устроит?

— Это значит — «нет»?

— Это значит — «нет». Но если понадобится куда-то отвезти — звони! — Женька демонстративно сунула деньги в карман жилета и добавила. — Мне определенно нравится на тебя работать.

Стоя у подъезда и глядя на отъезжающий «Логан», Олег пытался осознать удивительный факт. Ему только что отказали в свидании.

Глава 4. Вызов эвакуатора. Эвакуатор злится. Эвакуатор недоумекает

Женя отметилась у диспетчера и встала в длинную очередь такси. Можно и кофе попить. Глянула в спину удаляющегося в сторону вокзала ее последнего пассажира. Достаточно молодой, чуть младше ее, парень, но с уже отметившими его персону лысиной и пупцом. И сальные волосы явно нуждались в стрижке.

Женя налила себе кофе из термоса. Странно, что она обратила на это внимание. Внешность пассажиров, тем более — мужчин, ее раньше не интересовала. Но после того случая...

Она ни разу не видела столько красивых людей одновременно. И этот голубоглазый, мать его! Аполлон. И черноокий мачо с задатками психопата. А уж то, что женщина на сносях может выглядеть такой потрясающе красивой — это для Женьки был вообще сюрприз. Такой потрясающе красивой — и такой спокойной. Повезло же ее мужу. Впрочем, ей самой, тоже, скажем честно, повезло. Потому как тревога и беспокойство мачо-психопата за жену читались совершенно невооруженным взглядом.

Характерно, что греческий бог, как и положено настоящему олимпийцу, хранил одноименное спокойствие. Вполне возможно, что для него это не впервой. Вполне возможно, что он женат и имеет уже пару карапузов.

Женька нахмурилась, так и не сумев вспомнить, видела ли у Олега обручальное кольцо на пальце. Она попросту не обращала на такие вещи внимания. До недавнего времени.

Но даже если он и женат, это совершенно не помешало ему пригласить ее на свидание. Женька еще сильнее хмурится. Потому что впервые за пару последних лет сомневается. Правильно ли она поступила.

Он ее раздражал безмерно. Своей красотой. Пижонской надменностью. Нарочитым равнодушием. Запахом больших денег. Ехидной улыбкой.

И вместе с тем. Парадоксально, но... Производил впечатление правильного человека. Точнее, человека, который все делает правильно. А еще точнее, человека, который не совершает неправильных поступков.

Черт, из-за этого пижона ее мысли приняли совсем нежелательный оборот. И звонок телефона был как нельзя более кстати. И... вспомни беса — и он тут как тут.

— Да?

— Женя, привет. Это Олег. Можешь меня сейчас забрать?

— Конечно! Адрес?

Разворачивая машину, Женька поймала себя на том, что улыбается.

Однако когда приехала по адресу, улыбаться уже не хотелось. А ведь могла бы догадаться...

— Эй, Баженов, твоя рыжая приехала, — красавец-психопат первым подошел к такси.

— Buenos noches, señor, — промурлыкала Женя, демонстрируя мелкие ровные зубки.

— Привет, Жень, — за спиной здоровяка брюнета показывается Олег.

Мужчины обнялись, прощаясь. Олег плюхнулся на переднее пассажирское.

— Запряга-а-а-а-ай, Семе-е-е-е-ен, — басом выдает он.

— Семен? — усмехается Женька.

— Тро-о-о-о-о-огай, Семе-е-е-е-ен, — басит, продолжая дурачиться, Олег.

— Как скажете, барин, — машина срывается с места.

— Давай песню, Семен!

— Жениться тебе пора, барин, — выворачивает на максимум громкость радиоприемника. И поэтому его ответ:

— Да я хоть сейчас готов! — она не слышит.

* * *

Весь масштаб бедствия Женька оценила, только когда они приехали к дому Олега, и он попытался выйти из машины. А вместо этого — выпал. Женька ахнула, поставила коробку на нейтраль, дернула ручник и выскочила из машины.

Олег приземлился на четвереньки рядом с пассажирской дверью. Плечи его тряслись. Женька предусмотрительно остановилась в метре от него.

— Олег, ты что? Ты... Тебе плохо? Тебя тошнит?

— Нет, — почти простонал он.

— А что?

— Смеш...но, — булькая и хихикая, проговорил он.

«Смешно ему...», — с досадой подумалось ей. — «Пьяница!»

— А ну-ка, вставай!

Трясет головой.

— Нет.

— Почему? — потеряв терпение, рявкает она.

— Не могу.

Вот засада! Попадаलोво! Бросить его тут к чертовой бабушке! Женька оглядывает двор и понимает: она просто не развернет машину здесь. Учítывая, как непредсказуемо может себя повести это пьяное четвероногое... Еще под колеса поползет.

Черт! Придется тащить его до квартиры.

Женька присела на корточки рядом.

— Олег! Положи руку мне на плечо. Давай попробуем встать.

— Давай попробуем, — хмыкает он.

Встали. Со второй попытки. Но все-таки встали. Женя прислонила его к машине и придирчиво оглядела. Ржет. Весело ему... Хорошо, что на улице относительно чисто, и колени и ладони, хоть и испачканы слегка, по сухие.

— Стой здесь! — строго грозя пальцем, говорит она.

Олег пытается... Укусить ее за палец! Это полный пи***ц!

— Стоять! — во весь голос рявкает она. — Стой тихо! Здесь! Не двигайся! Понял?

Олег кивает. И улыбается. Пьяная скотина!

Женька метнулась за руль. Заглушила мотор, вытащила ключ из замка зажигания. Вышла из машины, закрыла. Огляделась. Она, конечно, перегородила весь двор, но проехать можно. Ничего, будем надеяться, это много времени не займет.

Пока они топали до подъезда, пока поднимались на лифте — все это время Женька культивировала в себе злость. Чтобы заглушить поднимающееся изнутри нечто... Чтобы игнорировать легкий, но невыразимо приятный запах его, она готова на что угодно спорить, очень дорогого парфюма. Чтобы не обращать внимания на то, какое у него твердое, плотное тело, и как двигаются мышцы, когда его рука опирается на ее плечи. Она так остро чувствовала его близость.

Женька резко выдохнула сквозь стиснутые зубы. Вот, опять! Его рука, свободно свисающая с Женькиного плеча, качнулась, и длинные пальцы коснулись. Чуть-чуть. Слегка. Ее груди. Опять. Уже во второй раз. Черт!

Она повернула голову и наткнулась на его взгляд. Из-под слегка опущенных ресниц. И он больше не улыбался. Твою мать... Он делает это специально! Говнюк!

Но дергаться поздно. Женька еще крепче сжала зубы. Еще немного и...

Двери лифта открылись.

— Куда?

— Налево, — приглашающе махнул рукой Олег. А потом его рука безвольно упала и снова...

Женька толкнула его со всех сил, приваливая к стене.

— Ключи! — почти прорычала она, протягивая ладонь.

— В кармане.

Она уже успела протянуть руку к карману куртки, когда увидела, как он качает головой. Отрицательно.

— В брюках.

Это уже не лезло ни в какие ворота!

— Доставай!

Он опять качает головой. И снова — отрицательно.

Глаза в глаза. И она понимает. Может, он и пьяный. Но в его глазах — четкий, абсолютно осознанный вызов. И будет она последняя дурочка, если его примет...

Кто их считает, этих дурочек? Может, она и не последняя по счету. Но точно — одна из них. Потому что ее ладонь резко, без предупреждения, ныряет в карман его брюк. Смотрит с вызовом. Вот так! Не ожидал? По выражению его лица ничего понять невозможно. Женька вытаскивает руку из пустого кармана и уже не так решительно опускает руку в другой. Пальцы касаются чего-то и...

— Это не ключ, — выдыхает Олег.

Конечно, это не ключ. Вместо холода металла под пальцами, сквозь ткань — теплая упругая плоть, которая... твердеет. Прямо под ее пальцами.

И опять. Глаза в глаза. В его — что-то меняется. Плавится. В ее — растерянность. Которая все же сменяется решительностью.

— Эта штука не откроет дверь?

— Нет, — опять выдыхает Олег.

— Жаль, — нарочито громко вздыхает Женька, ее пальцы скользят дальше и вот, наконец-то! — ключи.

Пять минут звяканья ключами, сопровождаемых затейливыми ругательствами — и квартира открыта. Вталкивает Олега внутрь, нехстати подумав о том, что сейчас, как в анекдоте, их встретит его жена со скалкой.

Их встречает тишина. И темнота. Обшарив две стены, Женька наконец-то находит искомое. И прихожую заливает свет.

— Разувать не буду! — предупреждает. — Будь любезен — сам!

— Хорошо, — покорно бормочет Олег, опираясь рукой о стену. — Сам так сам.

Прислонившись к стене и скрестив руки на груди, она наблюдает за его попытками разуться. Одна, вторая, третья... Наконец-то. Подходит ближе, опять подставляя плечо.

— Ну, где спальня?

— Обожаю, когда женщина это говорит... — усмехается Олег. —
Пойдем, покажу.

В спальне Женька делает одно движение. Но и его хватает. Легкий толчок в спину. И Олег падает на кровать.

Ей бы сразу уйти, но она не может удержаться.

— Что, день взятия Бастилии не прошел зря? — интересуется ехидно.

— Нет, — отвечает Олег. Перевернулся на спину, закинул руки за голову. Смотрит на нее снизу вверх. — Бастилия не при чем.

Отмечали день рождения Машки Тихомировой.

— Это жена психического?

— Нет, — хохочет Олег. Смешлив он сегодня. — Жена — Даша. А Машка — это дочь. Ты ж была там... практически.

— Так это вы за новорожденную так... накидались? Хороши, нечего сказать.

— За здоровье же!

— Ну-ну...

Женька поворачивается к двери и... Для пьяного у него слишком быстрая реакция. Перехватывает ее руку и неожиданно для себя Женька плюхается попой на кровать рядом. Не отпускает ее руку. Прижимается к ладони щекой.

— Не уходи...

Женька молчит. Потеряла дар речи. Есть от чего. Его ладонь. Твердая и горячая. И щека. Под ее ладонью. Слегка колючая. А так и не заметно. Блондин.

— Женя... Не уходи. Пожалуйста. Побудь со мной. Чуть-чуть.

Трется щекой о ее ладонь. Как большой золотистый кот. Глаза закрыты. И легкая улыбка на губах.

Женя замирает. Сидит тихо. В ладони покалывает. Наверное, от его щетины. Или еще от чего-то...

Он по-прежнему крепко держит ее руку. Но через пару минут она понимает. Больше не улыбается. Ровное и глубокое дыхание. Он заснул.

И она по-прежнему не отнимает ладонь. И смотрит на него. Он безбожно хорош, это правда. Но при этом... Видны и сеть тонких морщинок у глаз. И едва заметные, разгладившиеся теперь, складки — между бровей и у губ. Лицо человека, который часто улыбается. Но еще чаще — хмурится. Оно одновременно и более открытое, беззащитное. Как и у любого спящего. И более строгое, вместе с тем.

И он совсем не похож на того пижона, который сел к ней в машину несколько недель назад.

Женя наконец-то убирает руку. Надо уходить.

Вместо этого — отправляется бродить по квартире. На кухне решает сделать привал. Ставит чайник. Рыскает по шкафам в поисках кофе. Старательно отгоняя от себя мысль о том, что она ведет себя, по меньшей мере, странно. Но она просто не может уйти. Не может уйти — и все тут!

Кофе она так и не нашла. Заварила пакетик чая. Пила и уговаривала себя. Что она — чертовски уравновешенная и благоразумная девушка. Уговорила. И чай допила. Кружку из зловредности мыть не стала. Пусть Олег Викторович завтра с утра голову поломает.

Входная дверь поставила перед Женькой очередную трудноразрешимую задачу. Пощелкав замками, поняла — захлопнуть дверь невозможно. Или закрыть изнутри. Или снаружи. Или оставить дверь незапертой.

Мысль о том, чтобы пойти разбудить это алкочудовище отмела сразу. Можно, конечно, прикрыть дверь на защелку. Авось никто не украдет такое сокровище до утра... Но мысль о том, что он будет спать в незапертой квартире, была настолько неприятной, что пришлось отказаться и от нее. Вариант оставался один. Женька взяла с полочки оставленные там ею же ключи. Постояла в задумчивости. Мелькнувшая идея с каждой минутой казалась ей все более и более привлекательной. Не выпуская из рук ключей, Женя прошла в гостиную. Кажется там, на компьютерном столе, она видела ручку. И бумага тоже должна найтись.

Глава 5. Утро. Похмелье. И головная боль. И добавить, при всем желании, нечего

Утро было... непростым. Бывало, конечно, и хуже. Бывало. Но редко. Несладко это — просыпаться от головной боли.

Осторожно, стараясь не двигать головой, сел на кровати. Медленно опустил ноги на пол. Оглядел себя. Поздравляю, Олег Викторович! Спал одетым... Брюки, рубашка — все измятое. Хорошо хоть, разуться умудрился. А ведь не помнит, как... Сам себе укоризненно

покачал головой. Охнул, обругал себя, шипя сквозь зубы. Как же болит голова...

Проявляя чудеса героизма, доплелся до ванной. Разделся, бросив вещи в угол. Главное — не смотреть на свое отражение в зеркало.

После душа стало легче. Проверенный метод. Обмотав бедра полотенцем, поплелся на кухню. Обнаружив на столе кружку из-под чая, поморщился. Ему еще и чай приспичило пить вчера, оказывается. Убрал кружку в раковину, налил воды в чайник, включил. И все это время где-то на границе сознания маячила то ли мысль, то ли воспоминание. Которое он никак не мог поймать. Ибо сосредоточиться на чем-то, кроме простейших действий, пока не получалось.

Повинуясь этому самому смутному ощущению, все так же вяло поплелся в прихожую. Его туфли безобразно нагло валялись прямо перед входной дверью. Но его взгляд сразу выхватил другое. Белый лист бумаги на тумбочке. Там, где обычно лежат ключи.

Дорогой! Ты был великолепен... Ты просто настоящий жеребец! Я поехала за плеткой и наручниками — как ты и просил. Ты такой затейник... До встречи, мой сладкий.

Подписи не было. Но у Олега в голове как будто зажгли свет. Он вспомнил. И застонал. Он идиот...

Он же возвращался домой на такси. Женя... И упал, кажется, еще на улице. И она тащила его до квартиры на себе. И сцена с ключами. И Женя сидит на его кровати. И ее ладонь на его щеке. Все эти картины стремительно, одна за другой вспыхивают в голове, и Олег остро, до стога жалеет о своем недавнем беспамятстве. Зажмуривает глаза, но от этого детали его «геройства» становятся только еще ярче.

И очевидно вдруг стало, что из кружки с остатками чая пил не он. Мелькнувшая в сознании шальная мысль так же бесследно испарилась. Да, в его квартире неизвестно сколько времени находился посторонний человек, пока сам Олег пребывал в бессознательном состоянии. Но он был уверен, что невымытая чашка из-под чая — единственный материальный урон, нанесенный его невольной ночной гостьей. Он просто знал это — и все...

Потом, и совершенно последовательно, его посетила догадка. Дернул ручку входной двери, оглядел замок. Так и есть. Дверь закрыта снаружи. И совершенно очевидно, кем.

Олег медленно сполз по стенке и схватился за голову. Жест, безусловно, картинный. Но он в полной мере отражал охватившее его отчаяние.

А вариантов-то, собственно, нет. Потратив пять минут на поиски смарта, Олег вместе с адским порождением прогресса отправился на кухню. Залил горячей водой зеленый чай. Ждал, пока он заварится, сверля сумрачным взором ни в чем не повинный Nexus. Все равно... Рано или поздно. Надо будет звонить.

Налил чай в чашку. Первый глоток. И пальцы смыкаются на телефоне.

— Женя, доброе утро.

— Неужели оно у вас доброе, Олег Викторович?

Началось... Кто бы сомневался. Даже если и был бы он в состоянии препираться с ехидной до изжоги Женькой, сейчас он не в том положении.

— Жень, ты можешь приехать? — игнорируя ее вопрос, спросил он.

— Сейчас? — Женька снимает выстрелом снайпера, сохраняется и нажимает на паузу.

— Эмммм... — Олег не сразу отвечает, пытаюсь идентифицировать звуки, раздающиеся на фоне их разговора. — Если можно...

— Через час, — безапелляционно отрезает она. — Даже нет, через полтора.

— Хорошо, — быстро соглашается Олег. Его это более чем устраивает.

За прошедшие без малого два часа он мало что успел. Оделся, это безусловно. Побрился, опять же. Убрал на место туфли. Сложил в пакет вещи — надо будет заехать завтра в химчистку. Выпил старый добрый цитрамон в количестве двух штук. И прилег. Прямо на пол в гостиной. В приоткрытую балконную дверь проведать Олега просочился сырой мартовский ветер. Остужал гудящую голову, порхая по комнате в такт льющейся из колонок Равелевской «Игре воды». Олег впал в подобие легкого транса, из которого его вывел звук поворачивающегося в замке ключа.

Женька тихо открыла дверь. Напрасно она так старалась не шуметь. Вот он, туточки. Несчастный узник замка Иф.

Разглядывая встречающего ее Олега, удивилась. Как может человек ТАК выглядеть с похмелья? Идеально лежащие волосы, изучающий взгляд голубых, как мартовское небо, глаз. Джинсы, серый трикотажный джемпер. Хоть сейчас на подиум. Из общей картины

выбивались только босые ноги. С поджатыми пальцами. По полу ощутимо тянуло сквозняком. Вытрезвитель себе устроил, алкоголик несчастный!

— Здравствуй, милый, — Женька не удержалась от провокации и чмокнула оторопевшего Олега в щеку. — Держи, это тебе.

— Что это? — подозрение, с которым он глядел на черный пакет в своей руке, доставило Женьке извращенное удовольствие.

— Пара наручников. Плетки трех видов. Все, как ты просил. Сейчас пробовать будем?

Олег только вздохнул обреченно, заглядывая в пакет. Никаких наручников. Пара пластиковых бутылок.

— Это пиво?

— Пиво? Обойдешься! Это квас.

— Квас?

— Тебе сейчас — самое оно.

— Спасибо, — растерянно ответил Олег.

— Что у нас на обед, милый?

И опять он не знает, что ответить.

— Что, есть ничего? Ну, хоть чаю с бутербродами...

— Конечно, — спохватывается Олег. — Прошу на кухню. Сейчас что-нибудь придумаю.

На кухне включает чайник, и, не давая себе времени на малодушные сомнения, произносит:

— Женя, я хотел бы извиниться за вчерашнее.

— О чем ты? — Женя картинно округляет глаза.

— Я вчера был пьян и вел себя неадекватно, — не то, чтобы Олегу нравилось это говорить, но если он принял решение извиниться, то надо называть вещи своими именами.

— О чем ты говоришь? Мне давно так хорошо не было!

Ну конечно, она не успокоится, пока не получит свой фунт мяса...

— Жень, пожалуйста... — Олег морщится. — Я же знаю, что между нами ничего не было.

— Откуда такая уверенность? Неужели я недостаточно хороша для тебя? — она ерничает, но на душе вдруг холодеет от того, что сейчас он ответит: «Да, ты совершенно мне не нравишься». И дурашливое настроение мгновенно расползается, как клочья тумана под ярким солнцем.

— При чем тут это? — Олег снова морщится. В висках снова начинает пульсировать. — Я проснулся одетым. И вообще... Я еще в состоянии определить — занимался я сексом или нет!

Получилось резко. Он сам это понял. Мучительно соображал, как бы исправить, но пульсирующая боль в висках не давала сосредоточиться. Щелкает закипевший чайник.

— Черный? Зеленый?

— Что?

— Чай. Знаешь, бутерброды не с чем делать. Колбасы нет. Мюсли есть. «Фитнесс». И молоко обезжиренное. Будешь?

— Чего? Мюсли? Ты такое ешь?

— Это полезно. И вкусно.

Женя окидывает придирчивым взглядом стройную и поджарую фигуру Олега. Некстати вспоминает о съеденном накануне ночью беляше. Который она запивала крепким сладким кофе. Фыркает.

— Если ты такое регулярно ешь, то непонятно, в чем душа держится, — Женька злится и ее «несет». — Слушай, при таком режиме питания тебя вчера, наверное, с бокала вина срубило?

По вспыхнувшим щекам Олега она понимает, что ее предположение недалеко от истины. Ехидно цокает языком.

— Ай-ай-ай, Олег Викторович! Мюсли, это, конечно, хорошо, но надо употреблять и мясные закуски!

Олег шумно выдыхает. И нарочито спокойно повторяет свой вопрос:

— Какой тебе чай заварить?

Да пошел ты!

— Я поехала.

— А как же чай?

— Я пью только кофе!

Она резко разворачивается и выходит из кухни.

— Женя, подожди!

Он, сам не понимая как, все испортил. И черт бы его подрал, если бы знал, как это исправлять.

— Чего тебе? — спрашивает она, не оборачиваясь.

— Как... твоя фамилия?

Женя в изумлении поворачивается.

— Тебе зачем?

Хороший вопрос. Где бы ответ взять? Явно не в раскалывающейся от боли голове.

— Ну... Ты же мою знаешь... И потом, — пытается пошутить, — после всего, что у нас было...

Она могла бы придумать пару достойных ответов. Но спорить с ним совершенно не хочется. Хочется быстрее уйти. Да и какая разница?

— Миллер, — бросает она, берясь за ручку двери.

— Как пиво?

— Как американский драматург!

Она открывает дверь, шагает через порог. И добавляет, поворачиваясь.

— Нельзя вам пить, Олег Викторович! Алкогольдегидрогеназа ни к черту!

— Чего? — ему кажется, он ослышался.

— Алкогольдегидрогеназа. Фермент такой. Класса дегидрогеназ. Катализирует окисление спиртов до кетонов и альдегидов. Судя по вчерашнему — у тебя его уровень явно невысок, — замолкает ненадолго и добавляет: — Ну, и закусывать, конечно, надо. И не мюсли.

Ответить он не успел. Даже если бы успел — не смог бы. Стоял, слушая мелкий перестук Женькиных шагов по лестнице. Вот внизу хлопнула подъездная дверь. И только после этого он закрыл свою. Покачал головой. В который раз поморщился от боли.

Она опять его удивила. Каждый раз при встрече эта рыжая бестия умудряется поставить его в тупик.

Глава 6. Которая представляет собой один сплошной диалог. Про различных представителей фауны. А именно: собак, снежных барсов и демонов

Олег с отвращением смотрит на стопку договоров, сиротливо приютившихся на углу рабочего стола. Переводит взгляд на экран монитора, где призывно мигают сообщения ICQ. Он прекрасно знает, что делать с договорами, что ответить тем, кто домогается его из монитора. Знает. Но ничего этого делать не хочет. А хочет он схватить телефон и набрать абонента «Такса Женя». Очень хочет это сделать. Но совершенно не знает, что ответить на мелодичное «Алло?» на другом конце.

Вот где справедливость? Тем, что было совершенно очевидно, заниматься не было никакого желания. А то, что сделать очень хотелось... Олег вздохнул и притянул к себе кипу документов.

* * *

В кармане вибрирует телефон. У нее начинает вибрировать сердце. И так всю последнюю неделю. Дергается от каждого телефонного звонка. Достает. Смотрит на дисплей. Выдыхает. Облегченно. Разочарованно.

— Женька?

— Чего тебе?

— Где тебя черти носят?

— В яме, в гараже.

— Неужели Славян тебя простил?

— Куда он денется? Тебе-то чего?

Виталий морщится от громкого звука, раздавшегося из трубки. Там звонко лязгает что-то металлическое. Снова подносит трубку к уху.

— Натаха в гости зовет. В субботу. Придешь?

— Повод?

— Мы ж мягкую мебель купили! Новую! — гордо напоминает напарник. — И вообще, ты у нас сто лет не была.

— Правда твоя, — соглашается Женька. — Лады.

— Заметано.

— А холодец будет?

— Уже, — смеется Виталий, — тебя ж в гости ждем.

* * *

— Здравствуй, Женя.

Она могла бы притвориться, что не узнала. Ответить «Слушаю вас!» или «Кто это?». Но сердце сделало кульбит, когда на дисплее входящий звонок определился как «олегАРХ». И она вся уже измучилась... И поэтому...

— Здравствуй, Олег.

Она его не видит, и он не сдерживается. Улыбается. Она узнала его...

Молчание затягивается, и Олег спохватывается. У него же есть предлог!

— Жень, у тебя в машине животных перевозить можно?

— Ну, этого же... психа ... как его... Димона, вот! Возила. И ничего. Гавкал, правда, всю дорогу, но обивку не пожевал.

От неожиданности Олег совершенно неприлично фыркнул. А потом и вовсе — не выдержал и расхохотался.

— Невзлюбила ты его ... Странно. Димка обычно женщинам нравится.

— Я не женщина. Я — исчадие ада. Так что там с животными? Корову на дальний кордон перевезти надо? Учти, у меня не бомбардировщик! — у нее сдают нервы, и она несет всякую чушь.

А Олег на другом конце давится от смеха. Отсмеявшись, отвечает:

— Мне собаку надо перевезти.

— Большую?

— Нет.

— В переноске?

— В переноске я бы и сам отвез.

— Ты ж сказал — небольшая...

— Точно. Небольшая. Но безобразно балованная. В переноске будет выть, скулить лаять и скрестись всю дорогу. А на руках — тише воды.

— Далеко везти?

— Да в том-то и дело... Из одного конца города в другой. В переноске за это время она меня с ума сведет.

— Понятно, — Женька усмехается. — Назначай время операции «Барбосса».

* * *

— Ну и за чьей собакой мы едем? Твоей? — ей не должно быть до этого никакого дела, но молчание в машине угнетает. Они едут уже минут пять. Молча. Приветствия и бросаемые Олегом косые взгляды, когда ему кажется, что она смотрит только на дорогу — не в счет.

— Нет, — отвечает он, — матушки. Она уезжает в командировку. На пару недель. Митци сиротой остается.

— Митци?!? — Женька ехидно фыркает.

— Эй, вот только не надо! — защищается Олег. — Это не моя собака, и имя ей придумывал не я.

Помолчал и добавил:

— Обычно Митци к себе Борька забирает. И племянникам радость, и собаке весело. Но не в этот раз...

— Борька — это брат? — понимающе кивает Женька.

— Сестра, — абсолютно серьезно говорит Олег. И в ответ на ее изумленный взгляд поясняет: — Борислава.

— Однако... — изумленно тянет Женя. — Редкое имя, — подумав, добавляет: — Красивое.

— Ей оно не очень, — усмехается Олег. — Но куда деваться.

— А почему она не может забрать собаку? — только задав вопрос, Женька понимает. Что, по большому-то счету, лезет в чужую частную жизнь. Губу прикусывает с досады. Но поздно уже. Вопрос задан.

А Олег не сразу понимает, что ему задали вопрос. Потому что смотрит на розовую пухлую губку, прикушенную мелкими ровными зубами. И ни одной мысли в голове.

Наконец, спохватывается. Резко отворачивается к окну. Курить хочется смертельно. Благодаря этому поганцу Тихомирову он опять начал. А почему, собственно, и нет?..

— У тебя салон для курящих?

— И пьющих!

— Женя! Я же извинился!

— Ладно-ладно... Извини. Само собой получилось. Кури... хм... на здоровье.

Прикуривает. Затягивается с наслаждением. Первая затяжка. Еще одна. Вспоминает. Ему же вопрос задали.

— Вовка в очередной раз ногу сломал. Сейчас в больнице лежит. Борька разрывается между работой, домом и больницей. Ей сейчас только собаки до кучи не хватает.

— Что значит: «В очередной раз»? — Женя уже и забыла, что лезет в чужую частную жизнь.

— То и значит. Года не проходит, чтобы он себе что-нибудь не сломал. Или голову не пробил. На крайний случай — рассек что-нибудь. Чтобы швы накладывать потом пришлось.

— Эмммм... Вова — это ребенок?

— Борька утверждает, что нет. Что это демон в человеческом обличье. Она с ним вообще справиться не может.

— А отец?

— У них нет отца.

Олег отвечает ровно. Но от его слов Женька все равно вся внутренне сжимается. Черт, она все-таки влезла на запретную территорию! В глубоко личные, семейные дела!

— Извини. Я не хотела...

Олег молчит. Женьке неловко. Страшно неловко.

— Это все развод. Дети его остро переживают. Наверное, мальчик поэтому так себя ведет, — говорит она, чтобы хоть как-то сгладить неловкость.

— Их отец погиб.

Черт! Черт! Черт! Вот кто ее за язык тянул? Еще хуже сделала. Но кто б ее не тянул за язык, он продолжает это делать и...

— Несчастный случай?

— Можно сказать и так, — Олег тушит в пепельнице окурочок. — Лавина.

— Что?

— Лавиной накрыло. При восхождении. Антон альпинист. Был. Изумление, удивление... С тем же успехом Олег мог бы сказать, что муж его сестры погиб при неудачной попытке выхода в открытый космос. От нее это одинаково далеко. Не выдерживает и спрашивает:

— А откуда... — прокашливается, понимая, что формулировка неудачная. Пытается выразиться по-другому: — Твоя сестра — тоже... альпинист...ка?

— Нет, — Олег усмехается. Но усмешка выходит горькой. — Это папенькино наследие, — некоторое время молчит и добавляет. — Отец у нас — «снежный барс».

Женя уже ничему не удивляется. Только уточняет:

— Это как?

— Не знаешь? — удивляется Олег.

Она отрицательно качает головой.

— В СССР так называли альпинистов, которые покорили все семитысячники Союза.

— Ого... — с удивлением протягивает Женя. С удивлением и уважением. — Это же очень... круто, да?

— Да, — подтверждает Олег. — Неслабо.

— А ты? — ей уже плевать на то, что она вторгается в глубоко личное чужое пространство. — Ты не увлекся альпинизмом?

— Почему же... Еще как, — Олег прикуривает еще одну. — Все детство и юность провел в пешке и горах.

— В пешке?

— В пешеходных походах. Туризм, романтика, лодки-палатки...

В противовес его словам в голосе отчетливо слышна горечь.

И она не может не спросить. Понимает, что не стоит, нельзя, не нужно, но не может остановиться.

— А твой отец? Он жив?

Олег выдыхает дым в приоткрытое окно и отрицательно качает головой.

— Лавина? — почти шепотом спрашивает она.

— Да нет, — Олег поворачивает голову и смотрит на нее. — Просто остановилось сердце. На высоте в шесть с половиной тысяч метров. Там он и остался.

— Как? — ахает она.

— А кто его понесет вниз? За живых еще будут бороться и пытаться спасти. А мертвый... Люди приходят в горы в поисках своей смерти. Рано или поздно — они ее находят. Так зачем их разлучать?

Сказать ей нечего. Потому что просто не знает — что тут можно сказать. И почему-то от этих коротких скупых фраз горло стискивает так, что и говорить-то сложно. А Олег неожиданно продолжает:

— Я тогда в выпускном классе учился. И у меня родилась светлая, гениальная и офигенно романтическая идея. Вот закончу школу, сдам экзамены и поеду... туда. Найду его. И привезу. Понятия не имел, как я буду это делать. Но был одержим идеей. Дать матери проститься с ним по-человечески. Похоронить. Иметь возможность оплакать.

Олег замолчал. Женька тоже молчала. Откуда-то знала — если начал рассказывать, то обязательно закончит.

— Когда я поделился этой идеей с матерью...

Он снова замолкает. И она не выдерживает. Прокашливается.

— И что? Что было?

— Много чего было. Но в числе прочего она взяла с меня честное-пречестное слово, что я близко к горам не подойду. Что ей одного... хватит. И все равно... — он грустно усмехается. — Борьку вот... от судьбы не уберегла. К нам часто приходили друзья отца. Его ученики. Помогали, чем могли. Вот и Антон. Из числа учеников. Помог... Ого, да мы уже на месте!

Фальшиво улыбается и стремительно меняет тему разговора.

— Вы невероятно быстры, фройляйн Миллер. Я и не заметил, как мы приехали.

Ну не говорить же ему, что весь путь она проделала, не помня — как, на полнейшем автопилоте.

* * *

— И почему же ты не говоришь, что эта собака мне идеально подходит? — на руках у Олега царственно возлежит весь из себя такой ухоженный и расчесанный палевый пекинес с надменно задраннным носом.

Женя не знает, сколько пройдет времени с того момента, как она услышала историю про семью Олега, прежде чем сможет сказать ему хоть какую-нибудь мало-мальски приличную гадость. Пока — просто не может. И поэтому говорит, что думает.

— Если честно, мне не кажется, что такая собака тебе подходит.

— Нет? А какая подходит?

— Ну... Я представляю тебя с какой-нибудь большой собакой. С догом, например. А что? Ты бы отлично смотрелся с догом.

По удивленно изогнутой брови понимает, что сморозила очередную глупость. С досады запускает руки в и без того растрепанные волосы. Олег улыбается. Она не понимает, но он любит ее.

— А давайте, девочки, я вас познакомлю. Раз уж нам еще полчаса вместе обратно ехать. Итак, Евгения, это Франческа Марлен фон Кербер. Можно просто Митци. Митци, это Евгения... ммм?

— Андреевна, — подсказывает она.

— Митци, это Евгения Андреевна Миллер. Можно... можно же? — Женька кивает, — можно просто Женя.

— Красотка, — Женька протягивает руку.

— Осторожно, — быстро предупреждает Олег. — Она не очень любит чужих.

Не очень любящая чужих Митци несколько секунд настороженно принимает прикосновение Жениной ладони. А потом внезапно выворачивается из рук Олега и в одно движение стремительно ввинчивается между рулем и Женей, на ее колени. Встает на задние лапы, передними лапами упираясь в Женькину грудь. И ее язык начинает быстро и старательно вылизывать не совсем чистое, по мнению Митци, Женино лицо. Подбородок, щеки, губы, нос. Женька фыркает, хохочет. Пытается увернуться, но не очень усердствует. А пальцы ее путаются в длинной мягкой шерсти. А Олег... Олег просто не верит своим глазам.

— Матушке расскажу — не поверит!

— Да в чем дело? — Женька уже всюю, не считаясь с тем, что Митци «фон Кербер», фамильярно тискает собаку. Та возражений не имеет и нежно ластится, щелкает зубами, играя с Жениными волосами.

— Она к себе мало кого подпускает. Чужих — вообще на дух не выносит. Кошачий характер.

— Злой дядька на тебя наговаривает, да? — Женька охватывает мордочку собаки руками, пропуская между пальцами шелковистые пряди с ушей. — Митци у нас хорошая ласковая девочка.

«Хорошая ласковая девочка» смотрит на Женьку влюбленными глазами, от восторга высунув язык.

Олег, безусловно, разделяет восхищение Митци, хотя очень надеется, что выгладит более сдержанным, нежели собака.

— Заговорила ты ее, что ли?

— У меня нет проблем с собаками, — отвечает Женя, не прекращая ласкать по-хозяйски расположившуюся на ее коленях Митци. — Я их понимаю, а они меня любят. Да и вообще... С животными ладить умею.

А затем, повинувшись смутному желанию ответить откровенностью на откровенность, добавляет:

— После школы хотела в ветеринарный техникум поступать.

— И что? Не поступила?

— Ну... Можно сказать и так. Ладно, — она тоже может быстро менять тему разговора. — Поехали.

Митци была крайне недовольна тем, что ее сняли с Жениных колен. Всю дорогу не сводила с Жени влюбленных глаз, так что Олегу в какой-то момент стало казаться, что собака улавливает и проецирует его собственные мысли.

* * *

— Спасибо тебе. Хотя, по-моему, я тут был совершенно лишний, — Олег улыбается. И Женя вдруг замечает, какая иногда у него бывает улыбка — мягкая и открытая. Хотя черти все равно таятся в уголках голубых глаз.

— Тебе спасибо.

Он не спрашивает: «За что?». Черти из глаз исчезают совсем. И они становятся серьезными. И чуть грустными. Кивает.

— До свидания, Женя.

Как это хорошо звучит. До свидания. Еще бы было правдой...

— Пока, Олег.

Он уходит с поскуливающим и вырывающимся пекинесом на руках.

Глава 7. Шпионаж. Агент под прикрытием. Государственные тайны не даются в руки

— Можно? — для порядка стукнув в дверь, Олег поворачивает ручку и заглядывает в кабинет шефа.

Тихомиров делает приглашающий жест рукой, не прекращая телефонный разговор.

Олег заходит, садится на стул перед Димкиным столом. В ожидании окончания разговора разглядывает знакомый ему до мельчайших деталей кабинет. Хотя нет, вот, нечто новое. На столе появилась рамка с фото. Естественно, не Дашина. Будь Димкина воля — он бы жену под замок спрятал, а на улицу — если только в парандже. А вот фото новорожденной дочери теперь украшало его рабочий стол. Олег разглядывает фото. При всем желании назвать нечто в розовом, с огромными щеками и щелками вместо глаз красивым — язык не поворачивается. Впрочем, все, кто видит это фото, выражают высшую степень восхищения.

Надо сказать, что отец из Тихомирова получился почти вменяемый. То есть рассказывал о дочери и демонстрировал ее фото не всем подряд и не по сто раз, а по разу, и то — только тем, кто выказывал настойчивый интерес. Правда, из достоверных источников Олег знал, что Димон уже купил дочери трехколесный велосипед, что было, по мнению Олега, слегка преждевременно.

Димка заканчивает разговор, нажимает отбой и коротко и емко выражает свое мнение по поводу морально-этических качеств своего, уже бывшего, собеседника, а так же его сексуальной ориентации.

— Я надеюсь, ты пришел с хорошими новостями?

— Без плохих, — помолчал и решил. — И с просьбой.

— Ого? Любопытно. Излагай.

— Дим, ты не мог бы по своим каналам... Ну, может, Русю подключишь... В общем, мне нужна самая полная информация об одном человеке.

— Та-а-а-а-ак... — мрачно протягивает Тихомиров. Взгляд его стремительно меняет свою весовую категорию. Теперь он может выступать в супертяжелом весе. — Рассказывай. Во что вляпался? С кем связался?

— Да ни во что я не вляпался!

— Олег, я тебя пилить не буду, — Димка встает, обходит стол. Подтягивает стул, садится рядом. Кладет Олегу руку на плечо. — Но я должен знать. Все. Чтобы помочь.

— Дим, — Олег прилагает максимум усилий, чтобы не улыбаться. В который раз подумав, что для Тихомирова в слове «дружба» нет полутонов. — Все в порядке. Правда. Когда перейду дорогу бандитам, я тебе прямо об этом скажу. Просто мне нужна информация. Об одном... интересном мне человеке.

— Та-а-а-а-ак... — опять тянет Димка. — Вот оно что... — возвращается на свое место. — Имя, сестра, имя!

— Миллер Евгения Андреевна.

Соображает Димон быстро.

— Евгения? Эта рыжая таксистка? Ну, ты даешь! — улыбается и качает головой. — Как же тебя угораздило, деточка?

— Ты сможешь или нет? — потеряв терпение, резко спрашивает Олег.

— Конечно. Самому любопытно, — набирает номер. — Годзилла, салам алейкум! Слушай, разговор есть. Собираюсь грохнуть Баженова. Поможешь мне убрать труп?.. Ага. Ну, давай, приходи, обсудим.

Протягивает Олегу пухлую пачку бумаг.

— Вот. Ознакомься. Очередные шедевры эпистолярного жанра. Из таможни. Потом расскажешь.

Олег забирает документы. Медлит. Димка ехидно улыбается.

— Ну, что сидишь? Иди, мальчик, работай! Пока взрослые дяди будут решать твои проблемы.

* * *

«Приходи» — всплыла надпись в углу монитора, и Олег, наскоро распрощавшись со своим собеседником, рванул в кабинет шефа.

Тихомиров встретил его изучающим взглядом. Олег, и без того проведенный неделю как на иголках, еще сильнее напрягся.

Димка поцокал языком. Покачал головой. И продолжал молчать.

— Ну? — не выдержал Олег.

— Как же ты так неосторожно, Олег Викторович. А говоришь, не вляпался. Еще как вляпался, поверь мне...

— А конкретно?.. — Олег сдерживался из последних сил.

— Конкретно вляпался, — продолжать юродствовать Димон.

— Дима, — предупреждающе прошипел Олег, — переходи к фактам.

— А то что?

— А то дам в морду!

— Ай-ай-ай... — Димка покачал головой. — А как же служебная субординация?

— Исключительно памятуя о субординации — дам тебе в морду левой. У меня слева удар слабее.

— Можно подумать, справа у тебя удар сильный!

— Советую тебе это не проверять! Я почти в состоянии аффекта. Любой суд меня оправдает!

Димка бросил на друга еще один внимательный взгляд. Вздохнул.

— Извини, Олег. Я переборщил. Вот, — подтолкнул к краю стола тонкую папку.

— Рассказывай. Главное. Ты же прочитал, — Олег был уверен, что читать он все равно не в состоянии. Буквы будут прыгать перед глазами.

Димон еще раз вздохнул.

— Ну, начнем с того, что твоя Женя — не из нашего города.

Приехала сюда два с половиной года назад. Все это время работает в таксопарке. Нареканий по работе не имеет. Исполнительна, добросовестна. В порочащих связях не замечена.

— Откуда она?

— Из N. Там родилась. Окончила школу. Университет. Да! Не смотри на меня такими глазами! У-ни-вер-си-тет! Биологический факультет. Более того, поступила и успешно закончила аспирантуру. На кафедре генетики.

Олег обхватил руками голову.

— Ты ведь не шутишь? — со стоном пробормотал он.

— Извини, брат, но — нет. Более того...

— Есть еще что-то?

— Да. Родители. Отец. Миллер Андрей Францевич. Доктор физико-математических наук. Профессор. Правда, не в универе. В Академии систем управления и радиоэлектроники. Мать. Про мать ничего не известно. Она умерла лет пятнадцать назад. — Димка помолчал. Не удержался и ехидно добавил: — Ты исхитрился подцепить профессорскую дочку.

Олег только судорожно выдохнул в сжатые в кулаки ладони. Черт! Кто бы мог подумать... всплыли в голове ее слова про алкагольде-чего-то-там. Теперь понятно — откуда. Но как же все это странно. Олег пытался собраться с мыслями.

— Так она... научный работник?

— А вот тут, друг мой, начинается самое интересное. За несколько месяцев до планируемой защиты кандидатской диссертации Евгения увольняется из университета. А затем переезжает сюда. Устраивается работать таксистом. Вопрос — зачем?

— Зачем? — повторяет шепотом Олег.

Повторяется сцена недельной давности. Димка встает со своего места, Подходит к Олегу, подтягивает стул, садится. Кладет руку ему на плечо.

— Не знаю, Олег. Правда, — проводит рукой перед лицом. — Стена. Просто стена. Невозможно ничего узнать.

— Это как?

— Официально — уволилась по собственному желанию. А неофициально... Что-то там случилось. Что-то не очень хорошее. Но... Молчат. Что-то скрывают и молчат.

— И что делать? — Олег дезориентирован. Растерян. Но одно он знает точно. Ему нужно знать все. До конца. Нужно. Нужно.

— Копать, — пожимает плечами Димка. — Думать. Искать ходы-выходы. Но это долго. И...

— Дорого, — заканчивает за него Олег. — Я понимаю. Готов понести расходы. Скажи, сколько.

— Оставь, — отмахивается Тихомиров. — Нашел проблему, тоже мне... Вопрос в том, как к ним подобраться. Эти, с позволения сказать, интеллигенты, очень не любят раскрывать свои маленькие секреты. И трепетно оберегают корзины со своим грязным бельем. Это я тебе говорю как сын двух университетских преподавателей. Всякого насмотрелся.

Олегу кажется, что голова у него абсолютно пустая. Гулкая и звонкая. И поэтому материализовавшуюся в ней идею не заметить невозможно. Он с надеждой смотрит на Дмитрия. Тихомиров реагирует мгновенно.

— Эй, парень! Не смотри на меня, как на девушку своей мечты! Ты не в моем вкусе! И вообще, я женат!

Олег игнорирует его насмешки. Он весь поглощен своей идеей.

— Дим, а твой отец... Он же декан! Наверняка же у него есть знакомые там. Межвузовские связи и все такое. Не может не быть... Может, он что-то сумеет узнать по своим каналам?

Дмитрий кивает.

— Знаешь, это идея. Хорошая идея. Стоящая. Вот в такие моменты я понимаю, за что мы платим тебе такую зарплату.

Встает и добавляет:

— Сегодня ужинаем у моих. Позвоню матушке. То-то она обрадуется. У нее на тебя, — злорадно улыбается, — большие матримониальные планы!

* * *

— Ну что, мальчики, — Иван Михайлович неторопливо набивает трубку. — Неужели вы столкнулись с тем, что не по силу даже вам двоим?

Они сидят в кабинете Тихомирова-старшего. Настоящем мужском кабинете. Кабинете ученого и преуспевающего юриста. Иван Михайлович разглядывает сидящих напротив него на диване Димку и Олега. Один — сын, второй — почти как сын. Взрослые преуспевающие мужчины. Состоятельные, вошедшие в большой бизнес. Зарабатывающие, каждый по отдельности, едва ли не вдвое больше, чем он. Он ими гордился. И тем не менее. Сейчас был доволен и безмерно польщен, что, несмотря на это, его «мальчики» пришли за советом. К нему.

— Пап, — Иван Михайлович выпускает кольцо ароматного дыма, пряча улыбку. Как же это приятно, когда взрослый сын говорит тебе это короткое детское «Пап», — Олегу нужна помощь.

— Конкретизируйте.

— У тебя есть знакомые в университете N?

— Конечно. Марианну Михайловну помнишь?

— Нет.

— Она тебе банку вишневого варенья привозила. Твоего любимого.

— А! Которую я сожрал в один присест и весь покрылся сыпью? Как такое забыть?!

— Она теперь замдекана. И еще кое-кто есть. А что?

— Нужно навести кое-какие справки. Об одной знакомой Олега. Там что-то произошло. Нам интересно, что.

— Знакомой? — выделяет ключевое слово Иван Михайлович.

Олег молчит.

— Да, — отвечает за него Дима. В довершение слов закатывает глаза и картинно прижимает руки к сердцу.

Олег недовольно косится на его пантомиму. А Иван Михайлович все понимает правильно.

— Давай вводную, — смотрит на Олега. — Имя, фамилия. Где, когда. В общем, все, что знаешь. И, ты же понимаешь... Это непросто. Поэтому быстро не обещаю.

Глава 8. Мороженое и пиво. Господин декан гневается. Олег берет дело в свои руки

За всю свою жизнь Олегу ни разу не было так трудно. Его просто разрывало от противоречивости того, что он делал. От несоответствия того, что знал и что видел.

Ему было неловко, да что там — практически стыдно за то, что он лез в Женькину жизнь. Собирал информацию у нее за спиной. Информацию, которую, он был совершенно уверен, она бы предпочла скрыть. Сколько раз он думал о том, чтобы спросить у нее напрямую: Женя, что случилось? Тогда, почти три года назад. Из-за чего профессорская дочка, подающая надежды аспирантка бросает все и уезжает в другой город. И устраивается на работу таксистом.

И сколько бы раз он мысленно ни прокручивал этот разговор, результат был один. Она ему не скажет ничего. И видеть его после этого не захочет. А вот этого он не мог допустить. Потому что уже не мог... Скучал ужасно. И...

Длинные гудки. Долгие. Тягучие. Он уже намеревается нажать отбой, когда...

— Да?!

Хрипловатый, чувственный... Олег даже сначала сразу не узнал ее голос. А потом... По спине прокатилась волна. Сладкая. Возбуждение. Реакция на ТАКОЙ ее голос. И вторая. Ужас. От мысли о том, с кем она сейчас. Если у нее ТАКОЙ голос... Горло стискивает, и он молчит.

— Олег? — Женя прокашливается. Переспрашивает: — Олег?

Он делает усилие. И говорит чужим ломким голосом:

— Извини, кажется, я не вовремя.

— Да нет, нормально. Все равно — пора вставать.

— Ты спала?! Шесть вечера же? — она еще не успела ответить, но все равно... Тошнотворный узел внутри развязывается.

— Я со смены, — вздыхает Женя. Мычит что-то, постанывает. Олег представляет, как она потягивается в это время. Вытягивает руки, закидывает голову, выгибает спину. Женьке приходится пару раз повторить его имя, прежде чем, он спохватывается. Черт!

— Олег? Олег? Что-то случилось? Почему молчишь?

— Извини. Я тут подумал...

— Что?

— Митци по тебе страшно соскучилась! — он дурак, болван, клинический идиот!

— Митци соскучилась? — Женька улыбается. Какая прелесть... Ну, давай, Олег, давай, сознайся, что и ты тоже.

Но он крепкий орешек. Просто так не сдается.

— Погуляешь с нами сегодня?

— Хорошо. Через часок подъеду.

* * *

Стоя в ожидании Жени у подъезда и пытаюсь не дать Митци опутать его поводком, Олег размышлял. Пытался ответить на вопрос. Рад ли он тому, что Женя оказалась... Тем, кем оказалась. И, по всему выходило, что однозначного ответа у него нет.

Теперь, задним числом, было очевидно, что на рядового таксиста Женька похожа так же, как он — на пэтэушника. Правильная речь, живой ум, эрудированность — все это было заметно невооруженным взглядом, хоть и маскировалось нецензурной лексикой и манерами уличной девчонки. И как общаться с эрудированным и интеллигентными барышнями — Олег знал. А вот опыта в общении с ершистыми таксистками у него не было. Впрочем, Женя была... Ни то, и ни другое.

С другой стороны, то, что сделало Женю такой... Интуитивно Олег понимал — не от хорошей жизни это. Что-то там такое... Что он, возможно, пожалеет, о том, что узнает. Но поздно уже. Ему нужно. Он должен.

* * *

Когда Женька вылезла из чуда технической мысли советских инженеров от автопрома, а именно — ГАЗ-3102, оно же — «Волга», Олег едва ли не согнулся пополам от смеха.

— Откуда эта рухлядь?

— Не рухлядь, а раритет, — огрызается Женька. — Автомобильный антиквариат, — и, затем без перерыва, — иди ко мне, моя прелесть.

Это, увы, не ему.

— Так откуда этот... антиквариат? — переспрашивает Олег, пока Жена тискает повизгивающую от восторга Митци.

— Виталя дал. Это бати его. Она ему зимой не нужна. Он на ней только летом на огород ездит.

— Как ты с ней управляешься? — изумляется Олег. — Там же гидроусилителей нет. Руль, тормоза — все дубовое.

— Сам ты — дубовый, — не зло отшучивается Женька, отбирая у него поводок. — Я крепче, чем кажусь.

* * *

Они разговаривали. И Олег понимал, что он говорит с человеком, безусловно, образованным. Начитанным. И при этом — совершенно точно знавшим, на каком именно диалекте «великого и могучего» говорит большая часть этой страны. И как именно живет эта самая большая часть страны. Как в ней это уживалось и сочеталось — уму непостижимо. Это была Женька. И общаться с ней было непередаваемо увлекательно. И сложно.

* * *

Пекинес так резко принял в сторону, что у Женьки чуть рука не выдернулась из плеча.

— Митци, ты куда?!

— Она увидела киоск с мороженым, — меланхолично ответил Олег.

— И?

— Придется покупать. Она по мороженому с ума сходит. Ты будешь?

— Мороженое?

— Да.

— Холодно же на улице.

— Как скажешь.

— Пива лучше купи.

— А для пива на улице не холодно?

— Нет, — вызывающе отвечает Женька.

— Как скажешь, — повторяет Олег. И покупает мороженое. Два. На всякий случай. И в соседнем киоске — бутылку пива.

Они доходят до скамейки и садятся. Митци получает вожделенное мороженое и на какое-то время забывает обо всем. Даже о Женьке. Которая сидит с абсолютно ненужной ей бутылкой пива в руке и смотрит, как Олег разворачивает второе мороженое.

— Точно не будешь?

И поскольку Женька молчит, он осторожно откусывает кусочек мороженого. И сразу же после этого она забирает у него мороженое, втискивая ему в руку бутылку с пивом.

— Я передумала. Держи. Мне все равно нельзя, я за рулем.

— Я не люблю пиво.

— Выкини, — пожалала плечами Женька, слизывая нежный пломбир. И пиво отправилось в урну, на радость потрепанного вида джентльмену, караулившего неподалеку.

А Олегу осталось только сидеть и смотреть, как Женька ест мороженое. То еще мучение. И отнюдь не потому, что ему так уж хотелось. То есть хотелось, конечно. Но не мороженого. Отнюдь.

Потом, разумеется, Олег затащил Женьку к себе. Пить чай и отогреться. Зато она совершенно добровольно взяла на себя миссию мытья Митци после прогулки, пока Олег заваривал чай.

Они попили чаю. Еще поговорили. Непринужденно и на совершенно обыденные темы. Женя спросила про Вовку и выяснила, что помимо сорвиголовы племянника, у Олега есть еще и племянница, сестра-близнец Вовы — Мила. Олег ненавязчиво поинтересовался про Виталия и успокоился, выяснив, что тот женат. Нашлись еще какие-то нейтральные темы. Но задерживаться Женька не стала. Олег не возражал. Поздно уже. А ей еще ехать черт знает куда. И ведь проводить-то не предложишь.

Глядя из окна на отъезжающую от подъезда чихающую «Волгу», он подумал о том, что теперь вопросов у него еще больше. Больше, чем раньше. И гораздо больше, чем ответов. И ответы зависят от одного человека. От Димкиного отца.

* * *

— Зайди, — Димон бросил трубку быстрее, чем Олег успел что-либо ответить. Плохой знак.

— Что случилось?

Димка стоял у окна спиной к двери.

— Батя звонил. Злой как черт. Орал, — Димка повернулся и растерянно посмотрел на Олега. — Говорит, что мы его подставили. Втянули во что-то. Требуется нас к себе. К ответу.

Олег принял решение.

— Дим, ты и так много сделал. Я сам поговорю с твоим отцом. Он на работе?

— Да.

— Тогда я поеду? Сейчас?

— Езжай.

* * *

Они сидят в кабинете декана юридического факультета. Сам господин декан пыхтит. Трубкой. И от злости.

— Олег! Вы во что меня втравили?

— А что случилось? — осторожно спрашивает Олег.

— У меня было чувство, что я покусился на государственную тайну! В финале мне чуть ли не оправдываться пришлось! Что мне пришло в голову об этом спросить. Ну? В чем дело? Что это за ерунда?

— Если бы я знал, Иван Михайлович, я бы не...

— Олег, не темни! Рассказывай! Все.

— Да я почти все рассказал в прошлый раз.

— Та-а-а-а-ак... — многозначительно тянет Тихомиров-старший. В точности — как младший. Или наоборот. — Значит, теперь — не почти все, а все!

Олег вздыхает.

— Значит, так. Вот эта девушка. Женщина. Евгения Миллер. Окончила университет. Аспирантуру. И накануне защиты диссертации уволилась. Переехала сюда. Устроилась работать таксистом. И вот уже почти три года работает таксистом. Вам не кажется это странным?

— Кажется, — кивает Иван Михайлович.

— Мне нужно знать — почему.

— Нужно? — уточняет господин декан.

— Нужно, — твердо отвечает Олег.

— Ладно, — вздыхает Тихомиров-старший, — попробую с другого конца зайти. И, знаешь, что? — он задумчив, начинает выбивать пепел из трубки. — Я пока не знаю, что там случилось. Но, судя по реакции тех, кого я спрашивал... Она, как минимум, растлила половину первокурсников в особо извращенной форме. Или справила большую нужду на столе у ректора.

— Шучу я, конечно, — усмехнулся он, глядя на ошалевшего Олега, — но на твоём месте я бы, на всякий случай, был готов к любому.

— Я готов.

* * *

Иван Михайлович перезвонил через три дня.

— Значит так, Олег. Я сделал все, что мог. Записывай. Владимир Алексеевич Худяков. Профессор кафедры генетики. Готов, по его собственным словам, «рассказать правду, если это кому-то еще интересно». Номер его запиши. И вот еще что... — после паузы добавляет Тихомиров-старший, — не мне, конечно, тебя учить, но это

дело лучше улаживать... лично. Я бы на твоём месте поехал туда. И встретился с этим Худяковым. Тет-а-тет.

* * *

— Ты справишься? Точно?

— Олег, вали, давай, пока я добрый. Трудно без тебя будет, конечно, но день-другой я продержусь. Ты все равно нормально работать не сможешь. Пока не выяснишь все. Езжай, Олег.

— Спасибо, Дим.

Глава 9. Очень важный разговор. Длинный. Трудный. В том числе — и для автора

— Владимир Алексеевич?

— Да? — суховатый, надтреснутый голос.

— Здравствуйте. Моя фамилия Баженов. Мне сказали, что вы готовы поделиться... некоторой информацией.

— О чем?

Олег растерян. Пока он собирается с мыслями, его собеседник, видимо, вспоминает.

— А... погодите... Вы об... этом?

Что тут ответить? Об этом? Наверное, об этом.

— Да, — твердо отвечает Олег.

* * *

Они сидят в студенческом кафетерии. Только что прозвенел звонок. Началась очередная «пара». У профессора Худякова «окно». В кафетерии тихо и малоллюдно.

Владимир Алексеевич Худяков... оправдывает свою фамилию. Невысокий, худой. Академическая лысина, прикрытая седым пушком. Острые мелкие черты лица. Пронзительный взгляд из-под насупленных седых кустистых бровей.

— Олег Викторович? — он разглядывает визитку Олега.

— Да.

— И что у вас за интерес?

Олег готовился к этому разговору. Но, глядя на профессора Худякова, вдруг понимает: лучше правды здесь не сработает ничего.

— Дело в том, что я...

— Вы кто... Жене?

Эта пауза. И то, как он произносит ее имя. И как торопливо подносит ко рту чашку с кофе. Все выдает его волнение.

— Друг, — Олег смотрит в глаза старого преподавателя. Выдерживает его недоверчивый взгляд. — Я ее друг.

— Друг, значит... И чего вы хотите, раз вы ее друг?

Олег выдыхает. И бросается. Как в омут головой.

— Владимир Алексеевич! Я друг Жени. Я знаю, что с ней что-то случилось. Но она мне... не рассказывает. Думаю, потому... — Олег мысленно замирает, — что это очень больно. Вспоминать. А я бы хотел ей... помочь.

Профессор Худяков молчит. И Олег замечает, как начинают дрожать его пальцы.

— Помочь? — голос его становится более хриплым. — Помогать ей надо было тогда. Тогда, когда... А я вместо этого...

Он снова замолкает. Олег тоже молчит, не торопит его. Потому что чувствует: он решается.

Профессор вздыхает: он решился.

— Хорошо, Олег Викторович! Я вам расскажу. Хуже от этого не будет. И потом. Как знать. Вдруг это, действительно, как-то ей поможет...

Он допивает кофе и смотрит на Олега.

— Не считите за труд, молодой человек. Закажите мне еще чашку. Для храбрости.

* * *

— Я ее с самого первого курса помню. Хотя, нет, погодите. Соврал. Я первокурсникам не читаю. Значит, со второго. Ее же не заметить невозможно. И дело не в том, что она... Не из-за цвета волос. И не из-за того, что она такая... милая. И веселая. А просто...

Владимир Алексеевич начинает смущенно, с трудом подбирая слова. Но затем, погружаясь в воспоминания, он начинает говорить свободней. И более увлеченно.

— Она ведь умница. Светлая голова. У меня, знаете ли, немного было настолько одаренных студентов. А выпустил я предостаточно, уж поверьте. Она же моя студентка. То есть, я ее научный руководитель... был. Курсовые, диплом — все это она у меня делала. Работать с ней, учить ее — это одно удовольствие было. Все на лету схватывала. И такая живая, веселая.

Профессор Худяков даже улыбается слегка, вспоминая об этом. Но потом его улыбка блекнет. Видимо, светлая часть его рассказа заканчивается. Он мрачнеет, пальцы его сильнее смыкаются на кофейной чашке. Он хмурится, но продолжает:

— Конечно же, я ей предложил аспирантуру. Она согласилась. Разумеется, поступила, с экзаменами никаких проблем. А потом, осенью... — он досадливо морщится, — сердце у меня прихватило. Сначала. А потом еще и желудок... взбунтовался. В общем, загремел я в больницу. Почти на четыре месяца. Врачи запретили все, что можно. Алкоголь, кофе, сигареты.

Владимир Алексеевич делает глоток кофе. Мрачно смотрит на Олега. И спрашивает его почти сердито:

— Курите?

— Да.

— Угостите сигаретой. Один черт... — и, недоговорив, машет рукой.

Курить они выходят на крыльцо. Олег смотрит, как жадно затягивается профессор Худяков. Отчетливо понимает, что не напрасно врачи ему запретили курить. Но сейчас Олегу все равно. Лишь бы Женин преподаватель рассказал ему то, что так тяжело вспоминать.

Они возвращаются в кафетерий. Олег берет им еще по чашке кофе, без труда отмахнувшись от угрызений совести. Худяков продолжает свой рассказ.

— Она ж не могла оставаться четыре месяца без научного руководителя. Да и перспективы мои были... весьма туманны. И ей дали другого руководителя. Есть у нас такой на кафедре. Доцент Поземин.

Эту фамилию он не произнес — выплюнул. А Олег — сразу сделал стойку. Почувствовал, что это не случайный персонаж. Важный. Очень важный.

— Фат. Позер. Но — любимчик зав. кафедрой. А так — место пустое. Жена у него бизнес какой-то имеет. Чем-то помогала заведующему, Кабанову. Поэтому он и держится на хорошем счету. Тема у него, опять же, перспективная. Только он ее вытянуть не мог. Пока Женя к нему не попала.

Худяков с досады махнул рукой, едва не опрокинув чашку с кофе.

— А уж болтать-то он умеет. Витийствовать. Растекаться мыслью по древу. Да и внешне он... — Владимир Алексеевич делает

неопределенный жест рукой, который должен, по его мнению, все сказать собеседнику о наружности доцента Поземина. — Умеет пустить пыль в глаза. Произвести впечатление. Ну и Женечка...

Тут его голос дрогнул. Женькин преподаватель сердито уставился на Олега. Потом — в стену. Потом — снова на Олега. В надежде, что Олег сам догадается. И Олег догадался.

— У них был роман?

Владимир Алексеевич лишь вздохнул.

— Все про них знали. Они особо не афишировали. Но и не скрывали. Разве что поначалу. Зав. кафедрой на это глаза закрывал, тем более, что у Поземина тема сразу двинулась. Появились перспективы, что он все-таки сможет вытянуть докторскую. Женя была... — голос Худяков дрогнул, — счастлива. Я должен был поговорить с ней! Предупредить ее. Но как я мог? Старый хрыч — и говорит с молодой красивой женщиной о ее отношениях с другим мужчиной?! Я не мог. А она была так счастлива. До поры.

Худяков замолчал. Олег видел, как ему тяжело. Худые узловатые пальцы дрожали, когда он достал из кармана носовой платок. Промокнул лоб.

— Может, выйдем, покурим? — спрашивает Олег. В голове при этом мелькает мысль: «Угроблю старика на хрен!».

Сигарета оказывает свое волшебное действие, и профессор решается продолжать.

— Все кончилось, когда его жена узнала. Кто-то их наших кафедральных кумушек напел ей, наверное. Был скандал страшный. Она явилась на кафедру. Орала в кабинете заведующего так, что мы все слышали. Сплетницам — раздолье. Вот уж всю грязь вынесли наружу. Менталитет торговки базарной, что с нее взять. Что за блажь отношения на публике выяснять — не понимаю...

— А Женя? — перебил его Олег. Ему впервые за время рассказа Худякова стало страшно.

— Это промысел Божий, не иначе. Не было ее в тот день. Заболела. Отравилась чем-то. Позвонила, предупредила. Не представляю, что было бы, если бы и она там была... А так... Ну, в общем, пошумела она, жена Поземина, и, видимо, предъявила ему ультиматум. А он же трус. И... бросил он Женечку.

«Ну и слава Богу» — подумал Олег.

— Я поначалу обрадовался, — словно прочел его мысли Владимир Алексеевич. — Не стоил он и мизинца ее, уж простите за

банальность. Хотя на Женечку... смотреть было больно. За спиной шушукались. Я не знал, как помочь ей. Но она девочка крепкая. В конце концов, решила, что лучшее лекарство — это работа. И взялась за подготовку к защите кандидатской. Надо было минимум сдавать. Я ей помогал, чем мог. Ее-то научный руководитель шарахался от нее, как черт от ладана. Тут-то все и выяснилось...

Очередная пауза. Владимир Алексеевич снова достает платок. Вытирает лоб. Молчит. Пальцы его сжимаются в кулаки. Разжимаются.

Олег едва сдерживается, чтоб не рявкнуть: «Ну? Что? Не томи!». Остатков выдержки хватает на то, чтобы молчать. И ждать.

— Не знаю, на что он рассчитывал. Но предположить могу. Она ж у него с рук ела. Думал, что уговорит. Да и уговорил бы, наверное, если б это все не вскрылось раньше времени. Он планировал большую часть ее наработок в свою докторскую включить. Наверное, сказал бы ей, что, мол, давай сначала я на твоих результатах докторскую сделаю, а потом мы тебе вдвоем — кандидатскую. Я так предполагаю. Ну, а Женя, когда поняла, что он собирается результатами ее работы воспользоваться, уперлась. Правильно, конечно, сделала. С одной-то стороны. Послала его куда подальше, сказала, что это ее материалы, для ее кандидатской, а он пусть выкручивается как хочет. Да вот только и Поземину-то деваться некуда было. Его защита уже в плане кафедры стояла. Видно, он ее сначала уговаривал, а когда понял, что бесполезно...

И снова он замолкает. Олег до боли стискивает зубы. Чтобы молчать. Молчать. Молчать!

Свой рассказ профессор Худяков заканчивает абсолютно пустым и безжизненным голосом.

— Он пошел к зав. кафедрой. Сказал, что Женя присвоила себе результаты ЕГО работы. Из ревности и мести. Якобы из-за того, что он ее бросил. Заведующий взбесился. Он и так на нервах уже был из-за этого скандала. Видимо, он с Женей поговорил. И его Женя тоже, наверное, послала. А зря. Кабанов, наш заведующий, этого не любит. В общем... Было общее собрание кафедры. А на нем... Жене устроили публичное порицание. За аморальное поведение. Как же, соблазнила и растлила примерного семьянина и видного деятеля науки! И за действия, несовместимые с обликом истинного ученого. Какой ужас, украла идеи своего научного руководителя!

Он рассмеялся хриплым смехом. Закашлялся. Отмахнулся от протянутого Олегом стакана с водой.

— Дайте, закончу! Ей предложили уйти добровольно и не позорить кафедру. В противном случае — вынесут это все на уровень ректора и научного совета. А там, дескать, у нее шансов нет. И ничего, кроме позора, ее не ждет. Все ему поверили. Это же сам зав. кафедрой плюс доцент Поземин. Что значит слово какой-то аспирантки против их слов? Никто, никто ей не поверил. Никто не поддержал. Даже я... То, что я вам сейчас рассказываю... Я это позже все понял. Я тогда многого не знал. Да и, честно говоря, не исключал, что Женя могла ему так... отомстить. У нее ж характер... Сами знаете, какой. Горячий. Я только тогда Жене окончательно поверил, когда, спустя полгода после ее ухода, сам Поземин защищался. Вот тогда я и понял. Что он совершенно «плавает» в этой тематике. Он ее не знает. Это не его наработки! По-моему, это не только я понял. Да поздно было. А тогда, на собрании... Все было так убедительно. Да что я себя обманываю! И вас заодно! Я просто струсил...

Он закрывает лицо ладонями. А когда все же убирает — в его глазах стоят слезы. Но он не прячет их.

— Вот так вот, Олег Викторович. Так вот и сломали молодой женщине жизнь. При моем, увы, непосредственном участии. А точнее — моем не участии. Моем трусливом молчании, — еще один судорожный выдох. — Я до сих пор помню, как она тогда выглядела. На том собрании. Одна против всех. Белая, белее мела. Даже волосы как будто побледнели. Я все думал... Умолял ее про себя: «Только не заплачь». Нет, не заплакала. Сильная девочка, гордая. Ушла молча. На следующий день пришла, заявление написала и все. Больше я Женю не видел.

Ну, вот и все. Рассказ профессора Худякова закончен.

Олег думал, что получит ответы на вопросы. Черта с два! Он получил миллион новых вопросов. Да, он получил ответ на вопрос: «Кто виноват?». Но теперь перед ним во всей красе стоял второй извечный вопрос: «Что делать?». А что-то делать было нужно. Совершенно необходимо. Иначе нельзя.

И еще одно он знал совершенно определенно. Ему нужно уехать. Сейчас. Срочно. Как можно скорее. Пока он не наделал каких-нибудь глупостей на горячую голову.

Вернуться домой. Или на работу. Не важно. Главное — запереться. И — думать, думать, думать.

Он резко встает. Надо попрощаться. И поблагодарить профессора Худякова.

— Спасибо вам, Владимир Алексеевич, — протягивает руку. — Всего доброго.

— Как, все? Вы уходите?

— Да. Я выяснил, что хотел.

— Подождите! А как... Женя? Как она? Что с ней?

Олег молчит. Не из природного садизма, нет. Просто не знает, как объяснить то, что знает, Женькиному бывшему преподавателю.

— Она работает? Преподает? Или вернулась... к научной работе? — Худяков спрашивает настойчиво, но Олег видит. Что тот сам не верит, что такое возможно.

— Мне кажется, вкус к научной работе у нее... отбили. Она просто выжила. И не сломалась. Это главное, — и, кивнув еще раз на прощание, Олег выходит из кафетерия. Звенит звонок.

Глава 10. Олег переквалифицируется в гонщика. Совет в Филях.
Блицкриг

— Я возвращаюсь.

— Уже?

— Да.

— Узнал что-нибудь?

— Да.

— Расскажешь?

— Да. Как приеду.

— Жду. Осторожней за рулем, Олег.

— Всегда.

* * *

Олег был осторожным и аккуратным водителем. Хорошим. Уверенно водящим свой огромный и мощный Lexus GS 350. Но не имевшим привычки ездить на адреналине, как Димон.

А теперь... Асфальтово-серый Lexus мчался по дороге, словно одержимый демонами. Машина позволяла и прощала многое. Ему сигналили вслед. Наверняка — в салонах других машин возгласы

удивления чередовались с нецензурной бранью. Ему было плевать. Он ехал на грани фола.

Самодисциплина и умение сдерживаться — эти качества давно и часто помогали и выручали Олега. Даже сегодня. Когда, во время рассказа профессора Худякова, на него волнами накатывала ярость. И затапливало желание пойти, ведь недалеко же! — и разбить в кровь костяшки кулаков об физиономию доцента, а впрочем, нет, теперь уже доктора наук, но все равно — уroda и сволочи — Поземина.

Но он сумел. Сдержался. Ибо точно знал — он уничтожит этого подонка. Как-нибудь. Придумает что-нибудь. Не зря же он, как любит говорить Димка, «сцуко, гений».

Его гнало по дороге и жгло изнутри другое. Чуть позже, но все-таки. Он осознал.

Она любила этого... подонка. Сильно. По-настоящему. Любила настолько, что его предательство сбilo ее с ног. Поставило на колени. И встать она не может. До сих пор. Что там Олег сказал Худякову? Выжила и не сломалась? Олег не был в этом уверен. Она все еще несет это в себе. Возможно... возможно, она все еще любит его. Она... все... еще... любит... его. Последний раз ему было так больно, когда умер отец.

А из динамиков прямо в сердце вонзались слова:

Я иду навстречу солнцу.
Я дышу порывом ветра.
В голове одни вопросы
И ни одного ответа.
Наконец, все изменилось,
Разделилось «до» и «после».
Я ловлю себя на мысли:
Кто я без тебя?

* * *

— Ты мне откуда звонил? По дороге?

— Нет, из университета.

Дмитрий недоверчиво смотрит на часы.

— Не может быть... Ты на тормоз вообще нажимал?

— Не помню, — Олег открывает дверцы шкафа, достает бутылку. — Где у тебя бокалы?

— В приемной, у Аньки.

Зубами вытаскивает пробку. И кощунственно отхлебывает «Мартель» прямо из горлышка.

Минуту-другую Тихомиров молча созерцает этот акт вандализма. Потом подходит и отнимает у Олега бутылку.

— Расскажи-ка сначала. Пока еще говорить можешь.

* * *

— Ну что, за руль нам сегодня не стоит.

— Не стоит.

— А не вызвать ли нам такси, Олег Викторович?

— Нет. Я не могу. Я не знаю...

Дмитрий вздыхает.

— Олег, ты хоть понимаешь, что вляпался?

— Понимаю.

— Что делать будешь?

— Думать.

— Помощь нужна?

— Думать? Как будто ты умеешь!

— Но-но, не зарывайся...

Один ерничает, другой серьезен, хотя в них обоих плещется один и тот же коньяк.

— Дим, у меня есть пара идей. И помощь твоя понадобится, наверное. Я только обдумаю все как следует. А потом уже... поможешь?

— Конечно. Ты же знаешь.

— Знаю.

* * *

Почему-то все в квартире напоминает о ней. Он лежит на кровати. И вспоминает. Как она сидела рядом. Ее маленькая ладошка на его щеке. Нежная, но с мелкими камешками мозолей от руля. Золотистые локоны, в которые так хочется запустить пальцы. И глаза, озорные и веселые. И улыбающиеся губы. Черт!

В ней не было ничего, что бы ему не нравилось. Кроме одного. Она любила другого.

Олег вздыхает. Устало. Обреченно. Потому что понимает, что это не изменит его решения. Он уничтожит Поземину. Чего бы это ему не стоило. Даже если Женя его самого после этого возненавидит.

Потому что этот подонок ее предал. И Олег его уже ненавидел. Но не за предательство. А за любовь. Которая досталась этому скоту. И которой он был недостоин.

* * *

— Ну что, гений мой? Придумал? — Димон отхлебывает кофе. Морщится. Снимает трубку, тыкает в кнопки. — Аня, свари и Олегу Викторовичу кофе тоже, — и добавляет, положив трубку. — Что я, один страдать должен? Как она умудряется портить кофе даже в немецкой кофе-машине, ума не приложу.

Олег усмехается. Дежурный вопрос.

— Уволь ее.

— Секретарша она хорошая, ты же знаешь. Опять же, мать-одиночка. Если Дашка узнает, что я Нюру уволил, она мне голову откусит. Так, ладно, отставить лирику. Рассказывай, что придумал?

Аня приносит кофе. Олег даже не делает попыток это пить. Задумчиво размешивает сахар.

— Я думаю, можно сослаться на пункт сорок второй. И еще...

— Ты о чем?

— О последнем письме из таможни.

— Какая, нах*й, таможня?!

— Тебя же Державин по этому поводу с утра дергал?

— Ну и что? Мало ли что Эдуарду приспичило. Перетопчется. У нас на повестке дня более важные вопросы.

Олег некоторое время молчит. Что тут скажешь...

— Значит так, Дим. Нужна дополнительная информация. Я сейчас буду рассуждать вслух, а ты меня поправляй, если я где не прав, хорошо?

— Давай.

— Вот смотри. Мы же нашему универу оказываем разнообразную помощь, так? Несколько грантов, именные стипендии. Ты вон лекции читаешь иногда.

— Ой, только не напоминай мне про этот кошмар!

— Что такое? Вадик говорил, ты пользовался большим успехом.

— Как будто ты не знаешь — почему! Ладно, проехали, все равно теперь я на полгода свободен от этой каторги. Давай дальше.

— Далее. У нашего холдинга в N есть филиал, бизнес-структуры какие-то, так?

— Так.

— Логично предположить, что и они как-то могут взаимодействовать с их университетом?

— Логично.

— Надо выяснить объемы этого взаимодействия. Можно ли там на чем-то сыграть.

— Это мы сейчас.

Шелестит телефонным справочником, набирает номер.

— Александр Алексеевич? Приветствую, Тихомиров. Да что ты напрягся-то так сразу? Не буду я тебя за не вовремя предоставленные данные по регрессам... гхм... ругать. Ну, или, по крайней мере, не сейчас. Сейчас мне нужна информация. Скажи-ка мне, какую помощь вы оказываете вашему университету? Почему против? Не против. Мне вообще все равно, если честно. Данные нужны. Я понимаю, что ты не в курсе. Кто в курсе? Ага, записываю. Это кто? Понял, спасибо. Ну и это... готовься. Завтра перезвоню по регрессам. Вопросы у меня есть. Не сегодня, Саша. Завтра, завтра все обсудим.

Опять тыкает кнопки телефона.

— Галина Юрьевна? Здравствуйте. Это Дмитрий Иванович Тихомиров, директор правового управ... Вот как? Очень рад, что моя слава бежит впереди меня. У меня пара вопросов к вам. Следующего характера...

Димка что-то выясняет, переспрашивает, чиркает на листе бумаги. Наконец, он заканчивает разговор, а Олег с удивлением осознает, что за это время успел выпить весь кофе. Даже не почувствовав вкус. Что, собственно, и к лучшему, наверное.

— В десятку, Олег. Они очень плотно работают с универом. Объемы сотрудничества в разы больше, чем у нас. Ну, это и обоснованно, наверное. Там университет мощный. У них даже СП (Совместное Предприятие — прим. автора) какое-то есть. Нам это на руку?

— Если все получится, как я планирую, то — да!

— А что ты планируешь?

Олег вздыхает. Он понимает, что собирается просить много. Но возможности в данном вопросе у него ограничены, и поэтому... Попробовать стоит, в любом случае.

— Дим, я понимаю. Я очень многое прошу. Я пойму, если ты не согласишься. Мы многим рискуем, ты — в первую очередь.

— Олег, давай без прелюдий!

— Ты жене своей тоже так говоришь?

— Баженов, твою мать! Ты можешь просто сказать, что ты придумал?!

Олег вздыхает. Димка прав, он ведет себя как ребенок.

— Хорошо. Слушай. Мне нужен карт-бланш в переговорах с ректором. Вплоть до того, что если они не соглашаются на мои условия, холдинг прекращает всякую финансовую помощь университету. Отзывает свои активы из СП. В общем, перекрывает все денежные краны. Я очень надеюсь, что это будет блеф с моей стороны. И до этого дело не дойдет. Но сам факт. Таких полномочий. На кону большие деньги, репутация.

Тихомиров задумчиво постукивает пальцем по верхней губе.

— Хороший план. Мне нравится. Изящно. А чего ты хочешь добиться от ректора?

— Восстановления справедливости.

— И мира во всем мире?

— Ты же понимаешь...

— Не понимаю.

— Хочу, чтобы Жене вернули отобранную у нее кандидатскую диссертацию.

Дмитрий изучающе смотрит на Олега.

— Это не просто, думаю. Как ты себе это представляешь?

— Это не мои проблемы. Захотят — придумают что-нибудь.

— Страшен ты в гневе, Олег Викторович.

Дмитрий встает, начинает ходить по кабинету.

— Впрочем, знаешь... Чисто технически — ничего невозможного в этом нет. Но непросто это, ох как непросто. Ты им собираешься руки выкрутить этим.

— Не только этим. Еще я хочу, чтобы этого козла уволили. Я понимаю, Дим, что это сложно. Поэтому мне нужны максимальные полномочия. Чтобы было чем оперировать.

— Ну что ж, — Димка садится обратно за стол, — давай быстренько придумаем, что соврать тамошне по поводу их последнего бреда. Чтобы мне было чем оперировать в разговоре с Эдиком, когда буду выбивать тебе титул пэра.

— Так ты... согласен?

— Конечно. А ты что, сомневался?

Олег смущенно молчит.

— Дурак ты, Баженов. Хоть и гений.

* * *

— Олег Викторович! Рад, очень рад! Будем знакомы!

Олег с совершенно непроницаемым лицом отвечает на рукопожатие. По-хозяйски устраивается в кресле перед столом ректора. Хозяин кабинета — сама любезность.

— Могу я вам предложить кофе? Или может быть, чай?

— Нет, спасибо. Давайте сразу к делу.

— Хорошо. Вы хотели обсудить детали нашего сотрудничества?

— Именно.

* * *

— Олег Викторович! Это совершенно невозможно!

— Полностью с вами согласен.

— Да нет, вы не поняли. То, о чем вы рассказали — этого не могло случиться!

— Иными словами — я лгу?

— Уффф... Да нет. Просто...

— Наведите справки. Переговорите с заведующим кафедрой генетики. Если он не дурак, то и сам все уже понял.

— Я переговорю. Обещаю. Но пока...

— Нет. Никаких «пока». Вы можете сколько угодно выяснять и собирать информацию. Но условия я вам озвучу сейчас.

* * *

Ректор нервно ослабляет галстук. Ему уже плевать, какое впечатление он производит на этого холеного скучающего хлыща, который с хирургической точностью обрисовывает перед ним возможные перспективы отказа от сотрудничества. Под ногами у ректора разверзаются бездны. И нет им числа.

— Олег Викторович... — в голосе ректора, помимо его воли, отчетливо слышны просящие интонации, — может быть, мы как-то с вами договоримся? Какой у вас лично интерес в этом деле?

— Огромный. Но вас это совершенно не касается. Условия я вам изложил. Достаточно подробно?

— Да. Но...

— Какие «но»? Неужели вам самому все равно, что у вас в университете творится такой бардак? Что одних лишают полагающихся им научных званий, а других... — Олегу на одну миллисекунду изменяет самообладание, и лицо его перекашивает гримаса гнева. На его счастье, ректор занят, вытирая платком лоб. И лицо Олега быстро принимает надменное скучающее выражение. И он продолжает: — Это все исключительно в ваших интересах. Вы и

чистоту научного коллектива поддержите, и финансово университет не пострадает. Не понимаю, о чем тут можно думать.

— Олег Викторович! Голубчик! — почти стонет ректор. — Вы не представляете, как это сложно! Это же задним числом! А сколько уже времени прошло!

— Я в вас верю, — Олег встает. — Мой телефон у вас есть. Жду от вас ответа в течение недели. В противном случае, через неделю, мы начинаем процесс сворачивания наших программ помощи университету.

Когда за Олегом закрывается дверь, ректор без сил откидывается в кресле. Откуда этот... взялся на его голову?! Не человек, айсберг какой-то. Но в одном он прав. Думать тут не о чем. Надо действовать.

Снимает трубку.

— Декана биологов ко мне! Срочно! И пусть возьмет Кабанова. Это зав. кафедрой генетики.

Глава 11. Женя наводит порядок в квартире. Потом — в голове. И, как выясняется, не напрасно

Убираться Женька не любила. Первые месяцы, когда она переехала сюда и впервые в своей жизни стала жить одна, она оторвалась по полной. Устраивала себе совершеннейший бардак и бедлам в квартире. Неделями не мыла пол. Вещи валялись где попало. Но ей было все равно. Гостей она не принимала. И опять же — теперь это было можно! А раньше, когда она жила с отцом, наведение порядка в квартире было возведено в ранг культа. И лежало целиком и полностью на Женькиных плечах. Так что наубиралась она в свое время на годы вперед.

Однако, пожив в свинарнике несколько месяцев, Женя поняла, что от вбитых с детства привычек никуда не денешься. И квартира постепенно приняла вполне жилой и аккуратный вид.

Однако сегодня Женька убиралась с особым остервенением. Отодвинула шкафы, диван, даже холодильник. Устроила себе генеральную уборку. Почему? Потому что трудотерапию, как метод лечения душевных расстройств, никто не отменял.

Он ей снился. Опять. Уже в который раз. Он ей стал сниться часто. Чаше, чем она могла выдержать. Но сегодня... сон был совершенно особый.

Много в нем было на уровне ощущений, того, что так трудно запомнить и передать словами.

Небо. Яркое голубое небо. Ощущение большого открытого пространства, степь или луг. Яркий солнечный день. И Олег.

Беззаботно хохочет. Громко, заливисто. Радостно. В глазах отражается небо. Точно такого же цвета, как и его глаза.

И он ее кружит. На руках. Ощущение кружения. Почти полета. От которого, кажется, душа вырывается из тела. Потому что — глаза в глаза. А потом опускает ее на землю. Она скользит вдоль его тела сверху вниз. И от этого у нее сбивается дыхание. Даже во сне. А потом он... наклоняется. Она чувствует его дыхание на своих губах. И...

Женя малодушно просыпается. И тогда, и сейчас — встряхивает головой, отгоняя воспоминания.

Докатилась! Стоит и мечтает о поцелуях с мокрой тряпкой в руках. Из ведра, стоящего в ванне, через край переливается вода. Закрывает воду, сливает излишки воды и идет в прихожую. Уборка вышла на финишную прямую, а покоя в душе как не было, так и нет.

Женя придирчиво смотрит на зеркало в прихожей. Решает, что ему тоже требуется влажная уборка. А вместо этого — принимается разглядывать себя.

Ну, на классических красавиц не тянет, это факт. Опять же, тренировочные штаны, закатанные до колен, и мятая футболка не добавляют ей привлекательности.

Но в целом, есть на что взглянуть. Цену себе Женька знала. Не модельного роста, зато со всеми причитающимися женскому телу изгибами. Крутые бедра, тонкая талия, аппетитная грудь. Лично Женька предпочла бы на размер меньше — с одеждой проще и на животе спать удобнее, но ее никто не спрашивал. А мужикам ее третий был вполне по вкусу, это она знала.

Ноги не бесконечные, и растут не из ушей, а из положенного им матушкой-природой места. Очень, кстати, упругого и округлого места. Да и ноги сами, хоть и не отличаются особой длиной, ровненькие и пропорциональные. Служат Женьке верой и правдой третий десяток лет и вполне ее устраивают.

Волосы — это ее, без сомнения, главное достоинство. Роскошные, густые, вьющиеся потоки солнечного света. Такие же, как у мамы.

Лицо тоже не подкачало. Нос — маленький и аккуратный, глаза — наоборот, большие и выразительные. Рот, на ее вкус, узковат, зато губы пухлые. Единственное, что не устраивало Женьку в ее лице — это то, что оно круглое. В той, другой жизни, где у нее были подруги, одна из них дразнила Женьку «лунолицкой». Женя вздыхает. Что уж теперь... Какая рож... то есть, лик есть — такой есть. Пусть и лунный.

Все это в совокупности не помешало, а, точнее, наоборот, помогло, наверное, Олегу заинтересоваться ею. Женька себе не льстила, отнюдь. В том, что Олег «запал» на нее, она не сомневалась. Несмотря на свой почти трехгодичный целибат, определить, когда мужчина «делает стойку» на нее, она могла совершенно безошибочно.

А почему бы и нет, собственно? Почему бы и не замутить чего-нибудь с этим великолепным образчиком мужской породы? Раз уж он интересуется ею, а она уже дошла до того, что видит его во сне? Взаимное влечение двух взрослых половозрелых особей *homo sapiens* при отсутствии внешних форс-мажоров ведет в одну сторону. В сторону постели. Возможно, конечно, что там-то идеальность Олега и заканчивается. Может статься, что в постели он — сплошное разочарование. Но Женька необъяснимым образом была уверена в обратном. Что в постели он может... удивить. По-хорошему. Но уж никак не разочаровать.

Так почему бы и нет?

Потому. Что она была уверена — одним разом не ограничится. И двумя — тоже. И вообще, дело не в том, сколько раз у них будет секс — один, пять или десять. А в том, что связь с Олегом неминуемо и неотвратно изменит ее жизнь. И она уже не будет такой, как прежде. А она к этому была... не готова?

Звонок в дверь выводит ее из состояния задумчивости. Женька вздрагивает. В голове появляется совершенно сумасшедшая мысль. Что это Олег. Но нет. Не может быть. Вряд ли он явится без предварительного звонка. Да и зачем ему приходиться к ней домой?

Это, наверное, кто-то из соседей. Или эти... как их... «Веруете ли вы в господу нашего Иисуса?». Женька верила в двигатель внутреннего сгорания. И в то, что надо мыть форсунки каждые

двадцать пять тысяч. С этой мыслью она открыла дверь. И остолбенела.

* * *

Что вы чувствуете, когда видите перед собой воплощение своих самых страшных кошмаров? Когда открываете шкаф, в котором, по уверению ваших родителей, никого нет, а из него на вас смотрит то самое. Страшное чудовище из ваших снов.

Она была уверена, что больше никогда его не увидит. Никогда. Никогда. Никогда. И вот вам...

— Здравствуй, Женя.

И голос. Этот голос. Хорошо поставленный голос преподавателя. Его она тоже не хотела больше слышать. Никогда в жизни. Никогда. Никогда. Никогда.

— Пригласишь меня войти?

И легкая улыбка. Такая... победоносная. Он наслаждается ее замешательством.

Женю выручило ее ослиное упрямство. Бешеный темперамент. И заоблачная гордость.

— Нет, — привалилась к дверному косяку, скрестила руки на груди.

— Боишься меня?

Женька фыркает. Распахивает шире дверь, демонстрируя ведро с водой и лежащую на полу тряпку.

— Опомнись, Валера! Кто тебя боится? Не видишь, что ли? У меня уборка. Так что выкладывай по-быстрому, чего тебе надо, и проваливай. Я занята.

Он неодобрительно качает головой.

— Я же ради тебя приехал, Женя. Чтобы помочь.

— Оху*ть! — всплескивает руками Женька. — Какое благородство. Всемирная организация «Доценты без границ»! Ой, пардон, доктора наук.

— Жеееееня, — предупреждающе тянет Поземин, — ты совершаешь огромную ошибку, неужели ты не понимаешь!

— Да понимаю я! Что ошиблась! Дурака сваяла! Но что мне было делать? Виталька пошел с пик, а у меня на руках были одни трефы!

Валерий Поземин в немом изумления смотрит на нее, пытаюсь переварить услышанное. Наконец, до него «доходит».

— Все шутишь. Даже сейчас.

— Почему «даже»? Сейчас самое время! Ты такой... забавный.

Он преувеличенно громко вздыхает.

— Женя, пожалуйста. Давай поговорим как взрослые люди.

— Так я жду! Начинай уже говорить как взрослый. Конкретно и по делу!

— Женя! — он серьезен. Даже торжественен. Но Женька вдруг с удивлением замечает, что он... волнуется. — Отзови своих псов. Это ни к чему хорошему не приведет.

— Псов?! Валерик, ты головкой не ушибался?

— Женя!!!

— Что «Женя»?! Прекрати изъясняться загадками и скажи внятно и четко, зачем приперся.

Он издает еще один театральный вздох. Но руки выдают волнение. А Женькино удивление возрастает. Похоже, она чего-то не знает.

— Я про твоего... Баженова.

У нее внутри все обмирает. Как?! Каким образом? Почему? Откуда он знает про Олега? Что вообще, черт подери, происходит?!

Один медленный вдох-выдох. Чтобы успокоиться. Она уже достаточно взрослая, чтобы держать свои эмоции и темперамент в узде.

— Что ты имеешь в виду? — обманчиво спокойно интересуется она.

— То, что по твоей указке этот господин адвокат поставил на уши весь университет.

Женя вся сосредоточена на том, чтобы успокоиться. И не дать, ни в коем случае не дать понять Поземину, что она совсем, напрочь не понимает, о чем речь! Думать о том, что умудрился натворить Олег, она будет потом. А сейчас, сейчас ей надо выдержать бой с собственным прошлым.

— И что тебя не устраивает?

— Женя, — Поземин складывает руки в почти молитвенном жесте, — зачем ворошить прошлое? Это никому не принесет счастье. Чего ты добиваешься?

— Неужели Олег это недостаточно ясно объяснил? Странно, он квалифицированный юрист, и должен был четко обрисовать ситуацию.

Женька с удовольствием наблюдает, как Валерий нервно сглатывает. Бледнеет.

— Женя, ты не представляешь, что у нас там происходит...

Она пожимает плечами.

— И знать не хочу.

— Женя, я прошу тебя. Я тебя умоляю, Женечка. Останови это.

Она так этого ждала. Когда-то. Что он придет. Вернется. Будет просить, умолять. Да вот только сейчас ей было... неинтересно. До смерти было интересно выяснить, что такое учудил этот «господин адвокат». Аж руки чесались... Вцепиться в его вечно идеально лежащие русые волосы и вытрясти из него всю правду! А вот излияния Валеры Поземина, который когда-то был ее солнцем, вокруг которого вращалась планета по имени «Женя Миллер», ее оставляли скучающе-равнодушной.

«Поздравляю тебя! — мысленно сказала себе она. — Вот ты и вылечилась. Сама не заметив, как».

— Женя! Что ты молчишь?

— Иди на х*й, Поземин!

Он бледнеет еще больше. Пытается сохранить лицо.

— Грубо, Женя, очень грубо... Так сильно хочешь мне отомстить?

— Да сдался ты мне! У Олега очень широкие... полномочия.

Хочешь договариваться — договаривайся с ним.

Поземин отчетливо вздрагивает. Он видел Баженова всего один раз, когда тот приходил на кафедру и о чем-то разговаривал с профессором Худяковым. И этого одного раза хватило, чтобы оценить все: и холодный, с отблеском хирургической стали взгляд светло-голубых глаз, и спокойные, говорящие о превосходной выдержке, манеры, и великолепный (он не мог не обратить внимание!) итальянский темно-синий костюм, и небрежно выглядывающий из-под манжеты рубашки Rado. И понять, что такой соперник ему не по зубам. Договариваться с ним бесполезно. Он попробовал повлиять на более слабое звено. Но, похоже, его план не удался. Звено оказалось не таким уж слабым.

Поземин злится. Все рушится. Идет прахом. И его вдруг охватывает непреодолимое желание... напомнить ей. Сделать больно. Унизить.

— А ты стала стервой за это время, ты знаешь? Что, трудно пришлось? Непросто жить на дне? Зато ты теперь самая настоящая сука!

Он хотел ее оскорбить. Но вместо того, чтобы обидеться, задохнуться от боли и возмущения, Женя фыркает. Смотрит на него с веселым изумлением.

— Ай-ай-ай, Валерий Анатольевич! Это откуда же доктора наук знают такие слова? Стыдно, стыдно... — и, сложив руки на груди и смерив его с ног до головы пристальным взглядом, добавляет: — Ты

тоже не похож на цветущий бутон. Отнюдь. Всего-то пара лет, но как они тебя потрепали!

Привстает на цыпочки, пытаюсь заглянуть ему в макушку.

— Что это, лысина просвечивает? Боже, какая досада! И мешки под глазами — жуть. А пузо-то какое отрастил, — Женька неожиданно хлопает его по животу, отчего Поземин едва ли не складывается пополам. — Наверное, и с эрекцией проблемы... усугубились?

Она бьет его по больному. Он и опомниться не успевает, а Женька все продолжает:

— Как же ты теперь такой потрепанный-потасканный студенток и аспиранток клеишь? Еще получается?

— Ссссука, — только и может злобно прошипеть он.

— Повторяешься. Ладно, утомил ты меня, Валерон. Adios, amigos! Супруге сердечный привет!

И перед его носом захлопывается дверь.

* * *

От звука захлопнувшейся двери вздрагивает стоящий двумя лестничными пролетами ниже Олег. Это вышло случайно. Он даже не узнал Поземина со спины. Просто вошел в подъезд практически следом за каким-то мужиком с портфелем.

Но когда услышал Женин голос, остановился как вкопанный. Так и простоял на протяжении всего их разговора. Несколько раз умирал. И воскресал. Дверной грохот заставляет его выдохнуть. Дышал ли он вообще все это время? Наверное. Но в груди тесно. От жгучей ненависти. От облегчения. И от чего-то еще...

Олег поворачивает голову в сторону спускающегося Поземина. И тот спотыкается об этот холодный, презрительный, с отчетливым блеском металла взгляд. И об улыбку, при виде которой на ум приходит одно слово — «акулья». Нехорошая улыбка. Очень нехорошая.

Поземин готов отдать многое, очень многое, чтобы оказаться сейчас в другом месте.

— Валерий Анатольевич! Какая неожиданная встреча. Вы же знаете, кто я?

— Эээээ... Да.

— Прекрасно, прекрасно. Уже подыскали себе новую работу?

— Эээээ...

— Что-то вы немногословны для доктора наук. Впрочем, мне тоже с вами беседовать недосуг. Вот что я хочу вам сказать, — Олег делает

несколько шагов и подходит вплотную к панически застывшему доктору биологических наук Поземину. Олег выше, сильнее, и, что самое главное, от него волнами исходит ощущение едва сдерживаемой ненависти. Ярости. — Если еще раз, хотя бы один раз, я увижу вас рядом с Женей... От моральной и психологической расправы я перейду к непосредственным методам физического воздействия. Иными словами, будет больно. Очень больно. Я доступно объясняю?

— В-в-вы что... мне угрожаете?!

Олег улыбается. Улыбкой, от которой у Валерия Поземина сбегает по спине струйка холодного пота.

— Что вы! Ни в коем случае. Предупреждаю. В целях полной ясности.

— И на вас управа найдется! — у Поземина сдают нервы, и последнюю фразу он выкрикивает фальцетом.

— Неужели? Желаете подискутировать? С перечислением статьей Уголовного Кодекса? Вы не забыли случайно, с кем разговариваете?

Поземин нервно сглатывает. Он понимает, что его последняя попытка сохранить лицо провалилась.

— Мы достигли взаимопонимания? — издевательски вежливо интересуется Олег.

— Да!

— Отлично. Тогда более вас не задерживаю.

И едва не задев Поземину плечом, Олег стал подниматься по лестнице.

* * *

Он стоял перед дверью и не мог решиться. В голове был полный сумбур. Он долго откладывал этот разговор. Он должен был сказать ей раньше. О том, что сделал. Ради нее. Но не мог себя заставить позвонить ей. В итоге, не давая себя ни малейшего шанса задуматься, — сегодня просто сел в машину и приехал. И все равно — опоздал.

Олег вздохнул и нажал на кнопку звонка.

* * *

Ее начало трясти. Мелкой противной дрожью. От пережитого потрясения. От облегчения. От неизвестности. От злости. Да дофига отчего.

Повернулась и не узнала свое отражение в зеркале. Бледная, с сумасшедшим блеском в глазах. С разгорающимися на скулах алыми

пятнами румянца. Поднесла руку ко лбу, чтобы убрать волосы. И глазам ее предстал лихорадочный танец дрожащих пальцев. Черт знает что! Это вообще никуда не годится!

Очень кстати она вспоминает о заныканной на кухне на такой вот поганый случай пачке сигарет. Курить Женька начала еще в школе, из ослиного упрямства и духа противоречия. Назло отцу. Но привычка у нее не прижилась. И курила она редко, под настроение (а точнее, его полное отсутствие) или в компании, на пьяную голову.

Главное, чтобы спички или зажигалка нашлись! И они нашлись, предусмотрительно положенные рядом с пачкой Kent.

Две волшебные затяжки, и руки перестают дрожать. Но не успела она насладиться достигнутым эффектом, как ее буквально подбросила на месте трель дверного звонка. Ну, Валерон! Ну, падла, держись! Женька с упоением чувствовала, что персона Поземина не вызывает внутри ничего, ничегошеньки, кроме досады. И еще — желанья дать ему в бубен. Пора показать Валере Поземину, кем стала его бывшая аспирантка.

Пристроив сигарету в уголке губ, Женька отправилась открывать дверь.

И не нашлась, что сказать. Олег тоже говорить ничего не стал. Решительно шагнул через порог, захлопнул за собой дверь.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Потом Женька спохватилась и вынула изо рта сигарету, пока она не обожгла ей губы. Олег по-прежнему молчит. Взгляд серьезен. И абсолютно непроницаем.

А Женька между тем складывает два плюс два. Временной интервал между двумя визитами незваных гостей. Да неужели?..

— Ты все слышал?

Кивает. И по-прежнему не размыкает губ. Зато с Женькиных срывается пара очень нецензурных слов. Но Олег даже не морщится.

Сигарета начинает жечь пальцы, и Женька двигается на кухню. Олег следует за ней.

Жене плевать, что он о ней подумает. После всего, что он о ней уже знает. Ей очень хочется курить. Вытряхивает из пачки очередную сигарету. Не успевает протянуть руку к коробку со спичками, как Олег уже галантно протягивает ей свой золотой zipro. Джентльмен, мать его! Закуривает, искренне надеясь, что больше никто не придет. Например, опять Валерон. Хотя... Судя по всему, эти двое должны были пересечься в подъезде. Искоса взглянув на Олега, который за

компанию с ней задумчиво курит, Женя вдруг понимает. После встречи с Олегом Валерий Анатольевич Поземин вряд ли еще раз появится в ее жизни. Женя вздыхает. Произносит мрачно:

— Он ведь полное ничтожество, да?

— Да, — осторожно кивает Олег, щурясь от дыма.

— Как же меня угораздило, а? Вот же я дура была... — почти стонет Женя. — Дура набитая. Вот дурааааа...

— Ну, не стоит так убиваться, — против воли, Олег улыбается. Самым уголком губ. Несмотря на всю сложность ситуации, ему доставляет удовольствие, как Женька костерит своего бывшего. И свое чувство к нему. — С кем не бывает...

— С тобой бывает?

— Бывает. Еще и не такое бывает.

Он смотрит на то, как она курит. Закинув голову, выдыхает дым и разглядывает что-то, видимое ей одной, на потолке.

Копна роскошных волос почти касается кончиками столешницы, на которую она опирается. Беззащитно натянутая нежная шея.

Маленький упрямый подбородок.

Черт! Есть только один способ выяснить. Действительно ли все обстоит именно так, как он хочет верить. И в ее сердце уже нет любви к другому. Он быстро тушит свою сигарету, потом то же самое делает с Женькиной. И, бросив один короткий взгляд ей в глаза и не разобрав, какое выражение таится за этими великолепными загнутыми ресницами, наклоняет голову. И делает то, о чем мечтал уже столько времени.

Это был горький поцелуй. С привкусом табачного дыма. И пережитого потрясения. С отблеском тех злых слов, которые они говорили так недавно, пусть и не друг другу.

Это был сладкий поцелуй. Невероятно сладкий.

Олег был готов к чему угодно. К тому, что она сразу же оттолкнет его. Укусит за губу или язык. Вцепится в волосы или саданет кулаком в ухо. Даже к удару в пах был готов, хотя к этому невозможно подготовиться.

А вот к чему он не был готов, так это к тому, что ее губы раскрылись сразу же, впуская его. Подчиняясь ему. Подчиняя его. И к ее руками, по-хозяйски притянувшим его к себе за шею, он тоже не был готов. И уж совершенно точно не был он готов к тому, как она выгнулась, прижимаясь к нему с таким откровенным желанием ощутить, почувствовать его, что тело отозвалось мгновенно. В

ответном желании ощутить, почувствовать ее. Какая она... Мягкая. Нежная. Податливая. Плавающая и текущая в его руках. Выдыхающая что-то бессвязное ему в губы.

К этому невозможно быть готовым. И от этого все было еще более сладким. И Олег отпустил себя на волю. Свои губы. Свой язык. Свои руки. И они творили все, что хотели. Его руки опустились на ее попку, с наслаждением впитывая ее округлость. Прижал к себе, потому что тело уже не просто просило, оно требовало! Женька возмутилась? Ничего подобного! Его эрекция заставила ее лишь еще сильнее выгнуться, прижимаясь, вжимаясь в него еще крепче. Закидывает ногу ему на бедро, делая их контакт таким плотным, что Олег чудом не лишается чувств от затопившего его острого наслаждения. Наслаждения, которое уже выплескивается за границы тела. Черт, как же начинает мешать одежда! Запускает руку ей под футболку, обжигая горячей ладонью нежную кожу спины. Женька стонет. Для него ее стоны звучат как музыка. Прекрасная музыка.

И она действительно звучит. А потом к звукам добавляется вибрация. В заднице! А точнее, в заднем кармане джинсов, где проснулся, ожил и с чувством исполняет музыку мобильник, мать его! Любимый Равель, на сей раз — болеро. Тихомиров, сукин сын!

И Женька уже начинает потихоньку упираться руками, которые еще недавно нежно перебирали его волосы, ему в грудь. Отодвигая его. Отталкивая.

Он делает глубокий вдох. Один. Второй. Достает телефон.

— Да?

— Олег, мать твою! Где тебя черти носят! Я тебя обыскался!

— Я... ммм... не в офисе.

— Это я уже понял! А мне нужно, чтоб ты был в офисе! Позарез!

Он вздыхает.

— Хорошо.

— А что у тебя с голосом? — вдруг подозрительно спрашивает Димка.

— Ничего. Через полчаса буду.

— Подожди, Олег! Что-то случилось?

— Нет. Я скоро буду.

У Тихомирова случается крайне несвоевременный приступ прозрения.

— Ты... ты с Женькой, что ли?

— Я буду в офисе через полчаса, — отрезает Олег и нажимает отбой.

Смотрит на нее, и в груди все переворачивается. Он раньше думал, что это выражение такое. Теперь понимает — это просто констатация факта. Действительно. Переворачивается. Что-то. Хрен знает — что.

Огромные потрясенные глаза. Припухшие губы. Растрепанные волосы. Свежий засос на шее.

Он не хочет уходить и оставлять ее одну. Хочет опять сграбастать в объятья и целовать. И держать крепко-крепко. И не отпускать.

Словно прочитав его мысли, Женя отрицательно качает головой.

Олег шумно выдыхает. Что ж, одно к одному. Ладно, он уступит сейчас. Но окончательно — не сдастся. И поэтому говорит не терпящим возражений тоном:

— Я приеду еще. Сегодня. Вечером.

И все-таки не выдерживает. Наклоняется. Один поцелуй. Последний. Женя не отвечает. Но и не делает попыток отстраниться или оттолкнуть его.

Все, надо уходить. Пока он еще может. Олег разворачивает и выходит из кухни. Он убьет Тихомирова! А Руслан поможет ему спрятать труп.

Глава 12. Сны. Воспоминания. И снова — поцелуи

Женька стоит, низко опустив голову, и разглядывает пальцы на ногах. Лак облупился. Надо перекрасить.

Нервная система, с достоинством выдержав последний раунд, предъявляет ультиматум: если ей сейчас, немедленно, не дадут передышку, за последствия она, нервная система то есть, не ручается. Иными словами, Женька чувствует — ее неудержимо клонит в сон. Окружающая реальность уже совершенно задолбала ее своими сюрпризами. Хочется закрыть глаза и провалиться в милосердное ничто. Только сначала надо сделать последнее усилие и сходить быстренько в душ. И белье сменить.

После душа, натянув на себя из одежды лишь одни только трусики, Женя ныряет под одеяло, взбивает под головой подушку. Господи, хорошо-то как. Зябко обнимает себя за плечи руками. И вдруг

совершенно некстати представляет, что это руки Олега. Что он здесь, рядом с ней, под мягким одеялом. Без одежды, так же как и она. Женька стонет. Да что же это! Спать ведь хотела! Теперь можно спорить на что угодно — она знает, что ей приснится! Она зажмуривается сильнее. И все-таки засыпает. Точнее, проваливается в сон. Милосердный, без сновидений. Но короткий. Через час ее вырывает из матрицы сна звонок телефона.

* * *

Попытавшегося приставать с ненужными вопросами Тихомирова Олег отшил так, что тот, похоже, обиделся. Зато со злости придумал изящное решение проблемы, над которой они с Димкой уже несколько дней безуспешно ломали голову. Димон даже дуться перестал, но периодически бросал на Олега, пока тот бойко лупил по клавишам, задумчиво-удивленные взгляды.

Все с той же злости переделал огромную кучу рутинных дел, до которых у него все никак не доходили руки. Разгреб завалы на столе. Выпил две чашки Нюркиного фирменного пойла. В общем, развил такую бурную деятельность, что Тихомиров счел за благо предусмотрительно отсидеться у себя в кабинете, пока Олег метался по офису, не давая покоя никому в правовом управлении.

За те десять минут, когда финансовый директор Женька Тымченко локализовал Олега в кабинете, выясняя у того со свойственной финансисту педантичностью какие-то детали договоров, офисы правового управления опустели молниеносно. Впрочем, Олег тоже задерживаться не стал. У него было одно очень важное неоконченное дело. Сев в машину, он предусмотрительно выключил телефон. На всякий случай.

* * *

На этот раз он звонил долго. За дверью была тишина. И лишь когда он уже начал паниковать, дверь открылась. Он облегченно выдохнул. И тут же выругался сквозь зубы. Ну что еще, разрази все гром, могло случиться за те несколько часов, пока его не было?!

Она плакала, это было совершенно очевидно. Причем недавно. И много. Опухшее лицо, покрасневшие глаза и нос.

Ему опять стало страшно, в который раз за день. Американские горки какие-то!

— Женья, что случилось? — осторожно прикрыл за собой дверь.

Она помолчала. А потом ответила. Тоскливо. С надрывом.

— Откуда ты взялся на мою голову?

Всхлипнула.

— Кто тебя просил лезть в мою жизнь? Какой рожна ты полез, куда тебя не просили? Зачем?! Все же было нормально. Я жила! Спокойно! Никому не мешала... Пока не появился... ты! Ты! Все ты!

И она закрыла лицо ладонями, всхлипывая.

Олег много повидал женских слез, даже истерик. Так уж сложилась его жизнь. Так что, можно сказать, он обладал в некотором роде иммунитетом. Но не сейчас. Потому что не ожидал этого от нее. Был уверен: истерика и Женя — вещи несовместимые. И уж если она плачет... И сам он пережил сегодня немало. Поэтому держался Олег уже на остатках самообладания. Как выражаются автолюбители, «на парах» самоконтроля.

— Женя, что случилось? — как можно мягче и спокойнее повторил вопрос.

Странно, но на Женю его тон подействовал успокаивающе.

Всхлипнув пару раз, отнимает руки от лица. Оттирает слезы со щек.

— Отец звонил.

И, развернувшись, уходит в комнату.

Понятнее не становится, дьявол все раздери! Олег разувается и проходит следом за ней.

Женя сидит на краешке разложенного дивана. За ее спиной сбитое в кучу одеяло, на подушке валяется мобильник. Она обнимает себя руками, глядя в одну точку на противоположной стене.

Олег присаживается рядом. Очень хочется ее обнять, но он пока не рискует.

— Отец звонил? И что? Что сказал?

Отвечает. Ровно. Бесцветно.

— Сказал, что я совсем совесть потеряла. Если после всего, что было, я снова взялась ворошить старое. Что я его позорю. Что ему стыдно за меня. И что, если у меня есть хоть капля дочерних чувств к нему, я должна прекратить все это. Немедленно. Видимо, Валерий и ему тоже позвонил. И адрес у отца взял. Иначе откуда он узнал, где меня искать.

Олег молчит. А в голове бьется паническая мысль. Что он ошибся. Он сделал все неправильно. Еще только хуже. Принес Женьке новое горе и переживания.

— Вот скажи мне, Олег, — неожиданно продолжает она.

Повернулась к нему лицом. Голос, как и выражение лица, спокойны. Как будто это не она пять минут назад плакала в прихожей. —

Объясни. Почему ты, совершенно чужой для меня человек, поверил мне? Хотя я не сказала тебе ни слова об... этой истории. Почему ты считаешь нужным исправить то, что случилось? Ты ведь веришь мне и пытаешься помочь? Хотя тебя об этом никто даже не просил. А родной отец... Знаешь, если хотя бы он... Если бы он мне поверил тогда... Я бы не... Почему? Почему он мне не поверил? А ты, чужой человек, поверил? Скажи, почему?!

Многое задело его в ее словах. Но ответил Олег на то, что посчитал самым важным.

— Я тебе не чужой.

Женя моргнула от удивления. Но спорить не стала.

— Но ведь он — мой родной отец.

* * *

Это было то, что называется «последней каплей». Она был совершенно уверена, что уж отец-то поверит ей. Он-то знает цену ей, ее способностям, ее порядочности.

И как же она горько ошибалась. Он не мог предположить, что зав. кафедрой и кандидат наук врут. Ему оказалось проще поверить в то, что врет его дочь. И поэтому, оказалось, что она опозорила его. Поставила несмыслимое пятно на безупречное имя «Миллер». Уронила их родовую честь, практически.

Он не дал ей сказать ни слова в свое оправдание, зато великодушно сообщил, что отказываться от нее все же не собирается, ибо она его дочь. И может жить с ним. Просто, видимо, он слишком много от нее ждал. А она не справилась. Не оправдала оказанного высокого доверия. «Ты совсем как мать» — это была последняя фраза, которую она дослушала до конца. В тот момент она физически почувствовала, как рушится мир вокруг нее. Как буквально давят, падая и погребая ее под собой, стены родительской квартиры. И через час она ушла из дома, собрав, что успела. Отец сказал ей на прощание: «Уйдешь сейчас — можешь не возвращаться!». Она не вернулась.

* * *

— Знаешь, я бы осталась. Нашла бы силы как-то продолжать дальше ту, прежнюю жизнь. Если хотя бы он мне поверил.

— А мама?

— Мама... — Женька вздыхает. — Мама к тому времени уже двенадцать лет как умерла.

Олег дал себе слово: больше никаких игр у нее за спиной. Поэтому спрашивает прямо.

— От чего?

* * *

Тринадцатилетняя Женька тогда многого не понимала. Кроме самого важного, затмевавшего все — мамы больше нет.

И только потом, спустя годы, ее тетка, незамужняя и бездетная старшая сестра матери, любившая Женьку как родную дочь, рассказала то, что сама знала о совместной жизни Жениных родителей. Тетя Шура раскрыла глаза взрослой Жене на то, как жили ее отец и мать. И отчего умерла мама.

* * *

Брак ее родителей был чистейшей воды мезальянсом. Подающий большие надежды блестящий студент из интеллигентной семьи Андрюша Миллер и штукатур-маляр второго разряда Лидочка Кузнецова. Что их объединяло? Ничего.

Она в составе бригады делала ремонт в общежитии, где жил Андрей Миллер. И ему достаточно оказалось один раз взглянуть в ее кошачьи золотистые глаза. Один раз увидеть, как она снимает заляпанную косынку и по плечам рассыпается водопад рыже-золотых кудрей. Один раз услышать, как она своим мелодичным голосом напевает во время работы. Чтобы он пропал.

А ведь у нее был жених, электрик Юра из их же бригады. И он ходил «отбивать» свою Лиду у «этого очкарика». Наставил отцу Жени порядочных фингалов, но Лиду это уже не вернуло. И его родители пришли в ужас и были категорически против. Но его и это не остановило. Потому что она его полюбила, а ему больше не нужно было ничего.

Странная это была свадьба. Жених еще слегка отсвечивал бледно-желтыми синяками. Родни со стороны жениха не было. Со стороны невесты, впрочем, тоже, но по другой причине. Шура и Лида были сиротами, и из родни на свадьбе Лидочки была только сестра. Зато невеста была чудо как хороша. Прекрасна и счастлива, несмотря ни на что.

Жить молодые начали тяжело. Из дохода — стипендия Андрея да зарплата Лиды. Родители отказались помогать сыну, выбравшему неугодную невесту. Андрей окончил университет, поступил в аспирантуру. На доходе семьи это не слишком сказалось, разве что из студенческой общаги переехали в аспирантскую. Лида работала, прирабатывала, шабашила, чтобы хоть как-то содержать семью. Вот тогда она и надорвала на тяжелой работе здоровье. Потом отец

защитился, они получили однокомнатную квартиру, решили завести ребенка. Мать долго не могла выносить. Два выкидыша. Резус-конфликт, проблемы с почками, давление.

Женька родилась семимесячной. И самим фактом своего рождения уже стала самым большим разочарованием отца. Он мечтал о сыне. А вместо здоровенького крепыша в роддоме ему отдали бледного синюшного младенца женского пола с рыжим хохолком. Он назвал дочь именем, которое приготовил для сына.

Однако со временем он смирился с тем фактом, что у него родилась дочь. Тем более, с возрастом Женя превратилась в хорошенькую, послушную и смышленную малышку. А уж вторым-то у него точно родится сын.

Отец готовился к защите докторской. А мать — к рождению сына и наследника. Однако, если у отца все шло гладко и по плану, то у мамы — все хуже и хуже. Еще один выкидыш. Следующую за этим выкидышем беременность мама смогла доносить до двадцати пяти недель. Но закончилось все еще хуже. Зашкаливающее давление и сумасшедшие отеки заставили врачей пойти на искусственное прерывание. Лида ничего успела понять, как ее лишили малыша, которого она уже считала почти родившимся. Ее. Это удар основательно подкосил здоровье матери и в физическом, и в психическом плане. Она долго не могла оправиться, организм все никак не хотел восстанавливаться. Врачи вообще рекомендовали ей больше не иметь детей. Но она больше не верила врачам. Она стала панически бояться людей в белых халатах — считала, что они забрали ее ребенка, и если бы не они, она бы смогла, она бы выносила. Такие слова, как «эклампсия», «поздний токсикоз», «нефропатия», малообразованной Лидии не говорили ничего. Матери, которая могла бы наставить ее на правильный путь, у нее не было. Лида знала одно — она должна родить мужу сына и наследника!

Отец ходил мрачнее тучи. Что не помешало ему успешно, с блеском защитить докторскую диссертацию. А потом мама забеременела в последний раз. В женскую консультацию она не пошла. С работы уволилась. Денег хватало, и она сидела дома, берегла себя, как хрустальную вазу. И все было вроде бы ничего. До поры до времени.

А потом... Она терпела, сколько могла. Не хотела идти к врачам, потому что знала. Ей предложат прервать. А на этот раз она сумела доносить на две недели больше — до двадцати восьми.

И скорая приехала вовремя. И бригада врачей оказалась квалифицированная. Но и они были уже бессильны спасти Женину маму. И ее так и не сумевшего сделать ни одного вдоха младшего брата.

* * *

— Я вот одного не понимаю, — Женя говорит тихо. Она не плачет, и за это Олег ей безмерно благодарен. Как и за то, что она поделилась с ним своей печальной семейной историей. — Если он так хотел сына, чего ж он снова не женился? Он был еще совсем не стар, когда мама умерла. Он всегда за собой следил, хорошо выглядел. Доктор наук, опять же. Выгодная партия. Нашел бы себе молоденькую здоровую девочку, студентку или аспирантку. И родила бы ему сына. Или двух. Да сколько надо! Так нет же...

Женя вздыхает. Закрывает лицо ладоням и продолжает. Из-под ладоней голос ее звучит глухо.

— Он решил, что я теперь у него за всех — и за жену, и за дочь, и за сына. Как же он меня строгал, ты не представляешь! Подруг домой приводить не рекомендовалось, никаких парней — Боже, упаси, учиться я должна только на пятерки, содержать дом в идеальном порядке, готовить ему первое-второе — у него желудок сильно сдал, язва открылась через год после маминой смерти. Я так мечтала о мачехе! Чтобы он хоть на кого-то переключил свое внимание. Но нет. Может и был у него кто-то... Но домой никогда никого не приводил. Так мы и жили вдвоем. Я так хотела завести собаку. Но мне этого не разрешили, конечно. От нее же шум, грязь, шерсть. И в ветеринарный техникум мне тоже не разрешили поступить. Его чуть удар не хватил, когда я сказала, что хочу стать ветеринаром. Вот тогда я единственный раз в жизни рискнула восстать против его воли. Да что толку... Мой жалкий бунт был безжалостно подавлен. Единственное, чего я смогла добиться — эта замены физического факультета на биологический. Теперь вот думаю — а стоило ли? Может, не сидела бы сейчас здесь, если подчинилась бы воле отца и поступила на физический.

Олег даже вздрогнул от такого предположения. Нет уж, не нужно. Да, это эгоистично с его стороны. Но он в каком-то смысле был благодарен той печальной веренице событий, которая привела ее в этот город и сделала возможной их встречу. А если бы не это... Да, она, возможно, была бы счастливее. Но он никогда бы не встретил ее. А от этого он был бы стократ несчастнее.

И, кстати, как ее занесло в его город?

— Жень, а почему ты приехала именно сюда? Купила билет в первый попавшийся город?

— Де нет, — она усмехается, — я не настолько безрассудная, поверь. За год примерно до... всей этой истории... тетя Шура умерла, мамина сестра старшая. Мне квартиру оставила. Вот эту самую квартиру. Отец настаивал на продаже. Но... ему некогда было. Мне некогда было. Решили подождать до лета, и на каникулах этим заняться. Если честно, я вообще не хотела ее продавать. Я же надеялась, что Валера уйдет когда-нибудь от жены. Он же мне обещал. Что вот он докторскую защитит, и тогда... Ладно, мы опять возвращаемся к теме, какая же я была дура. В общем, у меня была своя квартира. А то, что в другом городе — это было даже к лучшему. И вот я приехала...

* * *

Первым, кого она увидела, когда вышла с вокзала, был Виталий. «Девушка, такси не желаете? Вам куда?»

И она села в такси. На вопрос: «Куда едем?», представив, что сейчас ее ждет полная пыли и грустных воспоминаний квартира, ответила: «А покажите мне город, пожалуйста». К чести Виталия, он ее правильно понял. Видимо, за годы работы таксистом он стал неплохим психологом, и не испугался ни такой странной пассажирки, ни ее не менее странной просьбы. Посмотреть город в час ночи.

Они колесили по городу часа два. Виталий болтал, балагурил, травил байки. Женья тоже кое-что рассказала. Что приехала разбираться с наследством и планирует пожить какое-то время здесь. И неплохо бы найти какую-нибудь работу.

И она ее нашла, — Виталька предложил ей имевшуюся у них вакансию диспетчера. Но, поработав пару недель в диспетчерской, Женька поняла — это не ее. А с другой стороны, права у нее были: получила, опять-таки, назло отцу — у него же прав не было. На механике Виталья ей помог освоиться. И так состоялось рождение Таксы. Ей нужна была эта работа. Физически иногда очень тяжелая. Сутки на смене. Калейдоскоп лиц. Чужие истории — грустные, смешные, разные. И после смены — провал в ничто, без снов, без воспоминаний. Только так можно было выжить. И она выживала.

* * *

— Жалкое зрелище, да?

— Что?

— Я. Жалкое зрелище, не так ли? Почти кандидат наук, недоцент, работающий таксистом. Смех один.

— У тебя был выбор?

— Наверное. Не знаю. Тогда мне это казалось правильным.

— Это и было правильным.

— Ты не понимаешь.

— Как раз понимаю.

— Что ты понимаешь?

— Как это бывает. Когда жизнь наносит тебе смертельный удар. От которого невозможно оправиться. После которого невозможно выжить. И единственно возможный выход — дать тому человеку умереть. А самому — стать кем-то другим. Совершенно другим человеком, которому эти горести и проблемы просто не знакомы. Они из чужой жизни. Из другого измерения.

Олегу кажется, что Женя не понимает его, что он говорит вычурно, высокопарно. И он пытается объяснить:

— Когда отец погиб, я не знал, как жить дальше. Он был для меня всем. Я хотел быть таким же, как он. Когда он не вернулся с Памира, я думал, это я умер там вместе с ним. Плохо было всем, не только мне, но и маме, Борьке. Я же остался... единственным мужчиной в семье. Я должен был как-то собраться. И не мог. От меня осталось так ничтожно мало. Вот тогда я понял, что для того, чтобы выжить, надо стать кем-то другим. Совсем другим. Я всегда знал, что буду альпинистом, как отец. А вместо этого тогда, после окончания школы, выбрал самый сложный для поступления факультет. Где конкурс между «блатными». Куда невозможно поступить простому смертному. А я уперся. И поступил. Правда, потом, позже, узнал, что за меня просил один из друзей отца. Но если бы не набранные мною на вступительных экзаменах баллы, просьбы были бы ни о чем. Учился как проклятый. А потом с Димкой познакомился. Он-то и довершил мое... превращение. И в итоге я стал тем, кем стал. Тот романтический мальчик, который мечтал стать первым, кто пройдет по центру северной стены Жанну... его больше нет. Он умер тогда. А есть я. Не знаю, был бы мой отец рад этому. Но это был единственный способ выжить. Когда получаешь смертельный нокаут, после которого невозможно встать. Дать ему умереть. А самому стать другим.

Женька смотрит на него и молчит. Потом кивает.

— Ты понимаешь.

— Понимаю.

— Ты действительно понимаешь.

— Я же сказал.

Они какое-то время молчат. Смотрят друг на друга.

— Женя...

— Да?

— Ты же понимаешь?

— Да.

— Я не могу больше.

И все повторяется снова. Он наклоняется к ней. Их руки почти синхронно ложатся на плечи друг другу. Скользят по шее. И... как там говорят физики? Разноименные заряды притягиваются? Они притягиваются. Еще как!

На диване целоваться гораздо удобнее. Потому что можно опрокинуть ее на спину. И навалиться сверху. И прижаться, накрыть своим телом ее мягкое податливое тело.

И почувствовать на себе его до остановки дыхания приятную тяжесть. И отдаться, совершенно отдаться этим губам, этим рукам. И пусть делает все, что захочет. Потому что он не сделает ничего плохого. А только нечто волнующее, восхитительное, сводящее с ума.

Его нога раздвигает ее бедра, вжимаясь коленом в промежность. Ее — обвивает его бедра, прижимая его еще плотнее. Его руки накрывают ее грудь, и от сладости этого прикосновения содрогаются от наслаждения оба. Ее — пробираются под джемпер, и гладят его по спине.

Она закрывает глаза. И он тоже. Чтобы только чувствовать. Губы. Языки. Дыхание. Стоны. Под закрытыми веками распускаются горячие ослепительные протуберанцы. Сжигая все, все мысли, кроме желания, оглушающего желания брать и отдавать. Любить и позволять любить себя.

Олег приоткрывает глаза. Чтоб почти ослепнуть от ее горячего взгляда. От россыпи огненных локонов на белой подушке. Женя прижимается к нему. Откровенно. Трется об него так, что он выдыхает со стоном, забывая вдохнуть.

— Женя, я хочу...

— Вот так?

Он забывает, что хотел сказать. Отдавшись движениям ее маленькой ручки. Идеально подходящей для того, чтобы...

— Да-а-а-а-а-а...

— Или так?

— Да-а-а-а-а-а...

Ее пальцы сражаются с его ремнем. И в голове Олега звенит последний предупреждающий звонок.

— Женя, скажи...

— Все, что хочешь...

— У тебя есть...

— Наконец-то! Не ремень, пояс верности какой-то...

Звякает пряжка. Вжикает молния. Он в последний момент перехватывает ее руку. Пока еще не поздно.

— Женя, у тебя есть презервативы?

Она замирает.

— А у тебя?

Олег выдыхает со свистом. Презервативы в прикроватной тумбочке лежали всегда. В достаточном количестве. А с собой — нет! Сегодня был архисумасшедший день. Столько всего. И, потом, если уж говорить начистоту, он не рассчитывал. Не планировал. Не надеялся.

— Нет.

— У тебя, значит, нет. А у меня должны быть?

Ему категорически не нравится ее тон. И то, как она замирает под ним, глядя прямо в глаза.

— Женя, мы же у тебя дома. Я думал, возможно, у тебя есть... на всякий случай.

— На всякий случай?! Значит, ты — это тот самый «всякий случай»?

Где-то глубоко внутри Олег понимает — он испортил все к чертям. Но продолжает, не может не продолжать пытаться исправить ситуацию.

— Женя, я не имел в виду...

— Слезь с меня, «всякий»!

Отталкивает его с силой. Пока он пытается вернуть джинсам первозданный вид, Женя вскакивает с дивана. Смотрит на него сверху вниз.

— Вот что! Слушай! Я со «всякими» не трахаюсь!

— Женя! — он тоже встает. — Я же не мог... Хотел как лучше.

— Уходи!

— Женя! — он повторяет ее имя как заклинание, способное изменить ее решение. Берет ее за руку, и столько в его голосе мольбы, убежденности, что она не отнимает руки. — Женечка... Я тебя... —

она обмирает вся от того, что, как ей кажется, она сейчас может услышать, — никогда не обижу.

Она молчит, и Олег решается на последнюю, обреченную попытку.

— Жень, давай я быстро до ближайшей аптеки схожу. И вернусь.

— Можешь валить куда угодно. Но не вздумай возвращаться.

* * *

Это было стопроцентное «дежа вю». Он опять ушел, а она осталась одна. Злая, недовольная и во влажном белье.

Она сваляла дурака? Похоже на то. Чисто теоретически, Олег был прав, что вспомнил об этом. И он был не обязан. И вообще...

Только вот она не хотела рассуждать теоретически. А хотела она... совершенно очевидно — чего.

Женька вздыхает. Ни черта она не способна соображать. Что сегодня произошло. И кто из них двоих дурак. А кто — дура.

Начинает болеть голова. От того, что спала днем. От того, что ей сегодня выносили мозг маленькими порциями все, кому не лень. И от того, что курила. И от того, что не ела. И от того, что плакала. Много от чего. Всего много было. И под конец этого сумасшедшего дня ее адекватность кончилась. На самом, бл*, интересном месте!

Что теперь сделаешь... Олега уже не вернуть. Зато можно пойти в душ, сменить второй раз за день трусики. И лечь спать. «Дежа вю», что тут скажешь...

Глава 13. И номер несчастливый. И содержание соответствующее. Больше оправданий нет

Телефонный звонок застал ее врасплох настолько, что едва не «поцеловала» в задний бампер резко притормозивший перед ней «цивик». Возмущенный таким неуважительно скоропалительным торможением, «Логан» обиженно заглох. Ей сигналили сзади. В любой другой раз средний палец в окно и красочное описание половой жизни тем, кто сигналили, были бы обеспечены. А сейчас она лишь молча завела машину, и, резко маневрируя, перестроилась из крайнего левого к обочине. И успела-таки сказать, почти не запыхавшись:

— Алло?

— Привет, Жень.

Ты все-таки позвонил.

— Привет.

— Хочу кое-что тебе сказать. Тебе удобно разговаривать?

— Да.

Она не жила эти две недели. И даже не проживала. Она их протягивала сквозь себя. Минута за минутой. Час за часом. День за днем. Ожидая, что он все-таки позвонит. Ненавидя себя и свою гордость, которая не давала ей позвонить самой. Хотя она несколько раз набирала его номер. Набирала и сбрасывала. И вот, наконец-то...

— Там... документы готовы.

— Какие документы?

— По твоей диссертации. Все готово. Приказ, диплом кандидата наук. Еще какие-то бумаги. Ректор звонил.

— Олег, я не совсем понимаю...

— Жень, я тебе все по дороге объясню.

— По дороге?

— Нужно туда съездить. Нужна твоя подпись на ряде документов.

Она молчит. Она ждала, что он скажет не это. Совсем, совсем другое.

— Женя?.. Если тебе так неприятно туда возвращаться, давай, я съезжу один, привезу документы, ты подпишешь, и я увезу назад.

Вот только жалеть ее не надо! Она справится! Даже если он разворошил старые раны. Хотя они уже и не болят почти. Но это не извиняет Олега и его вмешательство в ее жизнь! И пора ему об этом тонко намекнуть.

— Поехали.

— Завтра?

— Послезавтра.

— Хорошо. Заеду рано, дорога длинная. В семь нормально будет?

— Да.

* * *

А встать ей пришлось в шесть. Потому что, раз уже возвращаться в логово дракона, то и готовым надо быть соответственно. И поэтому накануне достала из дальнего угла шкафа некогда любимый серый с отделкой из черной бархатной ленты костюм и туфли на шпильке. И макияж сделала, и непокорные волосы скрутила незабытыми, оказывается, движениями, во вполне пристойный узел. Посмотрела на себя в зеркало: «Здравствуйте, Евгения Андреевна Миллер! Век бы

вас не видеть!» Но она ни за что не покажет никому там, как ей пришлось тяжело. И кем она в итоге стала. Нет уж. Она не Мария-Антуанетта, но на плаху пойдет с гордо поднятой головой. Иначе нельзя. А тому, кто тащит ее на эту самую плаху, тоже придется несладко...

— Доброе утро, Женя!

— В семь часов утро не бывает добрым. По определению.

Он встретил ее у двери подъезда. Ей хотелось высказать ему все про его отвратительно-предупредительные манеры, да слов подходящих не находилось. И она молча позволила взять себя за локоть и проводить к машине. Но уж тут она не удержалась.

— Вау! — картинно распахнутые глаза, прижатые к щекам ладони. — Что это? Неужели «Лексус»?

Олег молча открыл перед ней переднюю пассажирскую дверь. И эти его молчание и сдержанность раздражали ее безмерно. И поэтому... и вообще...

Поставив ногу на порожек, повернулась и спросила, глядя прямо в глаза и внутренне содрогаясь от отвратительности и наглости своего тона и вопроса:

— Что, блондинка, отсосала на «Лексус»?

У него ощутимо дернулась щека. И она прямо увидела, как сжались челюсти. Но он промолчал! Лишь кивнул головой, убеждая ее сесть в машину. И дверь закрыл после этого аккуратно, без драматического грохота. Только вот тронул машину излишне резко, но мягкая, настроенная на комфорт, подвеска поспешила исправить этот промах водителя.

У Женьки щеки горят от стыда за свое несносное поведение. И сдержанность Олега лишь добавляет хвороста в этот костер.

Настроение ни к черту! И главная причина этого сидит рядом, как ни в чем не бывало. Рулит этой огромной баржей буквально мизинцем одной руки, другой трет висок. Слишком много думает! От этого все его проблемы. И ее, заодно.

— А где же розовый Витц? (Toyota Vitz — небольшая стильная малолитражка, считается традиционно дамской машиной. Особенно розовая. — прим. автора) — продолжает его провоцировать — ничего не может с собой поделать!

— В багажнике, — тон ровный, спокойный.

И как прикажете с ним ругаться? Сложно, особенно после того, как он включает музыку. Какие-то нереально красивые, берущие за души, звуки скрипки. И фортепиано.

— А нормальной музыки у тебя нет?

— Посмотри в бардачке.

Женька вздыхает. Все, она выдохлась. Он непробиваем.

И только часа через полтора дороги она нарушает молчание:

— Ты умеешь водить машину.

— У меня даже права есть, — Олег позволяет себе маленькую, малюсенькую иронию.

— Я имею в виду — ты хорошо водишь машину.

— Спасибо.

И они снова молчат. Но это уже можно считать официальным перемирием.

А потом Олег рассказывает Жене о том, что именно он сделал. Закончив словами: «Извини, что не рассказал раньше».

* * *

Олег паркует машину ровнехонько напротив главного входа.

— Парковочное место ректора, — поясняет он Жене в ответ на ее удивленный взгляд. — Я думаю, он против не будет.

— Наверное, — растерянно отвечает она. Как-то незаметно перед ней встала необходимость. Вот оно — надо решиться и сделать последний шаг.

— Идем?

Ничего не может с собой сделать. Страшно. Страшно возвращаться на место собственного распятия. И смотреть в глаза свидетелям ее позора.

— Я схожу, все принесу. Здесь подпишешь.

Она дергается. Меньше всего ей нужно, чтобы ее жалел он! До этого, нервно дыша, она смотрела перед собой, пытаясь совладать с собственным страхом. Теперь поворачивает голову, чтобы, глядя ему в глаза, четко объяснить, куда он может засунуть свою жалость.

Смотрит ему в глаза, и к ней постепенно приходит осознание — нет в его глазах жалости. Есть понимание. Сопереживание. Желание помочь, поддержать. А жалости, жалкой, унижающей жалости — нет.

Медленно, сглатывая невесть откуда взявшийся в горле комок, кивает. И Олег уходит.

* * *

Когда он вернулся с документами, машина была пуста.

Да что же это такое! Почему, как только он оставляет ее одну, случается какая-нибудь пакость! Спрятать, держать рядом с собой и никогда никуда от себя не отпускать! Как ни странно, это мысль казалось невероятно правильной. Только для начала надо понять, куда делась Женька.

Он оглянулся по сторонам и едва не рассмеялся от облегчения и собственной глупости. Он — паникер!

Женя стояла неподалеку, буквально в десяти метрах от машины. И разговаривала с Худяковым.

Олег не спешил присоединиться к их диалогу. Стоял и смотрел. Худяков говорил эмоционально, отчаянно жестикулируя. То улыбался, то становился серьезным. Женя же смущенно улыбалась, не делая попыток прервать своего преподавателя.

Худяков, повинувшись какому-то неясному ощущению, поворачивает голову. И у Олега уже нет выбора. Он подходит к ним. Владимир Алексеевич широко улыбается. Олегу даже кажется, что он сейчас бросится ему на шею. Но, слава Богу, нет. Крепко жмет руку, хлопает по плечу.

— Олег Викторович! Голубчик! Какой же вы молодец! Но ведь сделали, а? Сделали! Спасибо вам. Вот от меня лично — спасибо! Огромное!

Олег не успевает вставить ни слова, а Женя, между тем, стоит, смущенно потупив глазки. Сногшибательное, недоступное раньше взгляду Олега зрелище! А Худяков продолжает:

— Вы представляете, она заходить не хочет! Женя! Я настаиваю! Тебе стыдиться нечего! Вот этим... пресмыкающимся — есть. А тебе — нет. Пойдем.

Женька пытается что-то возразить. Худяков неумолим.

— Евгения! Отставить пререкаться! Я настаиваю. Идем.

Берет ее за руку и ведет за собой, как маленького ребенка. А Женька... послушно идет за своим бывшим научным руководителем, бросив на Олега умоляющий взгляд. О, нет, он ее, конечно, не оставит одну. Но, идя следом за ними, Олег думает о том, что ему надо бы взять пару уроков у профессора Худякова. Как она его слушается, просто невероятно!

А на кафедре случилось представление театра абсурда. Худяков улыбался как именинник. Женька с вызовом смотрела в глаза каждому, кто решался встретиться с ней взглядом. Впрочем, все, в основном, старались избежать ее презрительного взгляда. Хотя пара

человек смотрела без смущения, с улыбкой и интересом отвечая на ее взгляд. Возможно, это просто были те, кто пришел на кафедру уже после ее ухода.

Кабанов выступил с короткой, прочувствованной и насквозь фальшивой речью. Что, дескать, им так жаль. И что произошла трагическая, нелепая ошибка. Но справедливость всегда торжествует. И он от всей души рад вручить диплом. И далее, и по тексту.

В общем, удовольствие от этого получил лишь Владимир Алексеевич. Олег с Женькой с трудом дождались окончания «нобелевской речи», Женька подмахнула необходимые документы, забрала свой диплом и все, что к нему еще прилагается. Протянутую руку Кабанова они проигнорировали оба, и поспешили покинуть этот гадюшник. Худяков вышел их проводить.

— Сразу поедете?

— Заедем перекусить, а потом поедем. Да, Жень?

— Наверное, — пожимает плечами она.

— Ну, хорошо. С Богом. Женечка, ты не пропадай, звони, не забывай старика.

— Конечно, — улыбается Женя.

— На свадьбу-то хоть позовете? — хитро посмеиваясь, спрашивает Владимир Алексеевич.

Женька ахает.

— Конечно, — сдержанно кивает Олег.

За Худяковым закрывается дверь. «Старый осел» — вполголоса ругается Женька. И потом, еще тише, себе под нос, произносит что-то совсем уж неприличное в адрес своего преподавателя.

* * *

— Женя, ты есть хочешь?

Прислушивается к своим ощущениям.

— Есть? Нет, не хочу. А вот жрать — просто очень! У меня, — посмеивается, — на нервной почве всегда Жора открывается.

— Ну, поехали. Попробуем усмирить твоего Жору.

* * *

— Ты, как всегда, на диете?

— Если я поем, то засну. Кофе с сырниками вполне достаточно.

— Ты ж не пьешь кофе.

— Сейчас надо.

— Слушай, Олег, может, я... сяду за руль?

— Да я бы с удовольствием. Но ты же в полис ОСАГО не вписана. Лучше не рисковать.

Женька смотрит на него с изумлением.

— То есть... Если бы не это... Ты бы доверил мне свой «Лексус»?

— А кому, если не тебе? — он пожимает плечами, прихлебывая кофе. — Ты же профессионал.

Женька довольно вздыхает. Он таки умудрился сделать ей правильный комплимент.

* * *

А на обратной дороге она заснула. Ранний подъем, нервная встряска, плотный обед, мягкий и плавный ход «Лексуса» — все это сделало свое дело, и она спала, склонив голову на плечо.

Олегу было хорошо. Спокойно. Было ощущение, что все вокруг правильно. Так, как надо. Просто потому что она рядом. И, кажется, простила ему его самодеятельность. А дальше... Дальше должно быть только лучше. Впрочем, проживем — увидим.

* * *

Женя проснулась за полчаса до подъезда к городу. Зевала, терла глаза. Потом с ворчанием оттирала размазанную тушь. Потом задумчиво молчала. Да самого своего подъезда.

Он еще и вышел дверцу машины открыть. Как будто она сама не в состоянии. Хотелось закатить глаза от его раздражающей предупредительности. И вместе с тем — до чего же приятно. А если тебе еще и руку подадут... Ведь и в самом деле — выбираться на шпильках из «Лексуса» совсем не то же самое, что выскакивать в кроссовках из ее «Логана».

Они стоят рядом с машиной.

— Зайдешь?

— Спасибо, но не сегодня, Жень. Устал. Я не привык так долго за рулем.

— Жаль...

— Если настаиваешь...

— Я просто поблагодарить тебя хотела... За все, что ты сделал. Я понимаю, ты хотел как лучше.

— Поблагодарить?

— Ну да...

— Худяков уже сказал мне «Спасибо». Этого вполне достаточно.

— Я имела в виду не это...

— А что?

— Олег! — дурацкая ситуация. Дурацкий разговор. Он притворяется или действительно не понимает? — Не тупи!

Он изгибает бровь.

— Жень, я, правда, не понимаю.

— Я презервативы купила! — не выдержав, рывкает она. — ТАК тебе понятно?

На улице темно, и поэтому не видно, как он резко бледнеет.

— Так вот, значит, о какой благодарности идет речь?

Женьке не нравится его тихий, почти свистящий голос.

— Что, не надо?

— Засунь свою благодарность, знаешь, куда?!

Он... да не может быть... почти орет?

— Гордый, что ли?

— Да!!!

«Точно, орет» — со смесью ужаса и восхищения понимает Женя.

— Ну и дурак! — орет ему в ответ.

— Истеричка!

По двору цокают каблуки, оглушительно грохочет подъездная дверь. Он в ответ со всей силой захлопывает пассажирскую дверцу «Лексуса». А потом еще и водительскую. И по рулю от всей души кулаком. Легче не становится ни ему, ни ей.

Глава 14. Явление феи-крестной. Золушка превращается в принцессу. А вот «Логан» так и остается тыквой

Он поставил все на «зеро» и проиграл. Во рту — отчетливый, горький, металлический вкус поражения. Единственный раз в жизни он пошел на поводу у своих чувств. Он рискнул. И потерял все.

Он хотел быть для нее всем. Помочь. Защитить. Сделать счастливее. И что же мы имеем в сухом остатке? Влез без спроса в чужую жизнь. Начал в ней что-то менять на свое усмотрение, не спросив разрешения. Принес Жене кучу неприятностей — разговор с Поземиным, с отцом вообще непонятно что, поездка эта тоже ей тяжело далась. А в финале... Он получил благодарность!!! Он до сих пор едва сдерживал стон бессильной ярости, когда вспоминал их последний разговор. Она хотела от него отделаться. Таким вот

незамысловатым образом. Сначала — поблагодарив в постели, затем — попрощавшись. «Спасибо, Олег, за возвращенный диплом и отличный секс. Надо будет такси — звони!»

Это было поражение. Окончательное, бесповоротное. Он проиграл дело. В суде последней инстанции. И никакая апелляция не поможет. Даже в Верховный Суд.

* * *

Очередной заказ. Очередной клиент сейчас должен выйти из роскошного офисного здания.

Как ей все это осточертело! Вдруг, сразу, внезапно. Работа, которая еще недавно была для нее всем, стала вызывать лишь глухое раздражение. Она презирала себя. И все чаще думала о том, что сказали бы ее коллеги, да тот же Виталька, если бы узнали, что их Такса — кандидат биологических наук? Теперь уже — настоящий. Что это меняло? Не должно было менять ничего, но для нее — что-то неуловимо изменилось. Она чувствовала себя отгороженной ото всех пыльным стеклом. Банальное сравнение, но точное.

Даже Виталий понял, что с ней что-то не так. Но выудить правду из Женьки так и не смог. Хотя она едва сдержалась, чтобы на его вопрос: «Жень, ты чего такая хмурая?» не ответить, что пытается понять, по каким принципам в одних структурных генах доминируют точечные мутации, а в других — делеции, дупликации и инсерции. Что бы тогда сказал ее верный напарник? Нифига не смешно это все.

Она как будто застряла. Завязла, как тот самый комар в янтаре. Жить как раньше — не получалось. Как дальше — непонятно. И лучше уж совсем не вспоминать, как она поступила с Олегом. От этого становилось так тошно, что хоть волком вой.

Открывается пассажирская дверь, а Женя как будто просыпается. Вот, опять. И даже на работе. Она все время думает только о нем. О том, что она, дура эдакая, наделала!

Гнать, гнать от себя эти мысли. Надо работать. Надо как-то жить дальше.

Женя поворачивается в сторону севшего в машину клиента. Ни фиги себе! Твою же мать!

В салоне «Логана» сразу становится тесно. От его внимательного тяжелого взгляда. От огромной широкоплечей фигуры.

— Здравствуй, Женя.

— Привет.

— Мы можем поговорить?

Подавляет первое желание послать его подальше. Потому что вдруг понимает: чем черт не шутит... Вдруг? Он сможет помочь?

— Сейчас, только машину с дороги уберу.

Тихомиров со смесью удивления и восхищения наблюдает за тем, как она лихо, не делая ни одного лишнего движения, втискивает машину в дырку, с его точки зрения, для парковки автомобиля совершенно непригодную. Выглядывает в окно на находящийся в десяти сантиметрах соседний автомобиль.

— А как я выходить буду?

— Я потом выеду отсюда. И вообще, пока мы не поговорим, ты отсюда не выйдешь! — заканчивает она театральным злодейским шепотом.

— Да ну? — улыбается Тихомиров. И улыбка у него такая, что Женька вдруг некстати думает — встретить она его раньше... до Олега... как знать... Впрочем, что теперь гадать? Она встретила Олега. И пропала.

Женька серьезно смотрит на Дмитрия и вздыхает.

— Хотел говорить — говори.

— Ладно, — помолчал. И неожиданно: — Он тебе нужен?

— Что?

— Я не буду задавать тебе всяких идиотских вопросов типа: «Ты его любишь?», «Что ты к нему чувствуешь?» или «Какого х*ра между вами происходит?». Просто скажи мне — он тебе нужен?

— Я не...

— Простой вопрос, Женя. Он нужен тебе? Если тебе он не нужен, то мне — нужен. А я его теряю. Я его не узнаю. С ним никогда такого не было. Его как будто нет. Разговариваю с ним и... — он досадливо щелкает пальцами. — И ничего не меняется. Становится только хуже. Скажи мне, черт побери, что происходит с Олегом!

Он заканчивает громко, почти орет. А ей... все равно.

— Я его обидела.

— Кто бы сомневался! — фыркает Тихомиров. — В этом все дело? Он тебя простит, уверен в этом. Однако что-то мне подсказывает, что дело не только в этом.

— Какой пронцательный! Ну, так слушай! Я не знаю, что делать дальше. Как жить дальше! Я вообще не понимаю теперь — кто я! Доволен?!

Это походило на какой-то сюрреалистический кошмар — что она обсуждает свои сокровенные мысли с этим ... Он же ее «курицей безмозглой» при первой встрече обозвал!

— Жень, — голос Тихомирова серьезен, без тени иронии или насмешки, — ты же понимаешь, что так дальше жить нельзя. Это не для тебя.

— Почему?! Это работа. Нормальная. Мне же надо на что-то жить. Оплачивается она неплохо, между прочим. Ну, не так, конечно, как продажные юристы, — Женька огрызается из последних сил.

— Нормальная, не спорю. И ты с ней прекрасно справляешься, — Дима еще раз выглядывает в окно на расположенную невозможно близко соседнюю машину. — Я впечатлен. Я еще не видел женщины, которая управлялась бы с машиной лучше тебя. Но спроси себя — это то, чем ты хочешь заниматься до конца жизни?

— А что, мы уже обсуждаем конец моей жизни?

— Жень, — укоризненно морщится Дмитрий, — перестань. Я понимаю, это было... обосновано. Эта работа была для тебя чем-то вроде... раковины. Временного пристанища. Способом выжить, переждать. Но теперь...

— Ты, похоже, много обо мне знаешь?

— Много, — не отпирается Тихомиров. — Не вижу в этом криминала. Олег мой друг. Ему была нужна моя помощь, и поэтому он мне все рассказал. Ну, за исключением частных подробностей вашей интимной жизни.

— Да не было никаких подробностей!

— Однако, — цокает языком Дима, — Баженов теряет квалификацию. Ну да ладно, это дело наживное. Да и не о них сейчас речь.

— Чего ты от меня хочешь? Что я могу сделать? У меня есть только эта работа!

— Ты кандидат биологических наук, если я правильно проинформирован.

— И что? Кому я нужна? Я почти три года не работала по специальности. И вообще...

— Ты что, поглупела за эти три года?

— Нет. Но куда я пойду со своим дипломом? Как объясню, чем занималась эти три года?

— Я правильно понимаю? Ты в принципе согласна сменить... род занятий, но не знаешь, как это сделать?

— Ну, предположим, — осторожно отвечает Женя.

Тихомиров усмехается. Это оказалось гораздо проще, чем он думал. Достает телефон, выбирает абонента.

— Можешь договариваться, она согласна.

Нажимает отбой. У Женьки глаза на пол-лица.

— Эй, ты чего? На что это я согласна?!

— Должность доцента на кафедре генетики в нашем универе и преподавательская деятельность не покажется тебе достойной заменой вот этому? — он обводит рукой салон «Логана».

— Что?! — Женя не верит своим ушам. — Вот так... просто... Раз-два и все? И у меня есть новая работа?

Тихомиров самодовольно улыбается.

— Да, не вопрос. Как два пальца об асфальт. Для тебя — все, что угодно, — и, подумав, добавляет: — Там коллектив преимущественно дамский. Бальзаковских возрастов и около. Алефтина Петровна, заведующая кафедрой — милейшая женщина. Думаю, тебе там будет комф...

Закончить фразу он не успевает.

Эти слова добивают ее окончательно. А, кроме слов, — понимание того, что есть на свете еще один человек, которому не все равно, что с ней происходит. Напряжение, копившееся на протяжении последних недель, даже не недель — месяцев, прорывается наружу.

Она всхлипывает, утыкается лбом Димке в плечо, закидывает руки ему на шею и начинает в голос, с чувством рыдать.

Дмитрий предпринимает нерешительные попытки высвободиться, которые Женька яростно пресекает, вцепившись мертвой хваткой в его шею и не прекращая реветь. Потом пытается ее урезонить:

— Жень, перестань, а? Пожалуйста. Это мой любимый костюм. И он уже насквозь промок... И галстук тоже любимый. Не надо...

Все без толку. Совсем уж беспомощно произносит:

— Ну, Женяяяя... Ну что ты... — вздыхает. — Баженов убьет меня, когда узнает, что ты из-за меня ревела.

— Не... из-за... тебя... — умудряется прохлюпать она.

— Да? Ну, тогда ладно, — обреченно притягивает ее ближе к себе, обнимает одной рукой за плечи, другой гладит по волосам. — Так ему и скажешь, если что! Ревь, чего уж теперь... Только не долго, ладно? Минут пять, не больше.

* * *

Если бы он стоял, то колени бы подогнулись, точно. А так — просто откинулся в кресле, закрыл глаза. Вдохнул, пытаюсь унять бешеное сердцебиение и...

— Да?

— Здравствуй, Олег.

Ты все-таки позвонила...

— Здравствуй, Женя, — удивительно, как это голос повинуется ему, когда такой комок в горле.

— Тебе сейчас удобно разговаривать?

Нет, не удобно! Сердце то колотится, то замирает. В груди тесно, и трудно дышать. Но ты только не бросай трубку! Пожалуйста...

— Да.

— У тебя... ммм... — наматывает на палец локон, прикусывает губу. Ну, давай же! Решайся! — есть планы завтра на вечер?

Его большие голубые глаза распахиваются. Да неужели?..

— Нет. Никаких планов.

— Тогда, может... Я хотела тебя пригласить... поужинать куда-нибудь. У меня... хм... повод есть.

— Повод? — его охватывает нехорошее предчувствие.

— Да. У меня новая работа. Хотела с тобой это... отметить.

— Новая работа?

— Да. Тебе разве Дима не говорил?

— Какой еще Дима? — он вскакивает.

— Твой. Тихомиров.

Так. Собраться. Не паниковать. Это все потом.

— Не говорил, но это не важно. Сама все расскажешь. Во сколько встречаемся?

* * *

Руслан и Дмитрий вздрогнули от грохота резко распахнувшейся двери Тихомировского кабинета. При виде взбешенного Олега разом забыли, о чем говорили до этого.

— Ой, к нам ворвался страшный серый волк...

— Какого х*ра?!?

— Что ж так громко-то...

— Зачем?

— Ты это в общефилософском смысле спрашиваешь?

— Димыч! Какого х*я ты лезешь туда, куда тебя не просят, а? Чего ты вмешиваешься в чужую жизнь!?

— А зачем ты сам полез в Женькины дела, а?

— Я люблю ее!

Тихомиров пожимает плечами.

— А я — тебя.

— Мальчики, я вам не мешаю? — ехидно интересуется Руся.

— Заткнись! — рывкают хором оба.

— Да платонически, не паникуй так, — продолжает Димон. — Как брата. Ты же знаешь.

— Ты...

— Так, Олег, кончай психовать и просто скажи мне: «Спасибо», — досадливо морщится Дмитрий. — И покончим с этим.

Олег открывает рот, чтобы что-то возразить. Нет, молчит, вздыхает. И, наконец, произносит:

— Ты прав. Спасибо, Дим.

— Ну, вот, хороший мальчик. Одумался. Иди сюда, поцелую.

Руся хрюкает, давится от смеха.

— Дебилы вы, — вздыхает еще раз Олег, — оба.

— Я так понимаю, — отсмеявшись, интересуется Тураев, — у нас свадьба намечается?

— Тебе-то что?

— А пожрать на халяву?

— Нет, ты действительно Годзилла! О чем-нибудь, кроме халявной жратвы, думать в состоянии?

— Поживите с мое — поймете, что в жизни главное.

Глава 15. Ужин в ресторане. И то, чем он обычно заканчивается. И не говорите мне, что вы не знаете — чем! Конечно, десертом

Он не мог насмотреться на нее — так соскучился. Впрочем, у него был какой-никакой повод беззастенчиво пялиться на нее. Выглядела Женя... необычно. Собственно, в костюме он ее уже видел. Но в той их поездке голова у него занята была много чем другим, и ее он внимательно не разглядывал. Зато теперь...

Узкая черная юбка-карандаш длиной до колен, подчеркивающая все идеальные изгибы. Коралловая рубашка, скорее, мужского покроя, с по-мужски, опять же, закатанными до локтя рукавами, выглядела благодаря паре расстегнутых пуговиц очень... сексуально. И

черные... возможно, даже чулки... и черные же умопомрачительные шпильки. Волосы рассыпаны по плечам, лишь от лица убраны парой кокетливо поблескивающих сквозь золото волос заколок.

Она была великолепна. И Олег испытывал колоссальные трудности с поддержанием беседы. Хотел просто смотреть на нее. Как она улыбается, как говорит.

— Значит, в коллектив ты влилась без проблем?

— Как сказать... — Женька задумчиво отпивает вина. — В принципе — да! Иван Михайлович пару раз приходил к нам на кафедру. Чаю попить с Алефтиной Петровной и интересы свои обозначить. Чтобы, значит, даже в голову никому не пришло меня... хм... обижать.

— Успешно?

Женька не выдерживает и прыскает.

— Смотря, с какой стороны на это взглянуть. Наши тетки все дружно решили, что я — его любовница!

— Чего? — Олег едва не поперхнулся.

— Я тут не при чем! Это ж бабье царство. На всю кафедру — два мужика. И пара побитых жизнью аспиранта. Им только повод дай для сплетен.

— Твою мать! Опять... Слушай, надо же что-то сделать...

— Не надо! Мне это только уважения добавило со стороны наших теток: любовник — декан, с ума сойти, как круто. Так что... Меня все устраивает.

— А меня — нет!

— Почему?

Сглупил. Потому что внятно ответить не в состоянии, почему ему неприятна мысль, что Женьку считают чьей-то любовницей. Ладно, он потом разберется. Раз пока саму Женю все устраивает.

— Расскажи про своих студентов.

— Бестолочи ленивые. Но интересные ребята. Болтать любят — только повод дай. А вообще... мне нравится.

— Я рад.

* * *

— Жень... — они стоят рядом с его машиной. — Мне тут... друг отца... из экспедиции настоящий гималайский чай привез, с кардамоном. Не хочешь попробовать?

— Настоящий гималайский чай? — Женя улыбается самым краешком губ. — С кардамоном? Как можно отказаться от такого предложения? Конечно, хочу. Поехали.

* * *

Он даже головой слегка стукнулся об стену. Когда закрыл дверь и повернулся к ней. А Женя решила, что больше ждать она просто не в состоянии. И сама, первая. И руки на его шею, в волосы. И шпильки, о, великая сила! — ему даже нагибаться не приходится. И целует его — жадно, жарко, стремительно. И вот тут он стучается затылком о стену.

И плевать. Время останавливается. Время есть, сказал Пруст? Нет, его нет. Ничего нет. Он чувствует себя частицей, несущейся в луче света. Если верить старику Альберту, для этой частицы времени нет. Кто прав: Пруст или Эйнштейн? Неважно. Но сейчас, вот сейчас — для него нет ничего. Ни времени, ни пространства. Только ее губы, нежные, сладкие, горячие. Отчаянно смелые. И руки. Он умирает от того, как она гладит его по затылку. Он потерял, его нет, он — частица в летящем луче света. И он просто стоит. Наслаждается. И позволяет себя целовать.

Женька наконец-то прекращает их поцелуй. А точнее — только ее поцелуй. Потому что Олег ей не отвечает. Почти. Что не так? Она устала от недосказанности в их отношениях.

— Если ты сейчас скажешь, что я веду себя нагло и распущенно, то я... — она хочет сказать: «Уйду», но понимает — она не сможет от него уйти, просто не сможет, — умру. Вот прямо здесь.

— Это я умру! Вот прямо здесь. Если ты перестанешь вести себя нагло и распущенно.

И, наконец-то. Руки его прижимают ее к себе крепко-крепко. И нереальное, невесть откуда, ощущение, что она наконец-то там, где должна быть. В его объятиях. Дома. И теперь уже он целует ее. И она целует его. И руки везде. И его невнятный шепот ей в шею: «Обожаю твои шпильки». И ее ответное: «А чулки?». И его руки проверяют. Действительно, чулки. Прерывистый выдох.

— Это для меня?

— Конечно.

— Планировала?

— Соблазнить тебя? Да!

— Еще вопрос, кто кого соблазняет...

* * *

— Я так мечтал стащить с тебя те синие джинсы...

— Еще успеешь. С юбкой сначала справишься.

— Черт, узкая какая...

— Давай, я сама.

Юбка скользит на пол. А ее пальцы — под пиджак. Стягивает его с плеч.

— Наконец-то... Всегда хотела это сделать. Где там твои запонки?

— Кстати о запонках... — пока она занята запонками и пуговицами на его рубашке, он может хоть чуть-чуть передохнуть. — Я не терял запонку тогда.

— Да? А зачем?

— Повод был нужен.

— Повод? — она наконец-то справляется с рубашкой, и та летит в сторону, звякают об пол запонки. Пальцы ее пробегают по его груди, плечам, спине. — А как тебе такой повод?

— Как повод затащить тебя в спальню — просто отлично.

Подхватывает ее на руки.

— Женечка, можно, мы чулки оставим?

— Может, еще и туфли?

— Посмотрим...

* * *

— Тебе нравится?

Его пальцы проникают под тонкую полоску красного кружева.

— Почему молчишь? Мне стринги не очень, если честно, но продавщица сказала, что это — то, что надо... — голос ее неуверенный.

Олег улыбается, чуть отвернувшись. Какая ирония все же...

— Очень симпатичные. Но, знаешь, — подцепив кружевную ленточку, тянет ее вниз, — без них лучше.

* * *

— Олег, у тебя есть?..

— Да, сейчас.

Звук выдвигаемого ящика прикроватной тумбочки, шелест коробки.

— У тебя какие?

— Что?..

— Я купила... В сумочке там... Тонкие, сверхчувствительные... А у тебя?

— Не знаю... Не помню... Да какая, к черту, разница?!?

* * *

Время разговоров закончилось. Остались только тяжелое дыхание. Вдох-выдох. Его. Ее. Стоны, сначала сдержанные, потом уже — откровенные, в голос. Она — всхлипывает. Он — почти рычит. От того, какая она. Все слова в мире не способны передать — какая. Горячая, нежная, трепетная. На всей планете с ее миллиардами она одна такая. Идеальная. Совершенная. Его... принцесса? Нет, его королева. Да просто — его!

* * *

Конечно же, он не дождался ее. Не смог. Потому что... Да что там говорить... Не смог потому, что не смог. Это было совершенно невозможно. И это был такой оргазм, что...

Она даже не расстроилась. Что все случилось быстрее, чем могло бы. И она... не успела. Это их первый раз, и это сейчас совсем не важно. А вот что действительно важно — как он вздрагивает всем телом. И стонет, потому что не может сдержаться. И как опускается на нее, потому что не может держаться. Гладит его по голове, по влажной спине. И — хорошо. Плевать, что не кончила. Все равно — хорошо. Безумно хорошо.

* * *

— Женя...

Он приподнимается на руках, смотрит на нее серьезно. Женя улыбается. Нежно, ласково. Как пить дать — сейчас начнет извиняться. Глупый...

— Что?

— Я люблю тебя.

У нее пресекается дыхание. Это невозможно. Такого не бывает! Чтобы вот так, сразу после первого секса, когда мужчина еще на ней... Да что там, не только на ней. В ней. И услышать такое. Ее потрясенные глаза смотрят в его отчаянные.

— Ох, Олег...

— Не говори ничего. Не надо, — для убедительности он даже прижимает палец к ее губам. — Я понимаю. Не говори ничего, если не можешь сказать то же в ответ. Я...

— Олег, — она пытается как-то мягко выйти из этой ситуации, — ты замечательный человек. И я очень нежно к те..

— Не надо! — на это раз он закрывает ей рот всей ладонью. — Пожалуйста. Не говори этого. Это не то. Я... — он нервно сглатывает, но продолжает: — буду любить нас за двоих. А ты... потом. Когда сможешь. Я верю. Я буду ждать.

— Хорошо, — не может больше выдерживать этот откровенный отчаянный взгляд, прижимает его голову к своему плечу. Черт! Как все неправильно. Нелепо, не так. Но она не может. На самом деле — не может это сказать.

— Женя, — их тела наконец-то становятся двумя отдельными вместо одного целого, — пойдём в ванную.

— Зачем?

— Мы тебя... хм... испачкали.

— Олег?! — он её решил сегодня шокировать всеми возможными способами?

— Пойдем, — мягко говорит он. Встает, протягивает ей руку. — Ну же, Женя. Пойдем.

Все страннее и страннее...

В ванной ей стало... неловко. Вдруг. А Олегу — нет. Нежными мягкими движениями смыл с неё все. Бережно и чутко прикасаясь к самым интимным местам.

Черт, они играют в игру, правила которой ей совершенно неизвестны.

— Олег, давай я тоже...

— Не надо. Я сам.

А в постели чувство неловкости исчезает. Потому что он обнимает её крепко-крепко. И целует нежно в шею. А пальцы его рисуют узоры на её груди, животе, опускаются ниже. А потом за пальцами следуют его губы.

— Так вот зачем ты меня вымыть решил....

— Именно...

— Такой... чистоплотный, — она хотела сказать — «брезгливый», но не решилась.

— Не в этом дело, — целует её в живот, а пальцы гладят. По-настоящему. Там. — Просто я хотел почувствовать, как ты снова становишься влажной. Под моими губами.

А слова у Олега никогда не расходились с делом.

* * *

— Женечка, можно.... я еще раз?

Она слышит его смутно. После оргазма душа возвращается на место не сразу. И не быстро. И он не дожидается её ответа. Входит в неё, напряженный, погибающий от любви. Шепчет ей:

— Прости. Но ты такая... сладкая. Я не могу. Хочу еще. Еще.

Он шепчет что-то еще в такт своим ритмичным движениям. Но она его не слышит. Она слушает то, что поет внутри нее. Все громче и громче. Ну, как же можно быть такой душой! Такой невероятной, непроходимой, абсолютной тупицей! Она же любит его! Это так очевидно, надо быть слепой, чтоб не видеть этого огромного, затапливающего, переполняющего ее чувства. Этому чувству мало места в ее теле, и оно просится, рвется из груди наружу. Олег движется яростнее, быстрее. Он уже не сдерживается. И она тоже. И в такт его движениям выдыхает ему в ухо то, что невозможно уже держать в себе:

— Я... люблю... тебя!

Под эти слова Олег кончает во второй раз.

Дышит тяжело и молчит. Женька холодеет. И понимает вдруг, что чувствовал он после своего признания. Каково это. Когда ответом на твое «Я люблю тебя» служит лишь твое же собственное дыхание. Ей сейчас легче, чем ему полчаса назад. И все же... И неужели всего полчаса назад она не знала, что любит его...

— Видишь, какая я непостоянная, — шепчет ему, не в силах больше выносить это молчание и тишину. — Мне и нужно-то оказалось всего полчаса, чтобы понять. Недолго тебе пришлось ждать.

Он приподнимается. Выдыхает. Смотрит на нее подозрительно блестящими глазами.

— Долго. Очень долго. Это были... самые длинные полчаса в моей жизни.

— О, Господи! Олег, я идиотка, прости...

— Не надо! Повтори.

— Что?

— Не притворяйся!

— Я люблю тебя, дурак!

— А теперь без «дурака».

— Я люблю тебя.

— Громче.

— Я люблю тебя!

— Еще громче.

— Хочешь, чтобы я кричала?

— Хочу. Кричи.

И она кричит. Звонко, на выдохе.

— Я люблю тебя!!!

А он шепчет ей нежно:

— Я люблю тебя.

Глава 16. Утро и завтрак номер раз. Тихомиров
переквалифицируется в злую мачеху. Утро и завтрак номер два. Олег
меняет гардероб

Она проснулась от щекочущего запаха. Восхитительного запаха кофе и яичницы. Кажется, даже с колбасой. Улыбается. Да не может быть...

Подтянув одеяло к груди, Женя садится на кровати. Оглядывается в поисках одежды и с отвращением отпинавает ножкой красные стринги. Пошлость какая, в жизни такое больше не наденет. Ее взгляд путешествует по комнате. И она не может сдержать улыбку.

Ну, Олег, в своем репертуаре! всю ту одежду, которую они вчера раскидали по всей квартире, начиная с прихожей, успел собрать и аккуратно сложить. И ее, и его. Только красные стринги проигнорировал, и они одиноко валялись на полу рядом с кроватью. Женька встает и подходит к стулу. Стягивает с него рубашку Олега, надевает. Она укрывает ее до середины бедер, поэтому больше и не надо ничего. Утыкается носом в воротник и вдыхает. Твой запах. Твой четкий свежий запах.

«Будешь мой, до рассвета еще будешь мой» — мурлычет Женя, направляясь на кухню на мягких лапах.

— Доброе утро.

Он поворачивается на ее голос. Боже мой, в спортивных штанах и футболке! И слегка лохматый — оказывается, бывает и такое. И, она уже научилась, оказывается, это определять, — небритый. Улыбается ей.

— Доброе. Тебе идет голубой цвет.

— Спасибо. И... что это? Неужели меня будут кормить человеческой, вкусной и невероятно вредной едой?

— Ты про яичницу? Это мне. Тебе вон, — кивает в сторону стола, — мюсли. И йогурт.

— Все ты врешь, — не выдерживает, подходит и обнимает его сзади, прижимаясь щекой к спине. — Это для меня.

— Конечно, для тебя. Я даже кофе сварил. Правда, варю редко, поэтому — не обессудь.

— Пахнет вкусно.

— Тогда прошу к столу.

* * *

Женщинам всегда всего мало. Это факт. У нее был офигенный секс, потрясающей силы оргазм, признание в любви. Ее даже завтраком вкуснейшим накормили. И собираются поить кофе с очень аппетитным на вид печеньем. И все равно...

Женька грустнеет. Она вдруг чувствует острую потребность знать, что это утро — лишь первое в череде их утр. И что он никуда не денется, не исчезнет из ее жизни. Никогда.

Только вот знать наверняка это невозможно, никак. Не спросишь же прямо: «Я еще тебе не надоела? Ты меня не бросишь через пару месяцев?». Он сказал, что любит ее. Возможно, в пылу страсти. И потом, кто его знает, что это для него значит?

— Олег...

— Ммм?

— Я... мне домой надо.

— Конечно. Я отвезу.

— Не стоит.

— Стоит.

* * *

— Мы встретимся вечером?

От этого его вопроса сразу становится легче. Теплее.

— Ты хочешь?

— Конечно.

— Хорошо.

Их прощальный поцелуй привычно прерывает болеро. Олег что-то бормочет под нос, доставая телефон. Похоже — нецензурное. Женька не остается дожидаться, пока он поговорит по телефону. Все равно, все слова — сказаны, поцелуй — получен, и поэтому легко целует его в щеку и шепчет: «До вечера». И уходит. Но еще успевает услышать, как Олег произносит резко: «Надеюсь, у тебя что-то действительно важное?»

* * *

— Дим, надеюсь, ты шутишь?

— Нет.

— Почему я всегда крайний?!

— Олег, это твой договор. Ты знаешь про него больше, чем кто-либо. Даже больше чем я. Учитывая срочность вопроса, кроме тебя — никому.

— Я не могу.

— Что значит «не могу»? Тебя к батарее приковали, что ли?

— Дим, ты не представляешь...

— Представляю. И уверяю тебя — Женька никуда от тебя не денется. Мы с Дашей проследим, чтобы она не сбежала. И вообще, разлука чувствам на пользу. Крепче любить будет.

— Тихомиров! — Олег внезапно и совершенно неожиданно для Димки срывается на крик. — Я жил прекрасно без твоих мудрых советов!

— Олег! — если Дмитрий и удивлен реакцией Олега, то по голосу это не чувствуется. — Я мог бы тебе приказать. Но не буду этого делать. Я тебя прошу, Олег. Надо. Кроме тебя — никому.

— Димыч, — стонет Олег, — это нечестно.

— Я прошу тебя. Очень надо.

— Хорошо.

* * *

Она успела уже раздеться до белья, когда телефон зазвонил. Сочетание собственной полуобнаженности и самого факта, что звонит Олег, стало причиной того, что вместо «Алло» она кокетливо мурлыкнула в телефон: «Уже соскучился по мне, сладкий?». А потом только отвечала односложно: «Да», «Я понимаю», «Ничего страшного», «Да, созвонимся». И даже — не заплакала. А когда стояла под душем, то ведь никому не было дела, что некоторые капли на ее лице — солонее, чем остальные.

* * *

— Женя, привет!

— Привет!

— Как ты?

— Нормально, а ты?

— Более или менее. Погода отвратительная, как всегда, — помолчал. И добавил: — Скучаю ужасно.

— Я тоже, — вырвалось у нее прежде, чем успела сообразить, что говорит. — Ты надолго уехал?

— Минимум — неделя. Максимум — две.

— Так долго...

— Я постараюсь быстрее.

* * *

Она продержалась первый день. И второй. А на третий...

— Женя, что у тебя с голосом?

— Ничего.

— Ты что... плачешь?

— Нет!

— Женечка... — растерянно.

— Да! Плачу! — еще и носом шмыгает для убедительности. —

Доволен?

Какое может быть «доволен»? «Напуган» — это ближе к реальности.

— Женя, что случилось?

Она молчит.

— Женя?!

— Я скучаю, — тоскливым шепотом. — Олег, я так по тебе скучаю. Умираю без тебя.

У него что-то переворачивается в груди. Опять — это хрен знает что, которое так переворачивается, натурально переворачивается, мешая дышать.

— Женечка... — только и может повторить.

— Скажи, что и ты тоже.

— Очень. Скучаю. Люблю.

Она всхлипывает.

— Люблю тебя. Не плачь. Я ведь приеду скоро.

— Люблю тебя. Так плохо без тебя.

Эта разлука ее убивает.

* * *

— Ты мне кое-что обещал!

— Твои пять процентов от сделки, я помню.

— Дим, я не про то!

— А про что?

— Женя там... слезами уливается без меня.

— А я при чем?

— Придумай что-нибудь! Ты мне обещал за ней присмотреть. В гости пригласите.

— Вот так всегда, Баженов! Ты доводишь девушек до слез, а мне их утешать приходится.

— Эй! Вообще-то всегда было наоборот.

— Вопрос не в том, как было, а в том — как сейчас. Ладно, задача ясна, буду исполнять. У тебя как, проблемы есть?

— Если были бы — ты бы об этом знал.

* * *

Даша понравилась Женьке категорически. Хотя по-доброму позавидовала ее классической красоте, безупречной фигуре и высокому росту.

— Ты без живота еще красивее.

— Да? Спасибо.

— А я не согласен, — вмешался Тихомиров. — С животиком лучше.

— Ну да, конечно, — фыркнула Дарья, — босая, беременная и на кухне — это твой идеал женщины.

— Чем плохо?

— Всем. Сам попробуй.

— Я и так босиком.

Манька Тихомирова вырвала Жене порядочно волос, облизывала их же, а также щеки и джемпер, и все равно — отпускать ребенка с рук не хотелось... Женька то и дело наклонялась к пушистой макушке и вдыхала сладкий, ни с чем не сравнимый запах маленького ребенка. Этот аромат кружил голову, заставляя сердце отчаянно сжиматься. Думала, что делает это незаметно, но наблюдательный Тихомиров ее спалил.

— Классно пахнет?

Женька смущенно кивнула.

— Знаешь, — Димка тоже утыкается носом в макушку дочери. — Мне кажется, я ее с закрытыми глазами, по одному только запаху среди тысячи детей найду.

* * *

— Женя?..

— Что?

— Ты опять плачешь?

— Я чуть-чуть.

— Что на это раз?

— Все то же. С ума схожу без тебя. Мне тебя не хватает.

— Женечка, маленькая моя, уже скоро...

— Время так тянется без тебя. Я понятия не имела, что могу так низко пасть.

— Ты низко пала?!

— Да! Тоскую без тебя. Я не могу без тебя. Я уже не могу без тебя!

— И не надо без меня! Я скоро приеду.

— Так долго...

— Женя! Через пять дней я прилечу, даже если мне придется для этого угнать самолет!

— Правда?

— Правда.

— Тогда я больше не буду плакать.

— Почему? Плачь. Мне это льстит.

— Ты садист.

— Я люблю тебя.

* * *

Он никогда так не радовался возвращению. Никогда не был так рад видеть шумный и не очень уютный зал прилета. Еще совсем немного времени, час или чуть больше — и он сможет увидеть Женю. Соскучился смертельно.

Маленькие теплые ладони закрывают ему глаза. Нежный голос шепчет в ухо: «Такси до города, Олег Викторович?».

Сумка выскальзывает у него из рук. Его Такса приехала за ним.

Впрочем, Такса приехала не одна. Старый знакомец Виталий ждал их в машине, куда они все-таки смогли добраться, с трудом оторвавшись друг от друга.

По дороге, в машине, Олег что-то отвечал на вопросы Виталия относительно поездки, Женька молчала. И только руку его сжимала так крепко, будто боялась, что он исчезнет.

Так же в молчании они дошли до его квартиры. А уж там...

Он опять стукнулся затылком о стену. Но жаловаться не стал. А вместо этого жаловаться стала она, минут через пять, когда они прекратили целоваться как сумасшедшие и с трудом переводили дыхание.

— Почему я опять тебя первая целую?

— Потому что когда я тебя первым целую, нам обязательно кто-нибудь потом помешает.

Она задумывается на пару секунд.

— Логично, — наконец-то скидывает с ног шпильки. — Ну что, пошли в спальню?

— Обожаю, когда ты это говоришь...

* * *

— Жень, давай я схожу в душ...

— Потом сходишь!

— Женя, но я же...

— Лежи тихо!

Он не может лежать тихо. Стонет, выгибается навстречу движениям ее губ и языка, зарываясь пальцами в шелковистые локоны.

* * *

— Вот как надо варить кофе!

— Да, — Олег делает глоток, — действительно, у тебя вкуснее получается. Может, ты нанесешь дружественный визит к нам в офис?

— Зачем?

— Научишь Димкину секретаршу варить кофе.

— Нет уж! Пусть мучается.

— Я думал, вы подружились?

— Вроде бы, — Женька традиционно завтракает в рубашке Олега, сегодня — темно-серой. — После некоторых событий я стала относиться к нему лучше. Но все равно... знаешь, он не заслуживает такой жены.

Олег усмехается.

— Так считают все, кроме Тихомирова. Но они счастливы вместе. Это же заметно.

— Заметно.

Повисает молчание. Наверное, надо собираться и уходить домой, но это так сложно. Невозможно, нереально сложно после двухнедельной разлуки — уйти от него. Поэтому Женя дает себе еще немножко времени.

— Почему молчишь? Фигню всякую думаешь?

Олег внимательно смотрит на нее.

— Ну, можно сказать и так. Размышляю... относительно прошедшей ночи.

Она слегка краснеет. Спрашивает с вызовом:

— Что не так?

— А ты ничего не забыла?

— Что именно?

— Знаешь, я полагаю, что после всего, что ты со мной вытворяла сегодня ночью, ты, как порядочный человек, должна на мне жениться.

— ЧТО!?

— Я жду от тебя предложения.

— От меня?! Я должна сделать ТЕБЕ предложение?

— Не забывай, кто из нас блондинка.

Ей до сих пор стыдно за те свои отвратительные слова. Она даже забывает на секунду о его возмутительных репликах.

— Прости меня. Я... Мне так стыдно за тот случай.

— Да простил уже давно. Так как насчет предложения?

Он над ней издевается? Точно, издевается!

— Ну что ж, — Женя пожимает плечами, крутит в пальцах кофейную ложечку, — мне ухаживать некогда. Вы привлекательны, я чертовски привлекателен. Чего зря время терять? В полночь жду.

Олег недоуменно смотрит на нее, потом, узнав цитату — хохочет. Отсмеявшись, молча смотрит на нее. Молчание давит, душит, и она не выдерживает.

— Ты это серьезно?

— Да.

— Олег, я не...

— Ладно, я сам. Выходи за меня.

Теперь молчит она. В голове сумбур. Кто так делает? И где, черт побери, заканчиваются шутки, и начинается важное для каждой женщины событие?!

Олег не выдерживает, встает, подходит к ней, за руку поднимает ее со стула к себе. Обнимает.

— Не молчи.

— Олег, я...

— Просто скажи «да». Сейчас, немедленно. Еще раз умирать полчаса я не выдержу.

— Да.

— Это ответ?

— Да.

— Тогда почему ты плачешь?

— Потому что ты — Чиполлино, блин! — шмыгает носом. — Мальчик-лук.

— А ты у нас, видимо, сеньорита Помидорка? — отводит от ушка рыжий локон, шепчет: — Отличная ролевая игра.

— Олег...

— Пойдем в понедельник в ЗАГС.

— Заманчивое предложение...

— Это не предложение. Это уведомление.

— Попахивает шовинизмом.

— А ты как хотела? Я — муж и глава семьи. Я — главный.

— Эй! Ты не муж еще!

— Женя, Женя... — качает головой. — Неужели ты не понимаешь? Свадьба, ЗАГС — это все... нет, необходимо, конечно. Но, по большому счету — формальности. Я УЖЕ твой муж.

— А я?

— Моя жена. И, — подталкивает ее ближе к столу, подхватывает и подсаживает на столешницу, — твой муж хочет, чтобы ты раздвинула ножки.

— А не обнаглел ли ты?!

Его руки уже расстегивают пуговицы собственной рубашки. Пробираются внутрь, гладят грудь, живот, бедра.

— Это что такое?!

— Что? — большие невинные глаза.

— Ты что же... Получается, я делал предложение руки и сердца женщине, на которой даже трусиков не было?

— А ты, что же, специально предварительно трусы одел, прежде чем предложение делать?

— Хм... Нет, собственно.

— Вот и отлично, — сдергивает вниз его спортивные штаны, и ее рука убеждается в справедливости его слов. Относительно трусов. И всего остального. — Они, знаешь ли, в предложении руки и сердца совершенно лишние.

— Действительно, — его руки бесстыже хозяйничают, заставляя ее вздрагивать, постанывать. Он хочет, чтобы она была готова, когда...

Олег ловит себя на идиотской мысли: те, кто делали этот стол, явно думали о них с Женькой. Удобно. Идеальная высота. Чтобы войти. Плотно, глубоко. И двигаться, придерживая за спину, и целовать ее в мягкие губы. И заглядывать в беспомощные затуманенные глаза.

— Знаешь, всегда мечтал трахнуть любимую женщину на кухонном столе.

— Что, никто не соглашался?

— Любимых не было.

Она закрывает глаза, отдаваясь ритму их совместного движения. Но все-таки пытается оставить за собой последнее слово.

— Трахать... Где только... слов таких... набрался?

— От жены. Она у меня хулиганка и ругается как сапожник.

* * *

— Таким образом, как показывает сравнительный анализ, частота, тип и локализация этих мутаций не случайны и зависят от многих, пока еще не выясненных эндогенных механизмов мутагенеза.

Хорошо поставленный приятный женский голос звучит сначала в относительной тишине, а затем в аудитории начинает нарастать неясный шум. Причина этого шума — появившаяся в дверях аудитории мужская фигура. Парни смотрят на наглого незнакомца с ревнивым недоумением, девушки — с восхищением.

Наконец, на него обращает внимание и Женя.

— Что такое?

Олег отталкивается плечом от косяка и делает пару шагов внутрь аудитории. Интересуется безупречно вежливо:

— Евгения Андреевна, вы ни о чем не забыли?

— Гм... Нет. Но до конца пары еще двадцать минут.

— А до окончания работы ЗАГСа — полтора часа. Время, Евгения Андреевна! — он демонстративно стучит пальцем по циферблату серебристого Rado. — Время!

— А что — подождать никак?

— Я так думаю... — Олег обводит насмешливым взглядом обалдевшие от удивления лица, — что господа студенты не будут возражать, если сегодня занятия закончатся немного пораньше. Не так ли?

Ему отвечают нестройно, но в целом — утвердительно.

— Ну, вот видишь... Пойдем, Жень.

— Да пошлите вы его, Евгения Андреевна, — раздается вдруг неожиданно голос с задней парты. — Что вы в этом ЗАГСе не видели?

Ну, конечно, Корнев не мог смолчать! Девушки начинают хихикать, предвкушая очередное шоу.

Женька не знает — то ли смеяться, то ли — злиться. А Олег делает еще пару шагов по аудитории. Изогнутая бровь и холодный внимательный взгляд хорошо знавшему его человеку просигнализировали бы о том, что Олег... как минимум, — недоволен.

— Фамилия?

— Чья?

— Моя фамилия мне известна. Нетрудно сообразить, что речь идет о вашей.

— Ну, допусти, Корнев. Михаил Александрович, — парень бравирует.

Олег внутренне усмехается, оставаясь внешне холодным. Привлекательный, крепко сбитый, наглый. Считает себя самым умным. Такой же, как они с Димоном сколько-то лет назад.

— Значит так, Корнев. Если я узнаю, что вы позволяете себе некорректные, не по теме или многочисленные реплики на занятиях у Евгении Андреевны... Если вы, упаси Боже, будете пропускать занятия... Если вдруг, паче чаяния, не будете усердно изучать... как это называется?

— Мутагенные генетические процессы, — едва сдерживаясь, отвечает Женя.

— В общем, вот этот предмет! В этом случае приказ о вашем отчислении будет готов ровно с такой скоростью, с какой печатает принтер в приемной у ректора. А я лично позабочусь, чтобы там стоял самый высокоскоростной принтер. Я ясно выразился?

— Вполне, — после паузы отвечает слегка опешивший Михаил. Но он слишком наглый, чтобы сдаться так быстро. — Евгения Андреевна, а это что — наш новый ректор?

— Нет, — сквозь зубы отвечает Женя, — это мой личный... ректор.

— Ваш личный? Зачем вам такой... ректор? — Корнев пользуется случаем позубоскалить. — Бросьте его, сразу же видно — тиран и деспот!

— Да, действительно, — в их дискуссию вмешивается еще одно лицо — эффектная длинноволосая брюнетка, — бросьте. А я с удовольствием подберу, — откровенно подмигивает Олегу.

Олег тихо фигейт. Вот это детки... Как Женька с ними справляется? Да элементарно.

— ТАК! — в аудитории сразу становится тихо. Видимо, «господа студенты» прекрасно знают, что следует за вот этим вот «ТАК!», сказанным таким вот голосом.

— Еще одна реплика на данную тему, — зловеще продолжает Евгения, — и на следующем занятии вас ждет внеплановый коллоквиум!

Ответом ей служит тишина.

— Так, занятие окончено. К следующему вам необходимо самостоятельно изучить следующие материалы...

* * *

— Это было так обязательно?

— Что?

— Продемонстрировать, как мало это для тебя значит...

— Олег, ты все не так понял...

— Это настолько очевидно, что трудно понять неправильно. Ты забыла! А ведь мы договорились на конкретное время!

— Я не забыла! То есть забыла, но не про тебя. А про то, во сколько заканчивается пара.

— И что? Это важнее меня? Возвращаемся к тому, с чего начали: это всего лишь демонстрация того, как мало я для тебя значу.

— Олег! Тебе ветром голову не надуло? Несешь совершенную чушь.

— Факты говорят сами за себя.

— Обиделся... Ну, Олег, ты же знаешь, важнее тебя нет ничего!

— Правда? — он останавливается и поворачивается к ней лицом. И Женька понимает — похоже, его и в самом деле это задело. — Ты своеобразно это демонстрируешь!

Характер не исправишь. А он у нее горячий, импульсивный и непосредственный. И поэтому со словами «Я тебе сейчас продемонстрирую!» она хватается за руку и буквально тащит за собой. Про себя отчаянно надеясь, что никому не приспичило задержаться сегодня — по идее, не должно быть, четвертая пара сегодня только у нее, да и весна наступила, тетки с кафедры предпочитали заниматься научной работой на садах-огородах. Дергает дверь кафедры — закрыто, отлично! Олег заинтересованно молчит, пока она достает из сумочки ключ, открывает дверь и вталкивает его внутрь.

— Давно хотел посмотреть, где ты работаешь... — начинает он, оглядываясь по сторонам, но закончить фразу она ему не дает. Обхватив ладонями щеки, поворачивает к себе и целует его. Олег отвечает ей мгновенно.

Они целуются не торопясь, со вкусом. Зная, что этот поцелуй — один в череде неслучайно многих. И можно особо не увлекаться. Но они все-таки увлекаются, и оторваться друг от друга уже сложно...

И на звук открывшейся двери они не реагируют. А вот на далекое от деликатного покашливание отреагировать все-таки приходится. Отпрянули друг от друга, как нашкодившие студенты, застуканные на месте преступления преподавателем. Хотя все происходит с точностью до наоборот. В дверях самодовольно улыбается Корнев.

— Чего тебе, Миша? — безуспешно пытаюсь придать себе строгий вид, спрашивает Женя.

— Да я вот это... Курсовик хотел сдать. Но, наверное, в другой раз. Исчезает за дверью.

Женя прячет лицо Олегу в шею и начинает беззвучно хихикать. Олег присоединяется к ней. Снова открывается дверь, в проеме материализуется голова и руки Корнева.

— В ЗАГС не опоздайте! Время, — он стучит по лишенному часов запястью, — время!

И снова исчезает — так же стремительно.

— И вправду, Жень, пойдём.

* * *

И все-таки, такое нахальное поведение спускать безнаказанно нельзя!

— Господи, Олег! Ты в зеркало смотрелся? Что на тебе надето?

— Плащ.

— А под плащом?

— Пиджак.

— А под ним?

— Жень, что является конечной целью твоих расспросов? Труссы? Давай, сразу ответчу. Они, — он едва заметно усмехается, — присутствуют. Что тебя интересует? Цвет, фасон?

Вот же жук! Палец в рот не клади... Ничего, сейчас.

— Ты в курсе, что водолазки — это уже не тренд?

— Неужели?

— Точно! И как тебе в голову пришло такое купить?!

— А я и не покупал. Это подарок.

— Да уж, мама тебя балует...

— Это не мама.

— А кто?

— А... ммм... Неважно.

Брякнул не подумав. Кто его за язык тянул? Женька резко останавливается. Они не успевают дойти до машины пары метров.

— Что значит — не важно? Кто?

— Жень... Ну какая разница...

Она подозрительно суживает глаза.

— Это что же — подарок одной из твоих бывших?

Олег смущенно отводит глаза в сторону.

— Та-а-а-а-ак... Какого черта ты ЭТО не выкинул?!

— Зачем? Хороший итальянский трикотаж. Мягкий, приятный.

— Приятный?! Ах, ты! Ну-ка, снимай!

— Жень, плюс пятнадцать на улице...

— Мне плевать! НЕ желаю видеть на тебе подарки от твоих бывших! Ясно?!

— Ясно. Но не могу же я ЗАГС полуголый идти.

Она и так соображает быстро, а уж когда злится — просто молниеносно.

— Пошли!

— Куда?

— Увидишь!

* * *

— Жень, такой цвет мне не пойдет.

— Вы знаете, — дипломатично поддерживает Олега продавщица, — этот цвет вообще мало кому пойдет. Давайте, я вам предложу что-нибудь другое...

Предмет их дискуссии — рубашка столь зеленого цвета, что при взгляде на нее удавилась бы от зависти древесная лягушка, устыдившись своей бледности.

— Отличный цвет, — улыбка сладкая, тон — безапелляционный. — Иди, милый, переодевайся. И водолазку мне отдай. — У вас же есть ножницы? — это уже продавщице.

— Конечно.

— Будьте любезны.

И под взглядом безуспешно пытающейся скрыть изумление девушки-продавца Женья начинает резать ненавистную ей вещь на лоскуты.

Олег выходит из примерочной с видом великомученика. Цвет — действительно не его.

— Живенько так, — мурлычет Женья. — Ну что, пойдём жениться? Если ты не передумал, конечно.

— Нет, — отрицательно качает головой он. — Но дома тебя ждет... хм... суровое возмездие.

— Буду с нетерпением ждать.

Глава 17. Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба... И ее закономерные последствия. И вообще — сплошное розовое, пушистое и в оборочку

— Дим, ну хоть ты ей скажи!

— Что случилось? Дети, не ссорьтесь. Женя, ты опять обижаешь Олега? — Тихомиров старательно копирует интонации воспитателя в детском саду.

— Дим, ты видел этого... водителя?

— А что? Саныч — наш лучший водитель. Он Державина возит.

— Полный рот золотых зубов! Весь в татуировках. Беломор какой-то курит.

— Он не будет курить в машине, я обещаю. А водитель он хороший.

— Да видела я, как он машину разворачивает! — негодует Женька. — Руки из жо... — один косой взгляд Олега, и она исправляется: — не из того мест растут! И вообще, что, я не могу в день своей свадьбы сама приехать в ЗАГС за рулем?!

Олег мученически закатывает глаза.

— Хорошо, — неожиданно соглашается Тихомиров, — раз внешность водителя свадебного лимузина, а так же его профессиональные качества вызывают у невесты нарекания, мы поступим так...

Отходит в сторону, к курящему неподалеку, вызвавшему негодование Женьки Санычу. Краткий разговор, передача ключей, рукопожатие. Дима возвращается.

Стаскивает с плеч пиджак и отдает на руки жене, вытащив запонки, закатывает рукава рубашки, ослабляет галстук.

— Моя внешность и водительские навыки нареканий не вызывают?

— Эээ... нет, но...

— Тогда прошу. ЗАГС ждет. Эх, давненько я не бомбил...

— Никогда вроде, — усмехается Олег. Он наслаждается Женькиным замешательством. Нашла, с кем связаться. Тихомиров — мастер переговоров. Уговорит и кого и на что угодно.

— Ну, надо когда-то начинать осваивать альтернативную профессию. Ну что, поехали?

* * *

— Куда мы так торопимся? — Женька наслаждается быстрой ездой, Даша уже давно смирилась с манерой мужа водить машину, и лишь Олег по привычке пытается урезонить Димку.

— В ЗАГС.

— Не ты же женишься.

— Вот именно! Хочу, чтобы тебя поскорее захомутали. Тогда поймешь, что это такое — быть женатиком. Конец вольной холостяцкой жизни, засосет болото семейной жизни...

На какое-то время в машине повисает тишина. А потом — дружный взрыв хохота.

— Что? — Тихомиров бросает взгляд в зеркало заднего вида. — Ненатурально?

— На два с минусом, — отвечает за всех Женька. — Тренируй выражение лица. Особенно когда на Дашку смотришь.

* * *

— Ух, ты, какие классные кроссовки!

— Спасибо, Вова.

— И все-таки, как ни жаль, — Дарья достает из пакета изящные белые с серебристой аппликацией туфли, — придется переобуться.

— Да нафига?! — возмущается Вовка, любуясь красно-синими кроссовками, видными из-под приподнятого подола пышной юбки свадебного наряда. — В кроссовках лучше!

Стоящая рядом сестра-близнец Вовки Мила, которая не сводит восхищенных глаз с действительно невероятно прелестной в свадебном платье Жени, возмущенно фыркает.

— Потому что Олег велел, — театрально вздохнув, доверительно сообщает Вове Женя.

— Да кто его слуша... — боковым зрением уловив тень за спиной, Вовка мгновенно исправляется. — Нет, раз Олег велел, значит, надо переобуться.

Даже в белой рубашке и черных брюках похожий на вождя команчей, Вовка в очередной раз демонстрирует тот факт, что признает авторитет одного-единственного человека — своего дяди. Но зато совершенно безоговорочно.

— Так, помощник феи, — вмешивается в разговор Борислава, — ты хоть и не волшебник и все такое, но туфельки Золушке подай.

Вовка встает на одно колено, и, неожиданно вдруг преисполнившись важностью своей миссии, совершенно серьезно и спокойно помогает Жене сменить кроссовки, которые она надела в надежде сесть-таки сегодня за руль, на изящнейшие свадебные туфли.

— Так, дорогие брачующиеся, — над их головами раздается зычный, хорошо поставленный баритон Тихомирова. На них начинают оглядываться из соседних свадебных компаний. — Хватит

тянуть резину. Промедление смерти подобно. Пойдемте уже жениться — и в ресторан.

— Ты-то куда торопишься?

— Жрать охота.

Он получает ощутимый удар локтем в бок от жены, ослепительно прекрасной в изящном светло-сиреневом костюме. Но цыганский табор все-таки трогается с места в направлении здания ЗАГСа.

* * *

— Женька, слезь с меня.

— Зачем это?

— Ты вешишь тонну. Как слон.

— Ах, так!

— Вот, так лучше.

Она оказывается на спине, он — сверху, и начинает покрывать поцелуями ее всю, начиная с плеч. Женя довольно вздыхает.

— Значит, я не слон. Ты просто хочешь...

— Конечно, не слон. Ты у меня маленькая и легкая, как перышко.

— Ну, так-то заливать не надо.

— Моя маленькая. Моя девочка.

— Так и до педофилии недалеко, — она из последних сил пытается иронизировать. Получается плохо — его губы опускаются все ниже. Олег же на ее слова внимания не обращает. И шепчет между поцелуями:

— Моя сладкая. Моя нежная. Мое солнышко. Любимая моя.

А потом он замолкает. Но продолжает говорить ей то же самое. Прикосновениями губ. Касаниями пальцев.

* * *

— Здравствуй, Женя.

— Здравствуй... папа.

Пауза.

— Как твои дела?

— Нормально. Что-то случилось?

— Нет. С чего ты взяла?

— Сегодня не мой день рождения. И даже не Новый Год.

— Гхм... Мне Худяков сказал... Ты замуж вышла?

— Да.

— И как?

— Что «как»?

— Все... в порядке?

— Абсолютно.

— Ты... беременна?

— Нет.

— Ну... в любом случае... желаю тебе... счастья.

— Спасибо.

— Ну, что же... Тогда — не буду мешать. До свидания, Женя.

— До свидания.

— Женя!

— Что?

— Он тебя... любит?

— Да. А что?

— Я рад.

Задумчиво смотрит на телефон в руке. Сзади незаметно подходит Олег, обнимает за плечи.

— Кто тебя так озадачил?

— Отец.

Его руки на ее плечах напрягаются.

— Что ему нужно?

— Ничего. Со свадьбой поздравил.

— И все?

— Да.

Он поворачивает ее к себе лицом, заглядывает в глаза.

— Жень, не бери в голову. Не расстраивайся. У тебя есть я.

— Это заменяет все.

— Правда?

— Ты для меня все. Мне никто больше не нужен, если ТЫ меня любишь.

— Обожаю.

* * *

Он смотрит на телефон в своей руке. Как, как получилось именно так? Их разговор... Чужие люди — и те говорят между собой и дольше, и откровеннее. А ведь он разговаривал с родной дочерью. Как, ну как он это допустил?!

Тяжело поднимается, шаркая ногами, совсем по-стариковски, идет на кухню. Надо выпить таблетку. К тупой, ноющей, уже привычной боли в области желудка добавляется боль в сердце. Стискивает грудь тугим горячим обручем. Сердце болит. Господи, как же оно болит! От чувства глубокой, ничем невозполнимой потери.

Он потерял двух самых дорогих людей. Жену и дочь. Жену... он убил, считай, что сам. Если бы обращал на нее больше внимания... На ее маниакальную одержимость идеей родить ему сына. Не то, чтобы он не хотел. Хотел, конечно, как и любой мужчина. Но если бы он знал тогда, какую цену придется за это заплатить... Если бы дал труд себе тогда подумать. Заметить что-либо, кроме своей тогда казавшейся такой архиважной работы. Но нет, он был поглощен другими вещами, казавшимися ему более важными. В итоге — он потерял любимую женщину.

Он сделал выводы? Черта с два! Он начал вымещать свое горе на единственном родном ему человеке. На Жене. А еще — старательно сам отдалялся от нее. Понимая — если он и ее потеряет, эта боль его убьет. А вот если пытаться ее меньше любить, не подпускать к себе ближе, тогда... тогда будет не так больно, когда она все-таки его оставит. А что это неизбежно — он не сомневался. И ведь как накаркал! Ушла, не простив его неверия. Его предательства. Он ведь глубоко внутри знал — это не могло быть правдой, его Женечка не такая. Но когда все это случилось — не мог ей простить глупого девчачьего увлечения этим придурком Поземиным. И долго не мог самому себе признаться в истинных мотивах своего поступка.

Лишь звонок Худякова, который по какой-то неведомой причине решил проинформировать его о свадьбе дочери, словно сломал что-то внутри. Его дочь вышла замуж. Наверное, скоро у нее появятся свои дети. Она, дай Бог, счастлива.

И что он сделал, чтобы его дитя, его единственная, любимая дочь была счастлива? Ничего. Наоборот, делал все, чтобы она была несчастна.

И кто он после этого? Старый больной несчастный дурак. Хоть и доктор наук. Без пяти минут — действительный член-корреспондент. Хотя, судя по тому, как он себя чувствует спустя всего два месяца после последней операции, до членства в Академии наук он не дотянет. Да и ладно. Это уже не важно.

* * *

— Женя, твою мать!

— Что ты так орешь, я еще зайти не успела...

— Да я уже и так вижу. Ну-ка, марш на весы!

— Даш, может, не будем?..

— Рысью!

— Я не умею рысью...

— Ну вот, — мрачный Дашин тон не предвещает ничего хорошего, — еще почти два килограмма за две недели. Ну и кто ты после этого?

— Да все равно — уже скоро...

— Скоро?! Это ты в дверь перестанешь проходить скоро! Ты этого добиваешься?

— Даш, ну перестань уже меня пилить...

— А как по-другому с тобой!? Что, опять кило мороженого в один присест?

Женька виновато вздыхает.

— Ну, а что делать, если хочется...

— Хочется? Перехочется! Тихомирова на тебя нет. Вот у него бы ты ела только то, что положено! А не мороженое пачками. Куда только Олег смотрит?

— Он мне доверяет.

— Совершенно напрасно!

— Дашуль, ну пожалуйстаааа... Не пили меня...

— Разбаловал он тебя. Ты похожа на шар.

— Скажи лучше, как Машка? — пытается сменить тему разговора Женья.

— Сейчас покажу, — Дарья достает телефон, протягивает Жене, — любуйся. Позавчера снято.

— Ой, — Женька начинает хохотать, хватается за живот. — Такое нельзя беременным показывать! Сейчас рожать тут начну у тебя.

— Рано тебе еще, — Дарья забирает свой смартфон. На экране — катающиеся на детской карусельке папа и дочь. С улыбкой до ушей, вся из себя довольная Манька верхом на фиолетовом драконе. И предельно серьезный, при костюме, галстук и пальто папенька верхом на лошадке. Феерическое зрелище.

— Он ее по-прежнему балует?

— Если б только он, — вздыхает Дарья. — Тихомировы всем табором мне ребенка портят. Причем больше всех — Иван Михайлович. Постоянно охает, что ему нужен внук. И при этом — Маруся из него веревки вьет.

— Надо им второго внука родить.

— Уже.

— Правда?

Дарья слегка улыбается и кивает.

— Ой, Даш, я так рада. Так, стоп! А как же я?

— А при чем тут ты?

— Я у тебя хочу рожать!

— Женя... — Дашка вздыхает, — налицо разжижение мозгов. У меня срок восемь недель. А у тебя — тридцать шесть! Или ты намерена, как слониха — два года ходить беременная?

— Ну, хорош издеваться. Димка знает?

— Еще чего! Нет уж, я два раза на одни и те же грабли не наступаю. Чем позже он узнает, тем больше у меня будет спокойной жизни. Пока сам не заметит — ничего не скажу.

— Что, крепко он тебя в первый раз?

— Истеричный изверг! Никакого мороженого и булочек. Всякую дрянь полезную заставлял есть, витамины — пригоршнями. И фиг от него отделаешься — он же настырный. Все всегда лучше меня знает. В том числе — и как детей вынашивать. Нет, в этот раз я хочу максимально оттянуть наступления этого «чудесного» момента.

— Кого ждете в этот раз?

— Жень, восемь недель! Рано еще.

— Ну, а хочешь кого?

— Знаешь, мне все равно. Тихомиров жаждет еще одну дочь — блондинку. Манька-то у нас брюнетка, вся в папеньку уродилась. Анна Николаевна, тоже, разумеется, хочет вторую внучку. Один Иван Михайлович ждет внука. Может, присоединюсь к нему, для равновесия. Хотя, — она машет рукой, — какая, к черту, разница?! От наших желаний мало что зависит. Слушай, все спросить хочу: а как Олег отреагировал на то, что у вас будет девочка?

— Ты знаешь, ему тоже все равно, похоже. Сказал только, что надеется, что дочь будет похожа на него. Ибо еще одну рыжую бестию он не выдержит.

* * *

— Ну, поздравляю!

— Все? — пересохшими губами спрашивает он.

— Да.

— Как Женя?

— Да нормально, молодцом. Орала так, что я чуть не оглохла... Эй, эй, Олег, ты что?

Он пытается что-то сказать и не может.

— Даш, — укоризненно хмурит брови Димка, — обязательно было так?..

— Вот дураки! — возмущенно пожимает плечами Дарья. — Женщина ДОЛЖНА кричать, когда рожает. Существует прямая связь между растяжением губ, когда произносятся гласные вроде «аааааа» или «оооооо», и растяжением шейки и влага...

— Даша! — уже рычит Дмитрий. — Прекрати над ним издеваться! Он же сейчас в обморок грохнется!

— Любишь кататься... — назидательно произносит Дарья. — А, ладно, что с вас взять. Сейчас, минутку подождите.

Уходит, оставив Димку и Олега одних.

— Так, Олег! Ну-ка, соберись. Не позорь меня!

— Сейчас, — шелестит тот одними губами. Выдыхает. — Сейчас, Дим.

К ним снова присоединяется Даша. И не одна.

Две пары глаз смотрят на сверток на ее руках.

— Ну, знакомься, Олег. Это твой сын.

— Как сын? — оба, хором.

— Ко мне какие претензии? Кого Женька родила...

— Но... по УЗИ же было... девочка.

Дарья пожимает плечами.

— Ну, видимо, мальчик похож на тебя и такой хорошенький, что доктор ошибся. Держи.

Олег не успеваешь испугаться, как у него на руках уже маленький теплый сверток. А потом он все-таки пугается. До дрожи в коленях. Но руки, кажется, сами знают, как держать это невозможное хрупкое. Невероятно дорогое. Беспомощный взгляд на Дашу.

— Да не бойся ты так! Он не сломается.

— Точно, — кивает Тихомиров, — не сломается. Я проверял.

— Можешь зайти, — Дарья кивает на дверь, — если хочешь.

— «Если хочешь», — передразнивает жену Тихомиров. — Как будто мы бы его смогли остановить, — открывает перед Олегом дверь и с сыном на руках тот заходит внутрь.

Женя бледная. Очень бледная. Вокруг закрытых глаз — синюшные круги. Лишь волосы — по-прежнему ослепительно-яркие на белой подушке.

Он садится рядом, стараясь не смотреть на иглу, торчащую из тонкой руки, на змеи капельницы. Кажется, она спит. Пусть отдыхает. Он готов бесконечно долго сидеть и смотреть так на нее, прижимая к себе теплое маленькое тело их сына. Смотреть на свое рыжее сокровище. На одно. И на второе.

Ее ресницы дрожат, вздох, и глаза открываются.

— Привет.

— Привет.

— Как ты?

— Нормально.

— Больно было?

— Уже... все прошло.

Он осторожно меняет положение рук, и касается пальцами ее ладони.

— Теперь все хорошо?

— Да, ты же со мной.

— Не только я. Со мной еще кое-кто.

Женька слабо улыбается.

— С девочкой промашка вышла.

— Да это не важно. Главное — нас теперь трое.

Вздох.

— Я люблю тебя.

— И я люблю тебя.

Они молчат, просто глядя в глаза друг другу. Долго. Нежно. Пока завозившийся на руках Олега малыш не напоминает им, что их действительно теперь — трое.

* * *

— Дим, пойду я. Олега дождешься? Не заблудитесь, я думаю?

— Куда так торопишься?

— Женька у меня не одна. Работы куча.

— Не увлекайся очень-то!

— С какой радости раскомандовался?

— С такой. Тебе вредно много работать.

— Чего это?

— В твоём положении...

— Ой...

Смотрит на него смущенно.

— Ты знаешь?

— Знаю.

— Давно?

— Давно.

— Хм... Прости меня, Дим.

Порывисто притягивает ее к себе.

— Это ты меня прости, — шепчет ей в волосы. — Я сам виноват. Достал тебя тогда. Я исправлюсь, обещаю.

На пару минут она позволяет себе замереть в его руках, прижав голову к плечу. Потом смущенно:

— Дим, ну отпусти меня. Люди смотрят.

— Плевать.

— Давай дома...

Со вздохом разжимает руки.

— Ладно, иди уже...

И дождавшись, когда она отойдет метров на десять, кричит ей, нимало не смущаясь тем, что их слышат другие:

— И чтобы дома вовремя была, слышишь? Мы с Машкой будем ждать.

* * *

Яркий солнечный, первый по-настоящему жаркий день. Цветы, много цветов. Радостные улыбающиеся лица — Дашка и Димка, Тихомировы-старшие, Борислава со своими ангелом Милой и демоном Вовкой, Светлана Владимировна, мать Олега. И, конечно, сам Олег с их сыном на руках. Почти — как в том ее сне. Яркие голубые глаза, радостная искренняя улыбка. Ее родные, ее друзья. Ее семья.

Женя впитывала каждую черточку этого светлого дня. Ее восприятие было необыкновенно полным, острым. Казалось, она в состоянии заметить каждую деталь. И, наверное, именно поэтому...

Она заметила его, несмотря на то, что во дворе роддома толклась куча людей — перед выходными старались выписать как можно больше женщин домой. Возможно, заметила потому, что, невзирая на жару, он был одет в темно-серый, застегнутый на все пуговицы костюм. Или потому, что стоял в стороне, отдельно от всех. Или потому, что он — ее отец.

— Подождите меня, — шепнула Олегу и двинулась вниз по ступенькам.

Пробираясь сквозь толпу, думала: «А вдруг мне показалось?».

Нет, не показалось.

— Папа? Ты что здесь делаешь?

Его руки мнут в руках шляпу. Только ее отец способен надеть шляпу в плюс двадцать пять!

— Да я... Ты прости меня, Женечка. Я не хотел мешать... Так, посмотреть... издали...

— Откуда ты узнал вообще?

— Худяков сказал... Не ругай его только.

Она молча смотрит на него. Даже не смотрит — рассматривает. Очень сильно сдал. Постарел, посерел. Выглядит старше своих... Женька хмурится, сообразив, что не может сразу вспомнить — сколько отцу лет. А он ее нахмуренные брови понимает иначе.

— Не сердись, Женя. Я мешать не буду. Посмотрел на тебя, на мужа твоего, на сыночка вашего — и пойду.

Резко поворачивается, чтобы она не успела увидеть слезы в его глазах. И едва успевает ухватиться за спинку ксстати оказавшейся неподалеку скамейки — так кружится голова. И черные мельтешащие точки перед глазами, и стоять трудно, даже опираясь.

— Эй, ты чего?! — она рядом, ныряет под его плечо, а ему уже не до гордости — буквально падает на нее, ноги ни черта не держат. Эта жара его доконала!

С помощью Жени делает несколько с трудом дающихся шагов и тяжело опускается на скамейку. Женька приседает перед ним на корточки и начинает яростно расстегивать пиджак, ослабляет тугой узел галстука, потом приходит очередь верхних пуговиц рубашки. И при этом ругается вполголоса:

— Чем ты думал, а? У тебя что — одежды летней нету? Ты б еще куртку одел!

— Дорога просто долгая, а у нас прохладно, между прочим... — дышать становится легче — то ли оттого, что ничего не давит на горло, то ли — от прикосновений ее рук.

— А прогноз погоды посмотреть? Что, Интернет недоступен понимаю доктора наук?

— Женя, не ругайся так...

— Что случилось? — над их головами раздается голос Олега. Женька оборачивается, немой вопрос в глазах.

— Мелкий у мамы.

Она кивает.

— Папе плохо. Принеси воды, пожалуйста. Есть у тебя в машине?

— Сейчас.

Они снова остаются вдвоем.

— Напугал меня, блин! Ну и кто ты после этого?

— Дурак, Женя. Старый больной дурак, — перехватывает ее руку и прижимает к своей щеке. И прямо поверх ее руки бегут горячие слезы, которые невозможно удержать. — Вот, приполз к тебе. Когда

уже поздно. Ты прости меня, если можешь. А не можешь — я пойму. Такое простить невозможно. — Женька потрясенно смотрит на него. — И не переживай. Я ведь люблю тебя, Женя, хоть в это и трудно поверить. И не буду лезть в твою жизнь. Я только вот... посмотреть хотел... — «Напоследок» — добавляет уже про себя.

Она не отнимает свою руку. И не сразу находится, что сказать.

— Ты плачешь? Пап... Ты что? Ты же не плакал, даже когда мама умерла, сейчас-то зачем?

— Плакал, Женя, еще как... Ты просто не видела. Когда теряешь любимых — нельзя не плакать.

— Пап...

— Знаешь, я на могиле мамы такие цветы посадил, красивые.

Маргаритки, примулы, ирисы.

В горле становится тесно и горячо.

— Цветы посадил? Сам, что ли?

— Да. Как раз перед больницей в последний раз.

— Какой, нахрен, больницей?

— Язву оперировали, — безнадежно машет рукой.

Подходит Олег с бутылкой воды.

— Спасибо.

Несколько осторожных аккуратных глотков. Потом профессор Миллер достает платок, вытирает лоб, слегка поправляет галстук. А Олег, между тем, разглядывает своего тестя. Фигово он выглядит, прямо скажем. И Женька на него совсем не похожа. А потом Андрей Францевич поднимает глаза и Олег вздрагивает — те же внимательные серо-голубые глаза, что и у его жены. У Женьки глаза отца.

— Спасибо вам, — медленно поднимается, протягивает Олегу бутылку с водой. — Извините, что доставил вам хлопоты в такой радостный день. Пойду я.

Женька вздыхает, качает головой.

— Осел вы, Андрей Францевич! Старый ученый осел. Доктор наук, а простейших вещей не понимаете...

— Что?

— Пойдем, познакомлю тебя кое с кем.

— С кем?

— Для начала — со мной, — вмешивается в их разговор Олег. Протягивает руку. — Баженов Олег. Муж вашей дочери.

— Очень рад, — растерянно отвечает Женин отец, отвечая на рукопожатие. — Но, Женечка, право, я не хотел мешать...

— Значит, так! — она яростно утыкает указательный палец ему в грудь. Глаза ее блестят. — Ты утратил свое право указывать мне, что и как делать, много лет назад! Теперь я — главная, понятно? Смотри, до чего ты себя без меня довел?! У меня матери нет, хочешь еще и отца лишить? — он пытается что-то ответить, но она не дает. — Не спорь со мной! Изволь слушаться, ибо ты сам признал — ты старый больной дурак! Так что молчи и выполняй, что тебе говорит дочь! Понял?

Он потрясенно кивает.

— Вот и отлично, — берет его за руку. — Пошли с внуком знакомиться.

* * *

— Олег...

— Нет.

— Ну, пожалуйста...

— Нет.

— Ну, я очень тебя прошу.

— Нет, даже не проси. — он открывает пассажирскую дверь, кивает головой. — Успеешь еще наездиться. Сейчас отдыхай. Или ты мне не доверяешь?

— Доверяю. Но я сто лет за рулем не сидела...

— Прямо так уж и сто... Зато представь, сколько удовольствия ты получишь, когда прокатишься на том, что ждет тебя в гараже.

Ахает.

— Что там? Ты мне... машину купил?

— Знаешь, мне мама рассказывала... Раньше был такой обычай — муж жене на рождение ребенка кольцо дарил...

— И?..

— Я решил подарить сразу четыре кольца. На радиаторной решетке.

— Q7? — благоговейно выдыхает она.

— Белый, как ты и хотела.

После этих слов можно только благодарно броситься любимому мужчине на шею.

На заднем сиденье вполголоса спорят Светлана Владимировна и Андрей Францевич. На извечную любимую тему всех бабушек и дедушек: «На кого похож ребенок?». На стороне Миллер бесспорный аргумента в виде рыжих волос, зато мать Олега безапелляционно

утверждает, что их внук — «вылитый Олег в этом возрасте». Женя и Олег не мешают им наслаждаться своим спором.

— Ну что, куда?

— Домой, шеф, домой.

— Клиент всегда прав. Домой — так домой.

Эпилог.

Красивая страна — Новая Зеландия. Бесконечные белые пляжи. Вздвигающиеся на горизонте ослепительные пики грозных вершин. И синее-синее море. Такого же цвета, как глаза стоящего коленями на песке мужчины. Он вглядывается в лицо сидящей в шезлонге женщины в белом купальнике.

— Ты будешь по мне скучать?

— Ни капельки.

— Врешь!

— Ни капельки.

— Я не хочу уезжать...

— На неделю же всего.

— Это вечность.

Она нежно гладит его по затылку.

— Я буду скучать.

Его напряженное лицо преобразует радостная улыбка.

— Правда?

— Правда. Каждый день буду смотреть на море и ждать алый парус.

— Ты не похожа на Ассоль.

— Ты тоже не похож на Грея. Езжайте уже снимать своих китов.

Дэн заждался.

Они оба синхронно поворачиваются и оглаждаются на стоящего в нескольких метрах крупного мужчину. Он улыбается и машет им.

— Стас! Поехали уже! Катер ждет. Верочка, не забудь: по возвращении ты обещала мне фотосессию «ню».

Соловьев стремительной пружиной взмывает с колен.

— Я тебе сейчас покажу фотосессию «ню»! И со всеми прочими буквами греческого алфавита тоже познакомлю! И будет тебе сейчас йота. Или лямбда. А то и — полный эпсилон!

* * *

— Я так скучал. Умирал. Как ты?

— Люблю. И... у меня есть новости.

— Вот как? Я весь в нетерпении.

Она приподнимается на цыпочки, обхватывает его за шею и шепчет на ухо.

Он отстраняется, смотрит на нее с изумлением. Вера кивает.

— Вера... Вот так у мужчин и случаются сердечные приступы.

Приезжаешь после недельного отсутствия, а жена тебе говорит, что беременна. Когда успела, а?

— Тебе напомнить?

— Не надо, — вздыхает он, — я помню.

Смотрит на него изучающе. Встревожено.

— Ты не рад?

— Нет, почему. Рад.

— Стас, я понимаю, мы не планировали. Еще рано, но...

Он молчит. Она добавляет шепотом:

— Я не буду делать аборт.

— Ты с ума сошла! — он легонько встряхивает ее за плечи. —

Какой аборт?! Об этом не может быть и речи! Это же наш ребенок! Просто я не...

— Не хочешь?

— Не готов. Я не знаю, как это — быть отцом... С другой стороны — у нас же есть сколько-то времени? Чтобы подготовиться?

— Есть.

— Значит, мы справимся. И... я действительно рад.

* * *

— Вера!!!! — он орет в трубку. — Я же тебя предупреждал! Надо было заранее ложиться в роддом! Допрыгалась!

— Да все нормально, не ори так... — она изо всех сил старается, чтобы ее тяжелое дыхание не было слышно в трубке. — Я уже там.

— Где — там? Какой роддом? Адрес?

* * *

— Кто Соловьев?

— Я.

Высокая женщина, ослепительно красивая даже во врачебной «спецухе» в виде белых мешковатых штанов и рубашки, останавливается рядом с ним. Он встает. Выше ее. Смотрит ей в лицо

Даже будучи замужем за весьма привлекательным мужчиной, Дашка вздрагивает. У стоящего перед ней мужчины — совершенная модельная внешность. Идеальная мужская красота. Бездонные синие

глаза. Бледен тоже до синевы. Небрит до черноты. И, кажется, трясется весь.

— Я буду вести вашу супругу. Фамилия моя — Тихомирова. Она просила вас... проинформировать. Учитывая, что беременность многоплодная, более того, тройня, и предлежание не самое хорошее... Рисковать не стоит. Будем оперировать.

Он вздрагивает. От лица отливают вообще все оттенки, кроме синевы.

— Как она?

Дарья пожимает плечами.

— Готовят к операции. Через полчаса начнем. Еще через полтора сможете познакомиться со своими спиногрызами.

— Вот так? — он охает. — Сразу?

— Если хотите.

— Я... не знаю, — он закрывает лицо руками.

Даше становится его необъяснимо... жалко. Напоминает он ей и Димку в свое время, и Олега. И вообще, какой-то он нереально потерянный. А уж она всяких будущих папаш повидала.

— Вот, что любезный, — хватает его за локоть и ведет, практически тащит за собой. Он, впрочем, не сопротивляется. — Вас зовут как?

— Стас.

— Нельзя так, Стас. Пойдемте, подлечу вас.

* * *

Даже коньяк не помог. Черт с ним, ей уже в операционную бежать надо. Оставила несчастного Соловьева на попечение девочки-интерна, наказав ближе к концу операции привести его к оперблоку.

Все они сделали как надо, хотя операция была не из простых. Но поскольку оперировала сама доктор Тихомирова, врач высшей категории и фанат своего дела, все прошло безупречно. С чувством выполненного долга, гордая (что уж там скрывать!) собой и преисполненная самого благородного желания обрадовать несчастного от волнения отца троих дочерей, вышла из операционной. Ну, кто же мог подумать... Что заляпанный кровью хирургический халат производит такое впечатление.

* * *

— Привет тебе, Тор, повелитель молний.

— Привет, Даш. Спорю на что угодно — звонишь по делу.

— Какой проницательный, жуть.

— Не первый год тебя знаю.

— А скажи-ка мне, Глебушка, какие клинические признаки сотряса?

— Эвона как... Что, супруг таки допек тебя? Приложила его сковородкой?

— Он увертливый. Ну, так что там с сотрясом?

— А у кого это у нас красный диплом? У тебя по травматологии пятерка должна была быть?

— Это было миллион лет назад. Сейчас у меня голова совсем другим занята.

— Понятно. В сознании?

— Нет.

— Ого. Уже серьезнее. Как так?

— Упал в обморок, — Даша смотрит на лежащего на кушетке в ординаторской Соловьева. — Башкой об пол.

— Надо бы в сознание привести.

— Нашатырь?

— Мужиков стопроцентно приводит в чувство удар по... причинным местам.

— Ты охренел? Садист. Хотя, с другой стороны... У него уже родилась тройня. Зачем ему, собственно, больше...

Самойлов совершенно неприлично ржет на другом конце трубки.

— Тройня?! Понятно, отчего обморок, — чуть в сторону: — Это Даша, — снова ей: — Тебя Юля привет передает.

— Ты не на работе, что ли?

— Отпуск у меня.

— Ой, прости меня, Глебик. Я не хотела. Надеюсь, не оторвала тебя ни от чего важного?

— Да кому ты этого говоришь? С нашим отношением к работе мы никогда не бываем в отпуске.

— Юльке тоже привет. Пусть мяукнет что-нибудь в трубку, соскучилась по ней ужасно.

— Она не может. Рот занят. Ай! — какие-то звуки, приглушенные голоса. — По просьбе Юли уточняю — рот занят, потому что она кушает.

— Клоуны... Ты мне скажешь, что делать с этим обморочным?

— Не вопрос...

Сколько-то (без понятия сколько!) времени спустя. Время действия — лето. Место действия — дача Тихомировых.

— Вера! Тебе даже огурцы резать нельзя доверять!

— Что не так?

— Неужели так трудно порезать ровно? Почему одни куски толщиной в сантиметр, а через другие смотреть можно?

— Даш, какая, нафиг, разница? Все равно сожрут.

— Ужас... Не видела еще более бездарной в плане кухни женщины....

— Зачем мне? — кокетливо пожимает плечами Вера. — У нас на кухне есть уже один маэстро.

— И не говори, — завистливо вздыхает Юля. — Я от последнего его творения в восторге. Как это называлось?

— Ты про мясо?

— Да!

— Понятия не имею. Он же вечно импровизирует...

— Да уж, такой один на миллион.

— Миллион не миллион, но один на четверых — точно.

— Что, так и не научила Тихомирова готовить?

— Он освоил, — Даша загибает пальцы, — яичницу, гренки, гречку и макароны по-флотски. А, еще каши девчонкам виртуозно варил — овсянки там всякие, пшенки-манки.

— Ну, это тоже достижение!

— А что, Николаич все так же безнадежен?

Юля вздыхает.

— Проблема в том, что ему все равно. Он может неделями жрать «Доширак» и не слова мне не скажет. Ему нет разницы, что на ужин — бутерброды с колбасой или гуляш, на приготовление которого потрачено два с половиной часа. Так что...

— Ну, хоть не жалуется.

— Никогда.

— Ну, Женька, твоя очередь.

— Было бы чем хвастать, — пожимает плечами Женя. — Для Олега все упирается в одно слово: «Надо». Если надо, может приготовить обед из трех блюд, и еще торт испечь. Но если необходимости нет, то... Когда меня от всех запахов еды тошнило, помните?..

— Помним! — хором отвечают ей подруги.

— Олег готовил сам. Вкусно, разнообразно. Да и после рождения Витьки тоже. Но как только острая необходимость отпадает, его с кухни ветром сдувает.

— Что возвращает нас к первоначальному тезису: «Стас — уникам!»

— А какая задница... — провокационно мурлычет Женька.

— Что? — хором переспрашивают трое остальных.

— Советую посмотреть. Такие фотки недавно нарыла в
Интернете...

— Женька!!!

— А что сразу «Женька»? Это ж не я голой фотографировалась!

— Прямо голый?

— Абсолютно. Хорош необыкновенно.

— Ну, хватит его гнобить! Ему тогда двадцать лет было!

— Ой, Верка вступилась за своего пупсика, — хохочет Дарья. —
Орлица прямо. И вообще, задница в мужике — не главное.

— А что главное?

— Смешной вопрос, Евгения Андреевна.

— Да это «самое главное» у всех одинаковое.

— Не у всех.

— Боже мой, неужели Димон и здесь отличился?

— При чем тут Димка?

— А кто при чем? — синхронно округляя глаза, спрашивают Женя
и Вера.

Дашка ехидно улыбается и бросает взгляд в сторону вытирающей
тарелки Юли.

— Вот у чьего супруга в штанах... боевой молот. Тор, что с него
взять...

Из Юлькиных пальцев выпадет и бьется на мелкие осколки белая
тарелка. Сама Юля тоже белеет.

— Эй, мать, ты чего?

— Извини, Даш, я не знала, — потрясенно бормочет Юля.

Дарья подходит к подруге, обнимает за плечи, заглядывая в глаза.

— Чего ты не знала?

— Что вы с Глебом... тоже, — Юлька вся цепенеет от Дашиных
прикосновений. — Нет, я понимаю, вы учились вместе и все такое...

— Учились, вот именно! Но ты и дура! А еще умная женщина,
заместитель директора банка! — Дашка сильнее стискивает Юлины
плечи. — Ты хоть представляешь, как студенты меда перед операцией
переодеваются? Нам отдельных комнат для мальчиков и девочек не
давали. Первый семестр мы еще как-то смущались, по очереди
пытались переодеваться. Потом вместе, но вроде как отворачивались.
А ко второму курсу, да еще после курса пат. анатомии и посещения
морга... Если уж ты видишь, как человек в метре от тебя блюет, не

останавливаясь... Как после этого можно стесняться?! Так что все, и всех, и во всех анатомических подробностях рассмотрели. Парни все на меня преимущественно пялились. Что мне еще оставалось делать? Но я видела-то всего пару раз. И уж тем более — не трогала... хм... твоё сокровище. Не ревнуй.

— Вы там догола, что ли раздевались?!

— До белья. Но, кроме всего прочего... Ты попроси своего муженька рассказать, как он после второго курса в нашем спортлагере от мединститута голый в реке купался. И в том же виде пьяный по лагерю шастал.

Женька хохочет.

— А вы на Стаса накинулись, — ворчит, давясь смехом, Вера.

Лишь Юля все еще не может прийти в себя.

— Ты напугала меня до обморока!

— Какие мы ревнивые и чувствительные. Иди, скажи своему Тору, что пора мангал разжигать. А то, по-моему, они там корни пустили.

* * *

— Ну, что, не надумал еще менять свое корыто?

— Это ты про БМВ?

— Ну.

— Нормальная машина, мне нравится.

— Ты на нормальных не ездил.

— Ты про свой «Порш»?

— Именно.

— Да один хрен.

— Не в машине дело, — лениво вмешивается в их диалог Стас. — А в прокладке. Между рулем и водительским сиденьем.

— И на каком велосипеде ездит наша прокладка?

— Subaru.

Тихомиров презрительно фыркает.

— Япошка... никогда не сравнится с настоящей хорошей немецкой машиной.

— Говорить можно все что угодно.

— Тест-драйв?

— Легко!

— Глебыч, ты с нами?

Самойлов не спеша поднимается с травы.

— Почему нет?

— Ребята, вы ни о чем не забыли? — чуть в стороне стоит Олег, засунув руки в карманы ветровки.

— Чего тебе, зануда? Тебя не зовем — у тебя же все равно вместо крови тормозная жидкость!

— Не очень-то и рвусь, — Олег демонстративно достает из кармана связку автомобильных ключей с брелоками.

— Бл*, когда успел???

— Я же знал, чем все кончится.

— Отдай, а?

— Отдам. Даше.

Тихомиров вздыхает.

— Накрылся наш тест-драйв.

— Скорее уж — алко-драйв!

Из дома выходит Юля.

— Ну что, настоящие мужчины здесь есть?

— Если ты про дураков, чтобы топором махать — то нету, — отзывается сообразительный Тихомиров.

— Глеб?

— А что сразу Глеб? Я сегодня намахался колюще-режущими инструментами. Две операции выстоял, между прочим. Я устал.

— Юль, я наколю дров.

— Он вообще в состоянии топор поднять? — Глеб смотрит в спину удаляющейся в сторону поленницы худощавой и стройной фигуры Олега, который на ходу стаскивает с плеч ветровку, потом — футболку.

Димка фыркает:

— Смотри и учись!

— Нда... — через какое-то время замечает Стас. — Он точно юрист, а не профессиональный дровосек?

— Турист, фигле... Эй, Баженов, не увлекайся, уже достаточно!

— А ты, женщина, в дом иди! — рычит на жену Глеб. — Нечего на полуголых мужиков пялиться.

Юля демонстративно закатывает глаза, но приказание мужа и господина исполняет.

* * *

— Так, вы, подзащитные, блин! В камеру можете смотреть или как?

— Соловьев, а кто тут у нас мега-профессионал?

— Я что, так много прошу? Можно прекратить паясничать и просто посмотреть в камеру?

— Что, и раздеваться не надо?

— Бл*, и это взрослые люди! В детском саду проще снимать!

Щелк. Кадр.

Димка обнимает за плечи двух красивых женщин. Одна — русоволосая, другая — брюнетка. Обе — голубоглазые. Вся троица — высокие, стройные, статные. Димон улыбается довольной улыбкой. Как ребенок. Потому что успел поставить рожки и Даше, и Юле.

Щелк. Кадр.

Рядом стоят светлоглазые светловолосые Вера и Олег. Он обнимает ее за плечи. Они похожи, неуловимо похожи как брат с сестрой. Спокойным выражением лица, ироничной улыбкой. И только глаза их выдают. Сумасшедшие, с чертями, глаза.

Щелк. Кадр.

Глеб обнимает Женьку сзади, наклонившись и подавшись чуть вперед. И непонятно, где заканчиваются копна ее золотых волос и начинается его рыжий ежик. Он смотрит прямо в камеру, улыбаясь одними глазами, так, как умеет только он. Женька хохочет, морща нос и показывая язык красивому синеглазому фотографу.

Место действия — то же. Время — почти то же. Ночь.

— Олег...

— Жень, я устал...

— От чего?

— Рабовладелец Тихомиров заставил дрова колоть.

— Бедный малыш... Бедняжка. Дай, я тебя утешу. Поглажу.

Пауза. Лишь его учащающееся дыхание в ночной тишине.

— Эй, ты куда?

— Ты же устал. Спи. Отдыхай.

— А с этим что делать?

— С этим? Не знаю. Твои проблемы.

— Нет, милая, — притягивает ее к себе. Прижимает крепко, — это твои проблемы.

Занавес.

— Глеб, скажи мне...

— Что?

— У вас с Дашей было что-нибудь?

— Господи, откуда такие фантазии?

— Даша сказала...

— Что у нас что-то было?!?!

— Что она видела тебя голым!

— И что? — пожимает плечами. — Я ее тоже видел... почти голой.

— Тихомиров знает?

— Гм... Надеюсь, что нет. Он же псих припадочный...

— И как она?

— Красивая.

— Глеб!!!

— Что «Глеб»? Она же правда красивая. И ты красивая. А люблю я — тебя. Знаешь, — он притягивает ее голову к себе на плечо и шепчет прямо в ушко, — я до сих пор иногда не верю, что ты случилась в моей жизни. И у меня хватило ума все-таки не отпустить тебя.

— Я все еще случаясь в твоей жизни, если ты не заметил.

— Покажи мне, как...

Занавес

— Тебе не надоела эта камера?

— Я думал, ты спишь...

— Ты меня разбудил.

— Прости. Ты такая красивая, когда спишь. Я не смог удержаться...

— А когда не сплю?

— Еще красивее.

— Докажи...

Занавес

— Дим, я же сплю...

— Ты спи, спи, я потихоньку...

— Господи, хоть бы что-нибудь оригинальное придумал!

— А ты хочешь?

— Тебя — да!

— Ну вот... А говоришь, что спишь. Я же знаю.

— Я люблю тебя.

— Я люблю тебя.

ЗАНАВЕС.

Вы думали, это финал? Как бы не так! Занавес снова медленно расходится.

Время действия — то же. Ночь. Место действия — где-то, на усмотрение фантазии читателя.

В большой комнате тихо. Лишь слышно сладкое посапывание. Ветер мягко колышет занавески. Дети спят.

На огромном надувном матрасе, на полу, вповалку и в обнимку, на разобрать — где чьи руки, где — ноги, и кому принадлежит тугой смоляной локон, спят девочки Соловьевых: Надя, Люба и Соня. Лихие росчерки бровей, лохматые веера ресниц, не видные под закрытыми веками синие глаза — не расстающиеся ни днем, ни ночью — спят будущие роковые красавицы и разбивательницы мужских сердец в обмен на потрепанные нервы и седые волосы их великолепному отцу, на которого они похожи как одна.

На двуспальной кровати спят сестры Тихомировы — Маша и Катя. Старшая, Мария, даже во сне супит соболиные, как у папеньки, бровки, видимо, делая кому-то наисерьезнейшее внушение. Младшая светло улыбается во сне, удивительно похожая при этом на мать.

На двух односпальных кроватях, головами друг другу спят два рыжих «не-разлей-вода» демона. Один — тощий, с острыми локтями и коленками, весь в пятнах йода и зеленки, как какой-то неизвестный науке леопард, со спутанной копной рыжих кудрей. Другой — крупный, серьезный даже во сне, с коротким рыжим ежиком. Они не братья, но жить друг без друга не могут. Про таких говорят — вместе тошно, порознь — скучно. Это Витя Баженов и Коля Самойлов. Хотя Витей и Колей их называют исключительно взрослые. Сами себя они величают Вик и Ник.

Дети спят так, как можно спать только в детстве. Помните? «Как хорошо, от души спят по ночам малыши».

Впрочем, сон их особенно безмятежен еще по одной причине. Их покой хранит ангел. Да-да, самый настоящий ангел. Обычно мы не знаем имен ангелов. Да и о них самих мы мало что знаем, если честно. Но имя этого ангела нам известно. Его зовут Саша. Сидит на облаке, свесив вниз ножки, покачивая белыми пушистыми крыльями. Смотрит на спящих детей с легкой, чуть грустной улыбкой. Впрочем, это только нам она покажется грустной. На самом деле, ангелы не грустят.

Давайте же тихонько прикроем дверь, оставив Сашу хранить покой спящих детей. Отойдем немножко в сторону и скажем строго автору: «Цыц! Оставь в покое детей! Не вздумай даже и помыслить о том, чтобы еще и про них романы писать. Оставь детям их веселое, озорное, безмятежное детство».

Что остается делать? Все верно. Театрально вздохнув на прощание и понуриив плечи, автор разворачивается и медленно, шаркая ногами,

уходит в закат. Не верьте ему! Он притворяется. Автору есть чем заняться. Просто поверьте мне на слово.

Оглавление

Глава 1. Знакомство с резидентом. Отъезд резидента. Ошибка резидента

Глава 2. Женя разговаривает с собой. Виталий разговаривает с Олегом. Олег разговаривает с Женей

Глава 3. Пьем коньяк. Потом курим. И немного хулиганим, но по поводу

Глава 4. Вызов эвакуатора. Эвакуатор злится. Эвакуатор недоумевает

Глава 5. Утро. Похмелье. И головная боль. И добавить, при всем желании, нечего

Глава 6. Которая представляет собой один сплошной диалог. Про различных представителей фауны. А именно: собак, снежных барсов и демонов

Глава 7. Шпионаж. Агент под прикрытием. Государственные тайны не даются в руки

Глава 8. Мороженое и пиво. Господин декан гневается. Олег берет дело в свои руки

Глава 9. Очень важный разговор. Длинный. Трудный. В том числе — и для автора

Глава 10. Олег переквалифицируется в гонщика. Совет в Филях. Блицкриг

Глава 11. Женя наводит порядок в квартире. Потом — в голове. И, как выясняется, не напрасно

Глава 12. Сны. Воспоминания. И снова — поцелуи

Глава 13. И номер несчастливый. И содержание соответствующее.
Больше оправданий нет

Глава 14. Явление феи-крестной. Золушка превращается в
принцессу. А вот «Логан» так и остается тыквой

Глава 15. Ужин в ресторане. И то, чем он обычно заканчивается. И
не говорите мне, что вы не знаете — чем! Конечно, десертом

Глава 16. Утро и завтрак номер раз. Тихомиров
переквалифицируется в злую мачеху. Утро и завтрак номер два. Олег
меняет гардероб

Глава 17. Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба... И ее закономерные
последствия. И вообще — сплошное розовое, пушистое и в оборочку

Эпилог.